

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 4 (24) | 2021

Вятский государственный университет

**ВЕСТИК
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Научный журнал

№ 4 (24)

Киров
2021

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. Б. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриkker, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Мариийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

Scientific journal

Nº 4 (24)

Kirov
2021

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovar, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Коршунов В. А.</i> Люди и волки: дорожная традиция и историческая повседневность на севере европейской России в XIX–XX веках.....	9
<i>Фаизов А. В.</i> Состав Кабинета министров в 1731–1733 годах: персональная деятельность членов	20
<i>Дедкова Г. Р.</i> Религия и власть: Русская православная церковь в Крыму в 1920-е годы	27

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Сенников А. И.</i> Американо-иракские отношения и курдский вопрос в 1972–1975 гг.	36
---	----

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Осипов Е. А.</i> Россия во французской школьной программе по истории	44
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Мосолова Л. М., Бондарев А. В., Зыкин А. В.</i> Концептуализация понятия «коренные народы»: историография, интерпретации.....	50
--	----

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

<i>Марковчин В. В.</i> «Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. Часть II	60
--	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Вострокнутов А. В.</i> Погребальное пространство Пермского Предуралья эпохи Средневековья.....	68
<i>Лапшина З. С.</i> Археология Нижнего Амура: исследования предметов мелкой пластики каменного века	80

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Поляков О. Ю., Малых В. А.</i> Категории готического и неоготического в малой прозе Иэна Макьюэна (на примере сборника «Меж сбитых простишней»)	88
<i>Миленко В. Д.</i> Проблема изучения творческой истории сборника А. Т. Аверченко «Записки Простодушного»: к 100-летию первого издания.....	96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Молчанова Л. А.</i> Образ гротескного тела: от первопраздника к альтернативной моде	105
--	-----

<i>Киричек А. В. Архетип Анимы в неоромантической прозе Александра Грина (на материале романа «Бегущая по волнам»)</i>	115
<i>Ярушина К. А. «Август – это цифра, похожая на бесконечность»: магические практики в современной городской свадьбе.....</i>	123

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ефимова Н. М. Обращаясь к прошлому, мы находим себя в настоящем</i>	133
--	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Korshunkov V. A.</i> People and wolves: the road tradition and historical daily life in the North of European Russia in the 19th – 20th centuries.....	9
<i>Faizov A. V.</i> The composition of the Cabinet of Ministers in 1731–1733: personal activities of members	20
<i>Dedkova G. R.</i> Religion and Power: The Russian Orthodox Church in Crimea in the 1920s	27

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP AND FOREIGN POLICY

<i>Sennikov A. I.</i> U.S.-Iraqi relations and the Kurdish issue in 1972–1975.....	36
--	----

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

<i>Osipov E. A.</i> Russia in the French history school curriculum	44
--	----

HISTORIOGRAPHY

<i>Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V.</i> Conceptualization of the concept of "indigenous peoples": historiography, interpretations	50
--	----

HISTORY IN DOCUMENTS

<i>Markovchin V. V.</i> The "fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945. Part II	60
---	----

ARCHEOLOGY

<i>Vostroknutov A. V.</i> The burial space of the Perm Pre-Urals of the Middle Ages	68
<i>Lapshina Z. S.</i> Archeology of the Lower Amur: studies of objects of small plastic art of the Stone Age	80

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Polyakov O. Yu., Malykh V. A.</i> The categories of the gothic and the neo-Gothic in Ian McEwan's short stories (on the material of the collection "In Between the Sheets")	88
<i>Milenko V. D.</i> The problem of studying the creative history of A. T. Averchenko's collection "Notes of the Simple-Minded": to the 100th anniversary of the first edition	96

CULTURAL STUDY

<i>Molchanova L. A.</i> The image of a grotesque body: from the first holiday to alternative fashion	105
--	-----

<i>Kirichek A. V. The Archetype of Anima in the neo-romantic prose of Alexander Green (based on the novel "Running on the Waves")</i>	115
<i>Yarushina K. A. "August is a figure that looks like infinity": magical practices in a modern urban wedding.....</i>	123

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Efimova N. M. Turning to the past, we find ourselves in the present.....</i>	133
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)"18/19"

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.046

Люди и волки: дорожная традиция и историческая повседневность на севере европейской России в XIX–XX веках

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. Так называемая дорожная традиция – это условия, обстоятельства и ситуации, которыми в прежние века сопровождались сухопутные перемещения на дальние расстояния. Опасности на российских дорогах в прошлом могли быть не такими, как сейчас. До середины XIX в. часто случались нападения разбойников. А волки представляли значительную угрозу для пеших и конных путников на протяжении долгого времени, даже в XX в.

Волками и их поведением занимаются зоологи и охотоведы. Ученые-гуманитарии обычно не обращают внимания на эту угрозу, которая была присуща повседневной жизни миллионов людей в России. Только в 2018 г. вышла первая монография о волках в контексте русской культуры.

В этой статье изучены некоторые зафиксированные письменными источниками случаи нападений волков на дорогах. Источниками послужили мемуарные тексты, а также архивные документы, в которых имеются описания таких нападений. Кроме того, ущерб от волков фиксировался статистикой, которая к середине XIX в. уже имелась в большинстве губерний Российской империи. В статье используются конкретные материалы, связанные с Вятским краем и шире – северными территориями европейской России. Эти данные относятся преимущественно к XIX и первой половине XX в., когда в сельской местности во многом сохранялся традиционный уклад жизни (и традиционные средства передвижения). С другой стороны, тогда уже имелась хорошая возможность узнавать, запоминать и записывать дорожные происшествия и нападения.

На севере европейской части России, где дороги пролегали через малолюдные места по бескрайним лесам, водилось много агрессивных волков. Несмотря на неточности статистических сведений и мемуарных описаний, можно утверждать, что нападения хищников на дорогах и в самом деле происходили нередко. Более всего страдали дети и подростки. Некоторые местные жители (например, ямщики) приспособились к этой угрозе, зная, в каких ситуациях и когда именно волки опасны, а когда не очень. А на тех путешественников (иностранцев и русских), которые плохо ориентировались в обстановке, волчий вой вблизи дороги производил весьма сильное впечатление, и это находило отражение в текстах, ставших теперь историческими источниками. Волки были опасны и при обычном своем поведении и тем более, когда заболевали бешенством. Волчья угроза постоянно сопровождала повседневную жизнь миллионов людей в нашей стране. Простые люди воспринимали этих хищников мифологизированно. Широко распространялись поверья о нашествии в военные годы волков особенного облика («с гривами»). Тем самым страшный хищник связывался в сознании людей со страшным временем – изнурительным, голодным, кровавым.

Ключевые слова: дорожная традиция, повседневная жизнь, волки, дорожное движение, дорожные инциденты, мемуары, архивные документы.

В последние десятилетия стала изучаться дорожная традиция России прошлого времени (иначе «культура дороги»), то есть условия, обстоятельства и ситуации, которыми сопровождались сухопутные перемещения на дальние расстояния [13; 14; 33]. При таком рассмотрении внимание, прежде всего, концентрируется на трудностях и препятствиях, которые в этих случаях непременно возникали перед путешественниками. Кроме всех прочих недобродушных, опасностей, пешим и конным путникам грозили нападения, при которых они могли лишиться не только имущества, но и жизни. Вплоть до XIX в. на больших дорогах и

судоходных реках России встречалось немало разбойников, объединявшихся в шайки даже по несколько десятков человек. Разбойники были хорошо вооружены, причем не только обычным холодным и огнестрельным оружием, но иной раз и небольшими пушками. К середине XIX в. эта угроза мало-помалу сходила на нет. Оставался масштабный воровской промысел: организованные группы лихих людей мастерски срезали поклажу с проезжавших саней. Стычки и даже смертоубийства при этом по-прежнему случались, но уже как бы наоборот: ямщики и обозные мужики не давали пощады таким ворам [14, с. 324–423]. Что ж, хотя бы гибель в придорожной канаве купца, горожанина, чиновника, зажиточного крестьянина от ножа злодея перестала быть обыденностью. Однако нападать на безлюдной дороге умеет не только человек, но и дикий зверь. Волки и в XX в. оставались серьезной угрозой для людей и лошадей.

О поведении волков имеется на русском языке несколько книг и брошюр, а также немало статей, написанных зоологами и охотоведами. Но в этих работах ракурс рассмотрения специфичен: авторы исходят из практических надобностей борьбы с волками и охраны от них скота. А ученые-гуманитарии обычно не задаются целью изучения этой угрозы, отравлявшей повседневную жизнь миллионов российских подданных. Только в 2018 г. вышла книга американского слависта Иэна Хелфанта о волках в контексте русской культуры, ставшая первой монографией по этой теме. Хелфант отмечал, что в России, в отличие от многих других стран, «волчья проблема» и в сравнительно позднее время оставалась актуальной: этих хищников было множество, их постоянное присутствие нужно было учитывать, людям необходимо было от них защищаться. Но его интересовал образ волка, и он исследовал этот образ, главным образом, по произведениям русской литературы 1861–1917 гг., в которых зверь мало-помалу начинал изображаться как гонимое существо, которое могло вызывать понимание и сочувствие. Хелфант разбирал художественные тексты Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других писателей, добавляя сведения из мемуаров и прессы, чтобы выяснить особенности символического восприятия волка в русской культуре [35].

Для этой статьи избран гуманитарный (а не зоологический и охотоведческий) угол зрения. Однако и такой аспект, когда внимание обращается на *культурную символику образа*, не станет здесь преобладающим. Будут рассмотрены некоторые запечатленные письменными источниками случаи нападений волков (свершившихся или только назревавших). Они представляют интерес именно в контексте дорожной традиции, так что иные ситуации (например, когда волки, забегая в деревни, убивали собак, резали домашний скот и могли покусать людей) лишь указываются. Экономический ущерб тоже останется вне изучения.

Источниками служат мемуарные тексты, а также выявленные архивные документы, в которых имеются описания нападений волков. Кроме того, нападения фиксировались статистикой, которая к середине XIX в. уже была налажена в большинстве губерний Российской империи. В советское время такие данные не публиковались. Разумеется, статистические данные заведомо неполны: далеко не все случаи можно было учесть. Тщательнее учитывались те набеги хищников, которые заканчивались гибелью людей. Поэтому, если есть такая возможность, следует интересоваться не столько количеством нападений, сколько тенденциями – например, возрастала или уменьшалась опасность для путников¹.

На севере европейской части России, где холода долгие, а население редкое, в лесных чащах водилось множество волчьих стай. Местные жители, выходя или выезжая из дома, всегда имели в виду опасность нападения волков. Соответственно, в этой статье рассматриваются материалы, связанные с Вятским краем и шире – северными территориями европейской России. Как раз в г. Кирове (Вятке) расположен Всероссийский (прежде – Всесоюзный)

¹ Доктор биологических наук, охотовед, известный специалист по этологии (науке о поведении зверей) С. А. Корытин (1922–2012), изучая нападения волков на людей, использовал публиковавшуюся в «Журнале Министерства внутренних дел» статистику за 1840–1861 гг. Формализованные данные по разным губерниям Российской империи, процентные соотношения, некоторые из приведенных там случаев, в которых выявлялись важные для этолога обстоятельства, он анализировал с позиции знатока волчьего поведения, причем выбирал только те ситуации, когда звери, судя по описаниям, не были больны бешенством. Подходивших под такой критерий нападений на детей за этот период, по его подсчетам, оказалось 221, а на взрослых – 52 [15]. Определить, здоровым был зверь или больным, используя статистические данные середины XIX в. (которые восходят к пережившим сильный стресс людям и прошли несколько чиновничих инстанций), нелегко, даже когда этим занимается специалист-зоолог столь высокого уровня, как С. А. Корытин.

научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б. М. Житкова, специалисты которого занимались изучением волков и их поведения. Один из видных ученых этого института М. П. Павлов (1920–2009) обращал внимание, что, судя по нападениям на людей, когда-то в Вятской губернии и позже на той же территории, в Кировской области, обитали особенно злобные волки [22, с. 159].

Использованные в статье данные относятся преимущественно к XIX и первой половине XX в. Тогда в сельской местности во многом еще сохранялся традиционный уклад жизни (и традиционные средства передвижения), а с другой стороны, имелась хорошая возможность узнавать, запоминать и записывать дорожные происшествия и нападения хищников.

В 1653 г. французский хирург П. М. де Ламартинье в составе датской экспедиции проезжал с Печоры через Уральские горы на Обь. В своем дневнике он упоминал о медведях и волках: «Их так много, что мы постоянно были в страхе... ежеминутно ожидая нападения, хотя, оказывается, они нас столь же боялись, как и мы их...» [см.: 11, с. 29]. Если на датчан с французом звери так и не покусились, то на хорватского ученого богослова Юрия Крижанича через несколько лет в тех же краях налетела большая волчья стая. Он в начале 1661 г. направлялся в сибирскую ссылку с группой попутчиков. Зимний путь пролегал по Уралу. Отбивались они, как только могли, стреляли из пищали, но все же одну из лошадей уступили хищникам [26, с. 116–118].

От столь давней эпохи сохранились лишь единичные сведения о волчьих атаках на проезжавших путешественников. Гораздо больше нам известно о том, как обстояло дело с волчью опасностью уже в XIX в. и позже.

В декабре 1856 г. литератор и этнограф С. В. Максимов путешествовал в кибитке с ямщиком из местных по глухим местам на севере Архангельской губернии. В своей книге он приводил такой случай:

«Ночью как-то вой волков разбудил меня и обдал всего холодным потом.

– Гони, ямщик, скорее: погибаем!

Ответа не было. Казалось, ямщик дремал себе беззаботно и так крепко, что не слыхал зловещего, леденящего душу воя. Лошади бежали трусом.

– Гони лошадей: волки воют!

– А пущай их!

– Съедят, чудак, в клочья разорвут. Гони скорей, если дорога тебе жизнь! Опомнись – не спи!»

Однако ямщик сохранял спокойствие, лишь вопросил седока: «Нешто у вас они страшны, там... в Расее-то?» И добавил, что здесь волки сытые, «оленей режут», потому и не страшны. Да еще стреляют по ним – вот те и опасаются. «А то бы человека?! Сорок годов живу, не слыхивал, чтобы этого, никогда...» Послушать ямщика, так самым свирепым хищником в тех краях был комар: «Девоньку вон с братишком на трунде (тундре) комары заели – это было. Комаров у нас летом живет несосветимое много: деться некуда» [16, с. 343–344].

Максимов (как и те иностранцы за пару веков до него) – человек столичный, образованный. Его на пустынной дороге очень беспокоил близкий волчий вой. А местному жителю, тем более ямщику, который постоянно разъезжал туда-сюда по заснеженной тайге, вроде и не страшно было. Ведь и правда: нападения тогда не произошло. Интересно, что у славян, как и у некоторых других народов, встреча на пути с волком вообще-то сулила удачу [2, с. 155; 17, с. 285; 18, с. 57].

В архив Русского географического общества в середине XIX в. был прислан образец вятского говора, выполненный в виде очерка-зарисовки. Итак, зима, Святки, раннее утро. Крестьянская изба. Старуха и ее дочь, женщина лет сорока, поджидают своих домашних: мужчины уже четверо суток в дороге. Вот, наконец, во дворе стукнуло-брякнуло – приехали, значит. Женщины спрашивают, что же так долго-то? Один отвечает: «Издили, да чуть голову не произдили». Оказывается, волки напали: «Набежала чета арда, да куоням-то под губу» (целая орда). И на людей тоже стали бросаться. Пришлось стать спиной к спине и отбиваться – «чуть ли не пол-уповода» (уповод – несколько неопределенное, но протяженное количество времени, с утра до завтрака, от завтрака до обеда и так далее [1, с. 327; 20, с. 165]). Потом звери все-таки отступили: «Ушли жо окаянные: провал бы их взел». Старик-сосед, выслушав, добавил, что возле деревни тоже шастает с десяток волков – жеребца растерзали. С чего бы так много волков стало? А потому, что нечистая сила гонит их по этой местности к себе в гости! [см.: 30, с. 146]. Волки – в подданстве «нечистой силы», да и сами они подобны мифологической «нечисти».

Житель с. Лазарева Шурминского района Кировской области И. М. Помыткин в автобиографическом рассказе «“Сладкая” каторга» (датированном 1958-м г.) вспоминал, как он

подростком в 1908–1909 гг. работал в Уржуме в мастерской. В начале 1909 г. за ним из расположенной неподалеку деревни приехал отец, чтобы забрать домой. Выехали они из Уржума в ночь. «Перед рассветом мы встретили трех волков, но отец зажигал пучки соломы так, что их это отгоняло. И мы на рысях въехали в свою деревню» [25, текст 44, л. 6].

Священник Вячеслав Якобс (ставший впоследствии митрополитом Корнилием) в 1950-х гг. служил в Вологде. Ему часто приходилось выбираться в отдаленные места Вологодчины. В своих воспоминаниях он писал о трудностях пешего пути по дорожкам посреди заснеженных полей – и не о волках, а об одичавших собаках: «Зимой там особенно трудно пешком ходить – нужно строго придерживаться дороги, проложенной через поле, она утоптана, а если сойдешь вправо-влево, можно в снег провалиться по пояс и даже глубже, да и неизвестно, как оттуда выберешься. А иногда и опасно – бегали одичавшие собаки, которые могли напасть» [12, с. 87].

Возможно, запомнившиеся Корнилию бесхозные псы, готовые загрызть человека, развелись в Вологодской области в середине XX в. из-за полного разорения крестьянских хозяйств, которое началось задолго до того, а в голодные 1940-е только усугубилось. Вообще известно, что много хищного зверя плодится в годы социально-экономических неурядиц и войн. Нарастание волчьей опасности – признак социальной и экономической катастрофы. Знаменитый писатель-натуралист Л. П. Сабанеев в 1877 г. утверждал, что размножение волков случается «только в периоды упадка народного благосостояния, в эпохи бедствий и войн по преимуществу, как роковое и неизбежное последствие всякой неурядицы...». Приводя эти слова Сабанеева, зоолог-охотовед М. П. Павлов добавлял: «За мою многолетнюю охотничью практику дважды наблюдалось засилье волков в центральных областях европейской части страны: в годы Великой Отечественной войны и в период застоя в народном хозяйстве, ставшего характерным для 70-х годов» [22, с. 30–31]. Едва ли «период застоя» оказался несчастью, сопоставимым с великой войной, но волки и вправду – животные-индикаторы бедственного положения в государстве и обществе.

Вскоре после 1917 г., по словам изучавшего охотничьи традиции удмуртов А. Е. Загребина, «многие крестьянские общества испытали на себе настоящий террор со стороны волчьих стай». По официальным данным, урон от их нападений исчислялся сотнями голов скота, и это лишь в пределах небольшой части бывшей Вятской губернии – Вотской области (нынешней Удмуртии). В 1927–1928 гг. они там уничтожили 675 голов крупного рогатого скота, 14 лошадей и 520 других домашних животных. Нападали и на людей. Они стали даже в города забегать [7, с. 8].

Популярный литератор М. М. Зощенко в 1925 г. опубликовал в журнале «Смехач» фельетон под названием «Вятка», в котором со ссылкой на «Красную газету» прокомментировал героическую победу храброго вятского дворника. Тот на улице города смог задушить одного матерого волка (второй убежал в лес). Фельетон начинается так: «Вятка город провинциальный. В Вятке волки по улицам бегают. Там даже поговорка сложилась: волков бояться – по центральной улице неходить».

В 1924 г. два бешеных волка покусали вечером на улицах г. Вятки 20 человек, из которых 10 умерли [22, с. 137]. В 1926 г. ночью по Вятке прошла стая бешеных волков, для отстрела которых были срочно собраны охотники. Тогда прямо на улице города в схватке с хищником погиб один человек [5, с. 13].

В 1925 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии Серафим (Звездинский, 1883–1937) поселился в женском Борисоглебском Аносине монастыре (в д. Аносино нынешнего Истринского района Московской области). По воспоминаниям тамошних монахинь, зимой 1925–1926 гг. обнаруживались «следы волчьи возле самых домов». Было опасно «отойти подальше от крыльца в сумерки...». Из-за бездорожья сестры и владыка до села и в церковь добирались на лыжах. Епископ Серафим в день Николы Зимнего, 6 декабря, катаясь на лыжах с горы, чуть не налетел на волка. Как-то раз среди зимы случилась сильная оттепель, а Серафиму с сопровождающими нужно было выезжать на санях. «Вечеру, только отъехали версты четыре от станции Кубинка, как лошадь, смиренная и послушная, вдруг рванулась и – на дыбы, так что лопнули вожжи. «Что? В чем дело?» – «Видно, волки близко, – сказала наша возница препростая Доминика, – вон блестят глаза!» Ехать быстро нельзя, дорога талая, лошадь проваливается. А волки забегают вперед, кидаются навстречу. Испугать бы их, зажечь бумагу – они огня боятся. Но спички отсырели, ничего сделать не можем. «Волк бежит за нами», – закричала Доминика. Оглянулись, видим зверя – вроде крупного пса. Застучали, закричали мы, – волк с дороги в кусты. Тревожно и жутко. Тьма кругом и лес... Минута часом кажется.

Добрались кое-как до поворота к нашей пустыни и вдруг – оглобля треснула. Владыка вышел из саней и, утопая в сугробах, пошел пешком, а мы – за ним. Но, слава Богу, Бог милостив: добрались и до пустынного дома...» (то есть до дома в своем монастыре) [6, с. 397–398].

Г. И. Шоломов (1937–2021), живший в Кировской области, вспоминал: «В войну было очень много волков в лесах (даже, говорили, были шакалы). Но мы как-то не боялись. Летом я, например, один ходил за грибами, и в голову не приходило, что надо бояться волков». Но, по его словам, волки в те годы летом, по ночам все же нападали на пасущихся в лугах лошадей. «Приходили охотники иногда из города с ружьями, но ни одного волка, по-моему, не убили. Волки по ветру чувствовали запах охотников и близко не подходили» [32]. Интересно, каких зверей вятские деревенские жители (либо только мальчишки) в 1940-х гг. называли шакалами, тем самым отделяя их от обычных волков? Может быть, одичавших собак? Или «гривастых» волков (о них далее)?

Жительница Эстонии Т. Б. Кашнева была арестована накануне нападения Гитлера на СССР, 16 июня 1941 г., и выслана с членами семьи в Лебяжский район Кировской области. Впоследствии она вспоминала о зимней поездке ее родственников из д. Фоминых в с. Окунево. Когда заехали в лес, «ранняя зимняя ночь уже стерла все очертания». До них уже давно доносился волчий вой, «а теперь мама и Аля увидели среди черных молчаливых елей огоньки голодных глаз». Лошадь испугалась и понесла, волки помчались следом. На ухабах сани сильно мотало, люди с трудом держались, чтоб только не выпасть. «А огоньки все ближе и ближе – скорей бы деревня. Уже видны заснеженные крыши избушек. Аленушка, сокращая дорогу, с остервенением гонит прямо к речке. Вдруг некрепкий еще лед ломается. Войдя в ледяную воду, Аля вытаскивает на берег под уздцы взмыленную дрожащую лошаденку. Хорошо, что здесь неглубоко. Мама и дети промокли только наполовину, но вода залила все вещи...» [10, с. 30–31].

Т. С. Шильникова (1920 г. р.), рассказ которой был записан краеведом Л. М. Романенко, в годы войны работала в Кировской области. Ей приходилось много ходить и ездить. Шильникова вспоминала случай, когда зимой нужно было добраться в Шалеевский сельсовет Макарьевского района, и она решила «пойти не по большой дороге, а напрямую». И вот в сумерках среди поля – такая встреча: «Вдруг вижу: далеко впереди что-то чернеет, это что-то двигается в мою сторону. По силуэту и не человек, и не лошадь – не могу понять. Возвращаться назад уже далеко. И страшно, но делать нечего, продолжаю свой путь. Когда расстояние между нами сократилось, вижу – навстречу мне идет мужчина и что-то несет на руках, точнее, кого-то, руки свешиваются почти до земли. «Это Валька, – объяснил он, кивком головы указывая на свою ношу, – наша почтальонша. Волки горло перегрызли. Я отогнал волка, но уже поздно. Он убежал под ближний стог». На руках мужчина держал тело девочки-подростка лет 12, все в крови. Это была дочка почтальонши, которую мать послала по ближним деревням разнести почту. Она ей всегда помогала, ничего не случалось, но сегодняшний день оказался роковым. До большой дороги, где ходят люди и ездят транспорт, еще далеко. Идти одной мне было очень страшно». Та жуткая встреча накрепко запала Шильниковой в память, хотя подробности она, судя по всему, могла выяснить и позднее: «Эту командировку я запомнила на всю жизнь» [28, с. 74–75].

По данным, собранным ученым-охотоведом М. П. Павловым, нападения волков-людоедов в Кировской области происходили в заметном количестве с 1944 г. и до начала 1950-х, последние зафиксированные случаи были в 1953 г. В конце Великой Отечественной войны волки снова, как в 1920-х гг., начали появляться даже на улицах областного центра [22, с. 142–148, 156].

В большинстве приведенных свидетельств нападения происходили в зимнее время. Есть устойчивое мнение, что волки ведут себя активнее и становятся особенно агрессивными зимой, когда морозно, а корма становится меньше и добыть его труднее. Такое представление закрепилось в народной традиции. Славяне издавна считали: период, когда волки наиболее опасны (совпадающий, кстати, с разгулом «нечистой силы»), длится с осени до весны. У восточных славян это чаще всего время с осеннего Юрия до весеннего Юрия, то есть с 9 декабря до 6 мая (по новому стилю) [2, с. 132–135]. Однако зоологи-охотоведы указывают, что нападения на людей чаще случаются в теплый период года [22, с. 152–153; 15, № 7, с. 13]. Получается, что в обыденном сознании людей волки до сих пор ведут себя вопреки биологическим закономерностям, зато в соответствии с древним мифологическим восприятием этих хищников.

Согласно официальному отчету о происшествиях в Вятской губернии, посланному из Вятки в Центральный статистический комитет в Санкт-Петербурге, 2 февраля 1869 г. «на дороге» близ починка Аршинского в Рыбинской волости Орловского уезда волк покусал крестьян

Матвея Шихова и Козьму Мухина. «У первого исцарапал на голове кожу до кости и искусал нос, левую ногу и руку, а у второго левую щеку, висок и правую руку. Означенный волк в тот же день убит из ружья кр[естьянином] Ильей Измельцевым» [31, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 57]. Судя по обстоятельствам случившегося, волк мог быть бешеным. Специально присланный лекарь обследовал пострадавших. Он счел, что те легко отделались. По его определению, раны незначительны, уже совсем зажили, и оба крестьянина «совершенно здоровы, припадков бешенства с ними не было» [31, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 51]. Однако спустя полтора месяца после схватки с волком брат Козьмы Мухина Трофим сообщил: Козьма «пришел в сумасшествие, выбив в окне окончину, выскочил на улицу и убежал в лес; оттуда, через несколько времени возвратясь с деревянным стягом, замахивался оным на Трофима и селенцов его, обещаясь убить домашних своих, за что селенцы связали его и представили к нему караул». Трофим слыхал от больного брата, будто накануне «прихода в сумасшествие», когда тот рубил в лесу дрова, ему там «показался какой-то мужик, и с того времени у него вновь заболели раны, нанесенные волком». Вскоре Козьма Мухин помер [31, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 55–55 об.]. Возможно, люди подумали, что это был волк-оборотень, раз он смог о себе напомнить Мухину, показавшись тому в облике мужика.

Бешеные волки очень опасны. Они ничего не боятся, их влечет ближе к селениям, они сходу набрасываются на домашних животных и людей [22, с. 165]. Однако специалисты – зоологи и охотоведы – утверждают, что нападать на людей способны не только заболевшие бешенством звери, но и вполне нормальные. Такие тоже опасны: они действуют целеустремленно и расчетливо [15].

Волк – одно из самых мифологизированных животных [9; 34; 36; 37], в том числе у славян. В народных рассказах волки нередко характеризуются подобно мифологическим персонажам – как «нечистая сила» [2, с. 122–159; 4; 17; 18; 19]. У славян были распространены поверья о том, что с помощью колдовства человека можно превратить в волка-оборотня – волколака (волкодлака), на время или навсегда. В зверином обличье такой оборотень сохраняет разум [3; 38].

В Архангельской области, на Каргополье (в нескольких районах возле г. Каргополя) собирали фольклора в конце XX и начале XXI в. записали почти сотню рассказов о том, что во время Великой Отечественной войны в тех краях во множестве появились волки, причем особенного обличья – «гривастые волки» или «волки с гривами». В этих историях сочетаются реальные обстоятельства жизни военных лет и легендарные подробности. Люди говорили, что причиной нашествия необычных зверей стали военные действия. Изучавший эту тему фольклорист и этнограф А. Б. Мороз предположил, что на такой облик волков в народных рассказах могла повлиять традиционная северорусская домовая роспись (наивного стиля), в которой гривастыми изображаются львы, похожие на хорошо знакомых крестьянам волков. Он также отметил, что в повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (1922) в реплике одного из персонажей упомянуты «волки с гривами» [20].

В «Мирской чаше» Пришвина отразились реалии хорошо знакомой автору Смоленской губернии. Так что и на Смоленщине тоже передавались поверья о гривастых волках, причем задолго до Великой Отечественной, зато сразу после опустошительных событий, начатых Первой мировой войной.

Гривастые волки (по-русски чаще «гривистые») действительно существуют. Это хищные животные, внешне более сходные с лисами, они обитают в Южной Америке. Однако те люди, которые рассказывают о гривастых волках в России, разумеется, имеют в виду не их.

Такие поверья выявляются в Кировской области и прилегающей к ней Удмуртии. В 2016 г. на портале «Родная Вятка» несколько человек обсуждали эту тему. Дескать, по воспоминаниям старожилов, во время Великой Отечественной войны в вятских лесах развелось множество волков необычного обличья – «с гривами». Вот одна из реплик: «Мой папа тоже вспоминает, что в войну к нам пришли волки с длинными гривами. Говорят, их “пригнала” сюда война. Я копался в интернете, но биологи не подтверждают наличие в природе такого вида волков. Однако не верить воспоминаниям своего отца не могу, он их видел лично. Отец вспоминает, что к ним прямо в деревню (Фаленский район, граница с Удмуртией), в открытую ограду, летом в обед зашли два таких волка. <...> Эти волки были с гривами, как у лошадей. Гривы доставали почти до земли. Потом эти гривастые волки куда-то ушли». Участвовавшая в обсуждении женщина-охотовед привела ссылку на другой интернет-ресурс, где охотник передавал рассказ о гривастых волках в Оренбургской области, и пояснила: «У волков

остевые волосы на загривке достигают длины до 13 см и заметно выделяются на фоне общего волосяного покрова. А у агрессивно настроенного зверя вообще шерсть встает дыбом»; «Наши вятские волки лесного кряжа² имеют довольно густой и пышный волосяной покров. У самцов ость на загривке выше. А если зверь видит человека или другую опасность, он, конечно, шерсть подымет на загривке, это уж такая реакция поведенческая. Ну, Вы собаку озлобленную видели (волкоподобного типа)? Как она выглядит, какая у нее шерсть вздыбленная на загривке? Ну, и плюс “у страха глаза велики”. Хотя не дай Бог такое в лесу встретить, еще и безоружным». Обсуждая эту тему, перешли на более распространенные рассказы-воспоминания о волках в те военные годы. Одна женщина написала, что ее бабушка, жившая в Котельничском районе, «рассказывала об огромном количестве волков во время войны и к ее концу. Очень боялись ходить по лесу. Собирались по несколько человек, последний привязывал к поясу длинную веревку, которая тянулась сзади по снегу, якобы волки думали, что это петля, и не нападали». А вообще, отправляясь в пеший путь, деревенские в те годы брали с собой солому и дефицитные во время войны спички, чтобы огнем отгонять хищников [27].

Что же касается ассоциации волков (непривычного облика) с военными бедствиями, то в Вологодчине, соседней с Архангельской областью (там записано много таких рассказов), известно поверье: волки прокладывают свои тропы туда, где будет война. В той же Вологодской губернии (и еще в другой населенной славянами стране – Македонии) знали: множество волков сулит войну [2, с. 156]. Правда, в Каргополье, куда Великая Отечественная не докатилась, некоторые люди толковали иначе: дескать, такие волки в наши леса с запада прибежали, спасаясь от войны. В любом случае, волки в народных рассказах связывались с тяжким и кровавым военным временем. Это распространенная точка зрения, которая отчасти основана на реальном увеличении количества диких зверей, и особенно хищных, просто потому, что тогда их перестали регулярно отстреливать. Например, в соседнем с Вяткой Прикамье люди вспоминали: приметой скорой войны стало то, что лесные звери начали забегать в деревни, а волки сильно расплодились и принялись часто выть [23, с. 19].

Получается, что поверья о «гривастых» волках отмечены в Архангельской, Смоленской, Оренбургской, Кировской областях и Удмуртии. Похоже, до сих пор никто из ученых, кроме А. Б. Мороза, не обращал внимания на этот фольклорно-мифологический мотив. При столь обширном географическом распределении можно не сомневаться, что целенаправленное полевое исследование принесет немало быличек и иных устных текстов о необычных на вид волках в военное время.

Еще один признак мифологического восприятия волка – распространявшиеся в народе заговорные тексты, которые надо было произносить при встрече на пути с волком. Ему советовали идти своей дорогой, а у человека, мол, тоже дорога своя – другая. Его спрашивали, где тот был, когда Христос родился (либо крестился) или же когда Христа распинали – и тем самым ставили себя под защиту Бога [2, с. 152–153; 24, № 395–401]. Согласно свидетельству В. Н. Добровольского, «волк, по мнению крестьян Смоленской губернии, легко поддается заговорам и внушениям» [4, с. 135].

Постоянная волчья опасность для путников существовала не только в лесных северных губерниях. На юге Российской империи, в степных местностях, тоже приходилось остерегаться нападений, особенно зимой и в метель. Надворный советник П. П. Свинин летом 1816 г. составил описание Бессарабии. По его словам, не раз бывало, что солдаты, посланные из одного селения в другое, теряли дорогу, начинали блуждать в бескрайних заснеженных просторах и погибали «не столько от стужи, сколько от волков и голода» [29, с. 374]. Видный сановник Д. А. Оболенский в 1854 г., в конце зимы, добирался из Новочеркасска в Ростов-на-Дону. В его дневнике есть запись о встретившейся ему компании молодых грузин, произведенных в офицеры: «...Они едут на трех тройках и потому более безопасны от стай гуляющих волков». Оболенский добавил услышанный рассказ, как на днях от волков на дороге еле-еле отился один фельдшер, которому повезло: как раз подоспела почтовая повозка [8, с. 55–56].

Итак, хищные звери представляли значительную угрозу для пеших и конных путников издавна и, по крайней мере, до середины XX в. На севере европейской части России, где дороги пролегали через малолюдные места по дремучим лесам, водилось много агрессивных волков. Несмотря на неточности статистических сведений и мемуарных описаний, можно утвер-

² Кряжем специалисты-товароведы называют тип «пушно-меховых качеств» волчьей шкуры [22, с. 36].

ждать, что нападения хищников на дорогах и в самом деле происходили нередко. Более всего страдали дети и подростки. Некоторые местные жители (например, ямщики) приспособились к этому, зная, в каких ситуациях и когда именно волки опасны, а когда не очень, и как с ними нужно обходиться. А на тех путешественников (иностранных и русских), которые плохо ориентировались в обстановке, волчий вой вблизи дороги производил весьма сильное впечатление, и оно затем находило отражение в текстах, ставших теперь историческими источниками. Эти сильные, умные, смелые животные были опасны и при обычном своем поведении и тем более, когда заболевали бешенством. Волчья угроза постоянно сопровождала повседневную жизнь миллионов людей в нашей стране, и простые люди воспринимали этих хищников мифологизированно. Широко распространялись поверья о нашествии в военные годы волков особенного облика («гривастых», «с гравами»). Тем самым страшный хищник связывался в сознании людей со страшным временем – изнурительным, голодным, кровавым.

Список литературы

1. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
3. Гура А. В., Левкиевская Е. Е. Волколак // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 418–420.
4. Добровольский В. Н. Суеверия относительно волков // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. 51. № 4. С. 135–136.
5. Дубовцев В. А. Как организовать приют. [Кирово-Чепецк] : Кирово-Чепецк. филиал ОАО «Кировская обл. тип.», [2008]. 20 с.
6. Епископ Серафим (Звездинский) в Аносиной пустыни // «Женская Оптина» : материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря / сост. С. и Т. Фомины. М. : Паломник, 1997. С. 397–411.
7. Загребин А. Удмуртская охота: к проблеме трансформации идеи и технологии // Финно-угроведение. 2004. № 1. С. 3–19.
8. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб. : Нестор-История, 2005. 504 с.
9. Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 242.
10. Каинева Т. Б. Земная коротка наша память... Невыдуманная повесть. Таллинн : Александра, 1993. 224 с.
11. Колбас В. С., Зиновьев А. П. «Сказания» иностранцев XVI–XVII веков об Урале : сб. ст. Пермь : [Б. и.], 1998. 51 с.
12. Корнилий, митр. Таллинский и всея Эстонии. О моем пути. Таллин : [Б. и.], 2009. 256 с.
13. Коршунов В. А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М. : Форум, 2015. 240 с.
14. Коршунов В. А. Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.
15. Корытин С. О людоедстве волков // Охота и охотничье хозяйство. 1990. № 6. С. 6–7; № 7. С. 12–14.
16. Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 607 с.
17. Мишин П. И. Образ волка в магических практиках белорусского Подвінья // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Электронны зборнік навуковых артыкулаў IV міжнароднай навуковай канферэнцыі да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта / Пад агульнай рэдакцыяй І. Корсак. Навапалацк : Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2018. С. 281–289. URL: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/23096> (дата обращения: 17.11.2021).
18. Мишин П. И. Эволюция магико-ритуальных практик, связанных с образом волка // Вестник Полоцкого гос. университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 55–61.
19. Мороз А. Б. Волк в южнославянской народной культуре: человеческое и демоническое // Миф и культура: человек – не-человек : тез. конф., ноябрь 1994 г. / редкол.: Л. А. Софонова, Л. Н. Титова. М. : Ин-т славяноведения и балканстики РАН, 1994. С. 30–32.
20. Мороз А. Б. Гривастые волки в Каргополье // Русский Север: по страницам летописи веков Каргополья : авторский сб. ст. / науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. М. : Т-во исследователей Рус. Севера, 2014. С. 106–137.
21. Областной словарь вятских говоров. Киров : ООО Изд-во «Радуга-ПРЕСС», 2017. Вып. 11 [Под ред. З. В. Сметаниной]. 260 с.
22. Павлов М. П. Волк. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Агропромиздат, 1990. 351 с.
23. Подюков И. А., Свалова Е. Н. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX – начала XXI в.) // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 17–27.
24. Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / сост., подгот. текстов и comment. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2003. 752 с.

25. Помыткин И. М. «Сладкая» каторга (Машинопись). Кировский обл. краеведческий музей. Библиотека. Материалы фольклорного фонда И. А. Мохирева. Папка 18 : Легенды, аллегории, притчи. Предания, сказы, воспоминания.
26. Пушкирев Л. Н. Юрий Крижанич: очерк жизни и творчества. М. : Наука, 1984. 214 с.
27. Родная Вятка : краеведческий портал. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/forum/91723> (дата обращения: 17.11.2021).
28. Романенко Л. М. Любовь с первого взгляда : сб. рассказов. Киров : Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Киров. обл., 2010. 84 с.
29. Свильин П. П. Описание Бессарабской области // Stratum plus : международный журнал по археологии и культурной антропологии. 2001–2002. № 6. С. 342–413.
30. Трушкова И. Ю. Женщина и мужчина в традиционной культуре русских Вятского региона: гендерные портреты. М. : ВятГУ, 2009. 300 с.
31. Центральный государственный архив Кировской области.
32. [Шоломов Г. И.] Повесть о пережитом: мое советское детство в деревне Шоломы, Зуевского района, Кировской области. Ч. 1. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/15633/133956> (дата обращения: 14.11.2021).
33. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
34. Dunningan A. Wolves // Encyclopedia of religion. 2nd ed. / ed. in chief Lindsey Jones. Detroit [et al.] : Thomson Gale, 2005. Vol. 14. P. 9783–9785.
35. Helfant, Ian M. That savage gaze: wolves in the nineteenth-century Russian imagination. Boston, MA : Academic Studies Press, 2018. XXVI + 174 p.
36. Kõiva M. The wolf: human/non-human relations on the basis of etiologies and verbal communication // Folklore : electronic journal of folklore. 2019. Vol. 77. P. 181–198. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol77/koiva.pdf> (дата обращения: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.koiva.
37. Mencej M. Gospodar volkov v slovanski mitologiji. Ljubljana : Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljane, 2001. 331 s.
38. Mencej M. The werewolf as a religious and ethnic other in a Herzegovinian legend // Folklore : electronic journal of folklore. 2019. Vol. 77. P. 91–114. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol77/mencej.pdf> (дата обращения: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.mencej.

People and wolves: the road tradition and historical daily life in the North of European Russia in the 19th – 20th centuries

V. A. Korshunkov

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. The so-called road tradition is the conditions, circumstances and situations that in previous times accompanied long-distance land travel. The dangers on Russian roads in the past may not have been the same as they are now. Until the middle of the 19th century robbers often attacked. Wolves posed a significant threat to foot and horse travelers for a long time too, even in the 20th century.

Zoologists and hunting specialists deal with wolves and their behavior. Humanitarians usually do not pay any attention to this threat, which was inherent in the daily life of millions of people in Russia. Only in 2018 the first monograph on wolves in the context of Russian culture was published.

This paper examines some cases of wolf attacks on the roads recorded by written sources. The sources are the memoir texts, as well as archival documents that contain descriptions of such attacks. In addition, the damage from wolves was recorded by statistics, which by the middle of the 19th century was already available in most provinces of the Russian Empire. The paper uses specific materials related to the Vyatka region and the wider northern territories of European Russia. These data relate mainly to the 19th and the first half of the 20th century, when the traditional way of life (and the traditional means of transportation) was largely preserved in rural areas. On the other hand, then was already a good opportunity to recognize, remember and record traffic incidents and aggressive attacks.

In the north of the European part of Russia, where roads ran through sparsely populated places and vast forests, there were many aggressive wolves. Despite the inaccuracies of statistical data and memoir descriptions, it can be argued that the attacks by predators on the roads actually occurred quite often. Children and teenagers suffered the most. Some locals (for example, coachmen) were adapted to this threat, knowing in which situations and when exactly wolves are dangerous, and when not so much. And for those travelers (foreigners and Russians) who were poorly oriented in the situation, the howling of wolves near the road made a very strong impression, and this was reflected in the texts that have now become historical sources. Wolves were dangerous with their usual behavior and even more so when they fell ill with rabies. The wolf threat has

constantly accompanied the daily life of millions of people in our country. Ordinary people perceived these predators mythologized. There were widespread beliefs about the invasion of wolves of a special appearance ("with manes") during the war years. Thus, a terrible predator was associated in the minds of people with a terrible time - exhausting, hungry, and bloody.

Keywords: road tradition, daily life, wolves, traffic, road incidents, memoirs, archival documents.

References

1. *Vasnecov N. M. Materialy dlya ob'yasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govorov* [Materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Gubernia typ. 1907. 357 p.
2. *Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. M. Indrik. 1997. 912 p.
3. *Gura A. V., Levkievskaya E. E. Volkolak* [Volkolak] // *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary / under the gen. ed. of N. I. Tolstoy. M. International relations. 1995. Vol. 1. Pp. 418–420.
4. *Dobrovolskij V. N. Sueveriya otnositel'no volkov* [Superstitions concerning wolves] // *Etnograficheskoe obozrenie* – Ethnographic review. 1901. Book 51. No. 4. Pp. 135–136.
5. *Dubovcev V. A. Kak organizovat' priyut. [Kirovo-Chepeck]* : Kirovo-Chepeck. filial OAO "Kirovskaya obl. tip." [How to organize a shelter. [Kirovo-Chepetsk] : Kirovo-Chepetsk branch of JSC "Kirov region typ."] [2008]. 20 p.
6. *Episkop Serafim (Zvezdinskij) v Anosinoj pustyni* – Bishop Seraphim (Zvezdinsky) in the Anosino hermitage // "Zhenskaya Optina" : materialy k letopisi Boriso-Glebskogo zhenskogo Anosina monastyrja – "Female Optina" : materials of the annals of the Boris and Gleb women's Anosino monastery / comp. by S. Fomin and T. Fomina. M. Palomnik (Pilgrim). 1997. Pp. 397–411.
7. *Zagrebin A. Udmurtskaya ohota: k probleme transformacii idei i tehnologii* [Udmurt hunting: the transformation of ideas and technologies] // *Finno-ugrovedenie* – Finno-Ugric Studies. 2004. No. 1. Pp. 3–19.
8. *Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo* – Memoirs of Prince Dimitri Alexandrovich Obolensky. SPb. Nestor-Istoriya Publ. 2005. 504 p.
9. *Ivanov V. V. Volk [Wolf]* // *Mify narodov mira: enciklopediya* – Myths of the world: encyclopedia / chief ed. S. A. Tokarev. M. Sov. Encyclopedia. 1991. Vol. 1. p. 242.
10. *Kashneva T. B. Zemnaya korotka nasha pamyat'... Nevydumannaya povest'* [Our earthly memory is short ... A non-fictitious story]. Tallinn. Alexandra. 1993. 224 p.
11. *Kolbas V. S., Zinov'ev A. P. "Skazaniya" inostrancev XVI–XVII vekov ob Urale : sb. st.* ["Tales" of foreigners of the 16th–17th centuries about the Urals : collection of art.] Perm. [without publisher]. 1998. 51 p.
12. *Kornilij, mitr. of Tallinn and all Estonia. O moem puti* [About my way]. Tallinn. [without publisher]. 2009. 256 p.
13. *Korshunkov V. A. Dorozhnaya tradiciya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. M. Forum. 2015. 240 p.
14. *Korshunkov V. A. Put' skroz' veka i zemli: dorozhnaya tradiciya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition in Russia]. M. Redkaya Ptica (Rare Bird). 2020. 624 p.
15. *Korytin S. O lyudoedstve volkov* [About anthropophagy of wolves] // *Ohota i ohotnicheho hozyajstvo* – Hunt and hunting economy. 1990. No. 6. Pp. 6–7; No. 7. Pp. 12–14.
16. *Maksimov S. V. God na Severe* [A year in the North]. Arhangelsk. North-West book publ. 1984. 607 p.
17. *Mishin P. I. Obraz volka v magicheskikh praktikah beloruskogo Podvin'ya* [A wolf image in the magic practices of the Belarusian Dvina region] // *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannya*. Elektronny zbornik navukovyh artykulaž IV mizhnarodnaj navukovaj konferencyi da 50-goddzya Polackaga dzyarzhaynaga jñiversiteta – Belarusian Dvina region: experience, methodology, and results of the field and interdisciplinary research. Electronic collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference to the 50th anniversary of Polotsk State University / ed. by I. Korsak. Navapolack. Polotsk State University. 2018. Pp. 281–289. Available at: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/23096> (date accessed: 17.11.2021).
18. *Mishin P. I. Evolyuciya magiko-ritual'nyh praktik, svyazannyh s obrazom volka* [Evolution of magical and ritual practices associated with the image of the wolf] // *Vestnik Polockogo gos. universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki* – Herald of the Polotsk State university. Series A: Humanities. 2005. No. 1. Pp. 55–61.
19. *Moroz A. B. Volk v yuzhnoslavianskoj narodnoj kul'ture: chelovecheskoe i demonicheskoe* [Wolf in South Slavic folk culture: human and demonic] // *Mif i kul'tura: chelovek – ne-chelovek. Tez. konf. Noyabr' 1994 g.* – Myth and culture: human and not human. Thes. of conf. November 1994 / ed. board: L. A. Sofronova, L. N. Titova. M. Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. 1994. Pp. 30–32.
20. *Moroz A. B. Grivastye volki v Kargopol'e* [Maned wolves in Kargopolye] // *Russkij Sever: po stranicam letopisi vekov Kargopol'ya : avtorskij sb. st.* – Russian North: through the pages of a Kargopolye's chronicle of centuries : authors' collection of art. / scient. ed. and comp. N. I. Reshetnikov. M. Partnership of researchers of Rus. North. 2014. Pp. 106–137.
21. *Oblastnoj slovar' vyatskikh govorov* – Regional dictionary of Vyatka dialects. Kirov. LLC Publishing House "Raduga-PRESS". 2017. Is. 11 [Edited by Z. V. Smetanina]. 260 p.

22. Pavlov M. P. *Volk. 2-e izd, pererab. i dop.* [Wolf. 2nd ed., revised and add.] M. Agropromizdat. 1990. 351 p.
23. Podyukov I. A., Svalova E. N. *Obraz vojny v narodnom predstavlenii (po dialektnym i fol'klornym materialam Prikam'ya konca XX – nachala XXI v.)* [The image of war in the popular perception (based on the dialectal and folklore materials of the Kama region in the late 20th – early 21th centuries)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Herald of Perm University. Series: Russian and foreign Philology.* 2013. Is. 3 (23). Pp. 17–27.
24. *Polesskie zagovory (v zapisyah 1970–1990-h gg.)* – The Polesia spells (in the records of the 1970s – 1990s / comp., prep. texts and comments by T. A. Agapkina, E. E. Levkievskaya, A. L. Toporkov. M. Indrik. 2003. 752 p.
25. Pomytkin I. M. "Sladkaya" katorga (*Mashinopis'*). *Kirovskij obl. kraevedcheskij muzej. Biblioteka. Materialy fol'klornogo fonda I. A. Mohireva. Papka 18 : Legendy, allegorii, pritchi. Predaniya, skazy, vospominaniya* ["Sweet" penal servitude (Typewriting). Kirov Region Museum of Local Lore. Library. Materials of I. A. the Mokhirev's Folklore Fund. Folder 18 : Legends, allegories, parables. Legends, fairy tales, memories].
26. Pushkarev L. N. *Yurij Krizhanich: ocherk zhizni i tvorchestva* [Yuri Krizhanich: an essay on life and creativity]. M. Nauka (Science). 1984. 214 p.
27. *Rodnaya Vyatka : kraevedcheskij portal* – Native Vyatka : local history portal. Available at: <https://rodnaya-vyatka.ru/forum/91723> (date accessed: 17.11.2021).
28. Romanenko L. M. *Lyubov's pervogo vzglyada : sb. rasskazov* [Love at first sight : collection of stories]. Kirov. Territorial body of the Federal Service of State Statistics on the Kirov region. 2010. 84 p.
29. Svin'in P. P. *Opisanie Bessarabskoj oblasti* [Description of the Bessarabian region] // *Stratum plus : mezhdunarodnyj zhurnal po arheologii i kul'turnoj antropologii* – Stratum plus : International Journal of Archaeology and Cultural Anthropology. 2001–2002. No. 6. Pp. 342–413.
30. Trushkova I. Yu. *Zhenschchina i muzhchina v tradicionnoj kul'ture russkih Vyatskogo regiona: gendernye portrety* [Woman and man in the traditional culture of Russians of the Vyatka region: gender portraits]. M. VyatSU. 2009. 300 p.
31. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central State Archive of the Kirov region.
32. [Sholomov G. I.] *Povest' o perezhitom: moe sovetskoe detstvo v derevne Sholomy, Zuevskogo rajona, Kirovskoj oblasti. Ch. 1* [The story of the experience: my Soviet childhood in the village of Sholomy, Zuyeovsky district, Kirov region. Part 1]. Available at: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/15633/133956> (date accessed: 14.11.2021).
33. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [Culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th – 20th centuries]. M. Indrik. 2003. 528 p.
34. Dunningan A. *Wolves* // Encyclopedia of religion. 2nd ed. / ed. in chief Lindsey Jones. Detroit [et al.] : Thomson Gale, 2005. Vol. 14. Pp. 9783–9785.
35. Helfant, Ian M. *That savage gaze: wolves in the nineteenth-century Russian imagination*. Boston, MA : Academic Studies Press, 2018. XXVI + 174 p.
36. Kõiva M. The wolf: human/non-human relations on the basis of etiologies and verbal communication // *Folklore : electronic journal of folklore.* 2019. Vol. 77. p. 181–198. Available at: <http://www.folklore.ee/folk-lore/vol77/koiva.pdf> (date accessed: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.koiva.
37. Mencej M. *Gospodar volkov v slovanski mitologiji.* Ljubljana : Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljane, 2001. 331 p.
38. Mencej M. The werewolf as a religious and ethnic other in a Herzegovinian legend // *Folklore : electronic journal of folklore.* 2019. Vol. 77. Pp. 91–114. Available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol77/mencej.pdf> (date accessed: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.mencej,

УДК 94(47)"1731/1733"

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.047

Состав Кабинета министров в 1731–1733 годах: персональная деятельность членов

А. В. Фаизов

кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-3264-1780. E-mail: historian2005ad@yandex.ru

Аннотация. Анализируется проблема состава императорского Кабинета министров в недостаточно освещенном в отечественной исторической науке аспекте текущей личной деятельности его членов на стадии первоначального рассмотрения и решения поступавших дел. Хронологические рамки статьи ограничены ноябрем 1731–1733 гг. На указанном этапе своей истории Кабинет еще формировался как орган государственной власти, преодолевая границы личной канцелярии императрицы Анны Ивановны. Цельность обозначенному периоду придает также состояние кабинетского делопроизводства. В частности, журналы его заседаний в это время были более информативны, чем впоследствии. Автором был предложен следующий способ изучения служебной активности отдельных министров: выявление в «протокольных записках» и исходящей документации коллегиального учреждения их самостоятельных административных занятий в те дни, когда они оказывались в «присутствии» отдельно друг от друга. В делопроизводственной документации за отмеченные годы подобные сведения отразились, прежде всего, по министрам А. И. Остерману и А. М. Черкасскому. В процессе работы сопоставлены основные типы их кабинетской деятельности, в числе которых были: принесение докладов императрице, прием отчетов от чиновников, обсуждение дел вместе с приглашенными сановниками, изъявление особых приказов. В результате исследования сформулированы предварительные заключения о характере их повседневной службы в «присутствии», а также о специфике их субъективного воздействия на функционирование Кабинета в течение указанного периода. Представленные данные корректируют некоторые устоявшиеся историографические тезисы по изучаемым вопросам, прежде всего, касающиеся активности министра А. М. Черкасского.

Ключевые слова: высший орган власти, Кабинет министров, министр, приказы, доклады, заседания, Остерман, Черкасский.

Проблема состава органов государственной власти в историографии традиционно рассматривается в виде набора фамилий или цепи назначений и отставок чиновников, тогда как управлеченческая активность членов коллегиальных учреждений, исполнение ими текущих служебных обязанностей обычно не подвергаются анализу. Недостаточно изученными в науке оказались и самостоятельные административные шаги каждого из деятелей, входивших в состав Кабинета министров, учрежденного императрицей Анной Ивановной в октябре–ноябре 1731 г. Этот тезис вряд ли нуждается в доказательствах, для его подтверждения достаточно обратиться к литературе как общеисторического [1; 5; 7; 8; 10; 11; 13], так и более специального характера [2; 15; 18; 19; 20] (среди последней можно отметить несколько исключений, касающихся персональных ролей министров; но приведенные в них замечания подобного рода – весьма, кстати, редкие – относятся ко второй половине 1730-х гг. [6; 9; 12; 14; 17]). Как правило, в качестве характеристики личной деятельности членов Кабинета повторяются несколько положений, которые не отличаются конкретикой. Так, из работы в работу кочует мнение современников о том, что хитрый и работящий министр А. И. Остерман был «душой» Кабинета, а тучный и ленивый министр А. М. Черкасский всего лишь – его «телом».

Между тем делопроизводственная документация госоргана, официально введенная в научный оборот в своей основной части еще в дореволюционную эпоху, и, прежде всего, кабинетские журналы, должны в какой-то мере ответить на поставленный вопрос [3; 4]. Анализ журналов этого учреждения за все время его функционирования (1731–1741 гг.) показывает, что их содержание изменялось в сторону уменьшения разнообразия сведений, не одинаковой является и степень их сохранности за разные годы. Наиболее полными они были в ноябре 1731–1733 гг., когда, не будучи протоколами заседаний в современном смысле, фиксировали: имена присутствующих министров и их дела на заседании, вопросы повестки, фамилии прибывавших с докладами и документами чиновников, а также перечисляли: входящие и исхо-

дящие бумаги, устные и письменные распоряжения министров. Отмеченный период истории высшего органа будет охвачен в статье, цель которой – опровергнуть сформулированный ниже аналитический прием для раскрытия поставленной проблемы путем отслеживания проявлений персональной административной деятельности отдельных министров на этапе первоначального рассмотрения и решения дел, отразившихся в кабинетских журналах и исходящей документации от ноября 1731–1733 гг.; и на этой основе по возможности определить характер их личностного влияния на функционирование Кабинета Е. И. В., находившегося, как властный институт, на стадии формирования. В рассматриваемый период Кабинет сохранял свой изначальный статус секретариата самодержицы, призванного документально обеспечивать ее участие в управлении, но временами стал выходить за эти границы, выступая как самостоятельный высший государственный орган... После 1734 г. журналы перестанут отражать занятия его членов в «присутствии» и для установления их личной административной активности на материале кабинетского делопроизводства потребуется иной подход, отличный от используемого в данном исследовании [16].

Каким же образом отыскать следы субъективного участия министров в функционировании коллегиального учреждения по его делопроизводству, в котором особые мнения не фиксировались, а исходящие документы обычно подписывались совместно? Попытаемся отобрать среди журналов ту часть, в которой отразилась информация о делах министров в дни, когда каждый из них находился на рабочем месте в одиночестве. Как оказалось, такое сравнение можно провести только между А. И. Остерманом (являлся министром в ноябре 1731 – ноябре 1741 г.) и А. М. Черкасским (был министром в тот же период), – эти двое де-факто и составляли «присутствие» Кабинета в 1731–1733 гг. Престарелый канцлер Г. И. Головкин (числился министром в ноябре 1731 – январе 1734 г.) в Кабинете бывал редко, а в отсутствии коллег работал в нем один раз (в январе 1732 г. [3, т. 1, с. 135]). Сопоставление занятий двух других деятелей показывает, что в типах их служебной активности было немало общих моментов. В частности, они оба, отдельно друг от друга, готовили документы к докладу для императрицы [Остерман: 3, т. 1, с. 226, 277, 282, 399, т. 2, с. 328, 427; Черкасский: 3, т. 1, с. 221, 527, т. 2, с. 523, 571, 587], осуществляли эти доклады и получали ее подпись под указами [Остерман: 3, т. 1, с. 95, 198, 216–217, 275, 276, 430, 431, 434, т. 2, с. 352, 465, 489, 499, 502, 503–504; Черкасский: 3, т. 1, с. 144, 146, 308, 317, 320, 435, 530–531, 534–535, т. 2, с. 243, 250, 253, 553, 555–556, 562, 566, 568, 569, 572, 575–576, 577, 581, 585, 587], приносили различные доношения, челобитные и прочие находившиеся у нее бумаги [Остерман: 3, т. 1, с. 171, 271, 275, 305, 483, т. 2, с. 465, 522; Черкасский: 3, т. 1, с. 144, 252, 321, 485–486, 538, т. 2, с. 522]. Хотя Черкасский не докладывал императрице о внешнеполитических делах, Остерман, напротив, как вице-канцлер и фактический глава Иностранный коллегии делал Анне Ивановне сообщения с подобной повесткой, и случалось, отдавал приказы о переводах дипломатических документов [3, т. 1, с. 226, 305, 432, т. 2, с. 57]. Оба по отдельности регулярно объявляли исполнителям о высочайших резолюциях, письменных или устных указах императрицы [Остерман: 3, т. 1, с. 141–142, 171, 271, 275, 276, 305–306, 502–503, т. 2, с. 57, 352, 502, 504–505; Черкасский: 3, т. 1, с. 145, 147, 320, 435, 531, 538, т. 2, с. 250–251, 320, 321, 524, 572, 577–588]; также проводили смотры недорослей или отставных офицеров [3, т. 1, с. 433, 531]. И Остерман, и Черкасский занимались рассмотрением дел по Тайной канцелярии [3, т. 1, с. 143, 435–436]. Оба министра в течение этих лет несколько раз оказывались в ситуации, когда они ходили к императрице с докладами, но в тот день ничего ей доложить не смогли или в тот день она ничего не подписала [Остерман: 3, т. 1, с. 430, 502, т. 2, с. 400, 522, 595; Черкасский: 3, т. 1, с. 300, т. 2, с. 250, 252, 582].

Вообще, можно сказать, что их кабинетская работа воплощалась в схожих формах, отличаясь, прежде всего, в количественном аспекте. В журналах Кабинета за ноябрь 1731–1733 гг. есть отметки, что министр приходил в Кабинет, но «а делам никаким отправления не было»: по Черкасскому такая формулировка встречается пять раз (июнь, сентябрь 1732 г. и ноябрь 1733 г.) [3, т. 1, с. 300, 318, 435, т. 2, с. 574, 582], по Остерману – два раза (май 1732 г.) [3, т. 1, с. 270, 272]. Бывало, что рабочий день министра был наполнен не рассмотрением поступивших документов и принятием решений, а лишь посещением императрицы с докладами и принесением от нее резолюций, указов или поступивших к ней документов («ходил к Ея Имп. В-ву, токмо кабинетных дел в отправлении сего числа не было»). У Черкасского в изучаемый период такое случалось 11 раз [3, т. 1, с. 146, 300, 308, 320, т. 2, с. 522, 562, 566, 568, 574, 575, 582], у Остермана – шесть [3, т. 1, с. 430, 434, т. 2, с. 400, 465, 522, 595]. Другие журна-

лы высшего органа, сообщая о поступившей в Кабинет входящей документации, фиксируют лишь пассивное присутствие министра («дел в отправлении не было, токмо получено писем»). По Черкасскому удалось обнаружить 13 таких дней [3, т. 1, с. 147, 307, 318, 321, т. 2, с. 360, 522, 552–553, 563, 564, 575, 588–589, 602–603], по Остреману – девять [3, т. 1, с. 205, 216, 225, 234, 270–271, 383, 483, т. 2, с. 158, 427].

Примечательно, что по обоим деятелям в такие не слишком плодотворные дни встречаются отметки, которые можно расценить как свидетельство кратковременности их визитов (по Остреману: «был... пред полуднями», «был... пред полуднем»; по Черкасскому – «поутру рано был», «токмо ввечеру был»).

Если обратиться к вопросу о совместных заседаниях каждого из министров с приглашенными сановниками, то по Черкасскому можно отметить два заседания, на которых он рассматривал «польские дела» вместе с дипломатом, обер-шталмейстером К. Г. Левенвольде (27–28 июня 1733 г.) [3, т. 2, с. 320]. У Остремана подобных случаев было больше: один раз он «сидел» в Кабинете с тем же Левенвольде (май 1732 г.), а еще на нескольких заседаниях рассматривал дела вместе с фельдмаршалом Б. Х. Минихом (март, апрель, май 1732 г., октябрь 1733 г.) [3, т. 1, с. 216, 226, 227, 271, 280, т. 2, с. 503].

Относительно самостоятельного приема министром докладов от чиновников, отметим следующее. Случалось, что Черкасский в одиночестве принимал сообщение от члена Военной коллегии, тайного советника В. Я. Новосильцева по поводу доношения генерала И. Б. Вейсбаха «о заготовлении на Украине свозом от обывателей провианта» (октябрь 1733 г.) [3, т. 2, с. 529]. Одному Остреману докладывали о делах сенатский секретарь И. Богданов относительно обустройства пути следования императрицы из Москвы в Петербург (декабрь 1731 г.), а также генерал-лейтенант С. Мещерский и действительный статский советник А. Волков, «определенные для счету комиссариата и провиантской канцелярии» (май 1732 г.) [3, т. 1, с. 60, 274].

Переходя к рассмотрению распоряжений каждого из министров, сначала сопоставим их вспомогательные предписания, касавшиеся способов и принципов решения дела. Черкасский чаще, чем Остреман, осуществлял пересылку дел, доношений или челобитных в Сенат и другие госорганы (в Синод, Военную коллегию, Канцелярию от строений) с предписанием навести справки, рассмотреть и решить (январь, март, декабрь 1732 г., октябрь, ноябрь 1733 г.) [3, т. 1, с. 147, 221, 531, т. 2, с. 523–524, 571]. Так, 29 марта 1732 г. Черкасским «приказано отдать в Сенат для надлежащаго... рассмотрения» челобитную И. Дубровского, «который бьет челом о возвращении ему, попрежнему, заведенной им Путинской суконной и стамедной фабрики, коя-де у него, купно с именем, без всякой вины отнята» [3, т. 1, с. 221]. По Остреману можно отметить два случая переадресации дел Сенату. 25 сентября 1732 г. Андрей Иванович отправил на рассмотрение сенаторов прошение сержанта Преображенского полка А. Аргамакова о «беглом его человеке И. Венгерове», который оказался «в лакеях при дворе». На следующий день он направил в Сенат «доношение» Соляной конторы по поводу недоимок «старорусских соляных промышленников», «чтоб, разсмотря, о том предложили мнение свое, и подали в Кабинет Е. И. В. со мнением» [3, т. 1, с. 431–432, 433].

По поводу запросных распоряжений каждого из министров в ноябре 1731–1733 гг. отметим, что Черкасский несколько раз запрашивал определенные ведомости у Сената (май, июнь, июль 1732 г., октябрь 1733 г.) и один раз у Коммерц-коллегии (декабрь 1732 г.) [3, т. 1, с. 281, 324, 538, т. 2, с. 523–524]. Так, 27 июля 1732 г. Алексей Михайлович «приказал, в пополнение коммерц-коллежской, взять из Сената ведомости, выписав из дела о смальчуге, который отдан Евреинову и Исаеву, – при той отдаче был ли торг, и что другие давали, и каким образом за оными состоялось» [3, т. 1, с. 353]. Остреман многократно отдавал приказы различным госорганам и должностным лицам о предоставлении ведомостей и справок по делам (Коммерц-коллегии, Дворцовой канцелярии, Сенату, Адмиралтейской коллегии, канцелярии Преображенского полка) [3, т. 1, с. 32, 42, 157–158, 171]. Например, в декабре 1731 г. «от господина вице-канцлера приказано» запросить у Сената ведомости по нескольким делам: «1) о содержании конной гвардии в Лифляндии, какая репортация учинена; 2) по прежним запросам требовать ведомостей; 3) какия доношения имеются на Адмиралтейскую коллегию вице-адмирала Вилстера, тако же и Купора, и что по ним учинено; против того же справиться и о других доношениях, ежели на оную коллегию имеются» [3, т. 1, с. 59–60]. Другое его распоряжение, в частности, касалось контроля над расходованием государственных средств. В сентябре 1732 г. Андрей Иванович запрашивал ведомость из канцелярии Преображенского полка об обер-офицере И. С. Тимофееве, состоявшем «у приходу и расходу»: «счет ему в том

был ли, и что по счету явилось, или еще зачем и поныне того счету не учинено, и определение об оном его счете было ль» [3, т. 1, с. 433]. В феврале 1733 г. он посыпал письмо «в Ригу конной гвардии к подполковнику Траутфеттеру о присылке известия о принятой амуниции и уборах у Меера» [3, т. 2, с. 57].

Если обратиться к рассмотрению самостоятельных приказов министров по существу дела, то разница будет более заметна: как в количественном и тематическом плане, так и в степени самостоятельности при принятии решений. Подобные предписания Остремана были многочисленными и разнородными [3, т. 1, с. 96, 171, 277, 326, 431, 432, 502, 503, т. 2, с. 499, 502–503, 505]. Бывало, он отправлял приказы Сенату издать сопутствующие постановления во исполнение именных указов (декабрь 1731 г., февраль 1732 г., октябрь 1733 г.). Случалось, вызывал в Кабинет вице-президента Коммерц-коллегии И. Исаева, приказывал ему составить контракт с купцами Шифнером и Вульфом «и для апробации принести в Кабинет» (май 1732 г.). Позже по другому делу он снова вызывал вице-президента и советника Коммерц-коллегии (июль 1732 г.). От себя Остреман отправил в сентябре 1732 г. приказ в Сенат «по словесному прошению иноземца Эвенса» (просившего пересмотреть его задолженность перед казной и увеличить срок для ее погашения). Или после высочайшей аудиенции он закрепил послания к гвардии майору Хрущову, командированному для проведения переписи в Белгородской губернии, «об удержании от побегу черкас и обнадеживании их милостью, что никакой против прежняго тягости им не будет» (ноябрь 1732 г.). При этом в письме к генералу С. А. Салтыкову поручил тому переслать «с нарочным» письма к майору Хрущову из Москвы в Белгород (ноябрь 1732 г.). В октябре 1733 г. Остреман сам подписал «письмо именным указом» к подполковнику С. Г. Юсупову («о бытии ему в Кейдане, и как ему поступать до прибытия Измайлова», генерала под команду которого он был поставлен по именному указу), а также указ и письма к российским командующим в Польше об оказании содействия майору фон Гегейму, отправленному к генералу П. П. Ласси. Бывало, что Андрей Иванович лично отдавал распоряжения ямскому секретарю о выделении подвод отправляемым из Кабинета эмиссарам курьерам и другим посланцам (сентябрь 1732 г., октябрь 1733 г.).

Черкасский, как и его коллега, после высочайших аудиенций несколько раз отдавал приказы об исполнении именных постановлений (ноябрь 1733 г.) [3, т. 2, с. 555–556, 575–576, 582]. Большинство подобных его распоряжений предполагали отправление указов исполнителям, но так было не всегда. 20 июня 1732 г. прибывший в Кабинет генерал-адъютант императрицы А. И. Шаховской министру Черкасскому «объявил словесно, что Ея И. В-во изволила... посылающемуся для переписи на Украину, майору Хрущову дать инструкцию из Кабинета; того ради приказом присутствующего министра вышеозначенный указ для относу в Сенат отдан в Кабинете сенатскому обер-секретарю И. Кириллову, и при том приказано ему, чтоб на основании прежних состоявшихся о переписи указов, написав инструкцию, в какой силе оной по тем и по сему указам быть надлежит, в половину листа, и для разсмотрения принесть в Кабинет, кончая в завтрашняго 21 числа июня» [3, т. 1, с. 317]. И затем на двух заседаниях (23 и 24 июня 1732 г.) Алексей Михайлович самостоятельно «заседал... за инструкциею лейб-гвардии майору Хрущову, отправляемому для переписи в Белгородскую губернию» [3, т. 1, с. 320, 321]. Впрочем, вполне возможно, что «проект» этого документа потом доставили к Остреману для согласования.

Относительно конкретных тематических предписаний Черкасского в кабинетских журналах за ноябрь 1731–1733 гг. имеются следующие сведения. Так, в июне 1732 г. по его приказу был «призван» в Кабинет вице-президент Коммерц-коллегии Исаев, которому было «объявлено», «что от коммерц-коллегии привозным товарам голландского резидента досмотр учинили у его двора, понеже оные товары к нему от таможни отпущены; а впредь бы чинили досмотры при таможне». Это распоряжение напоминает передачу устного указа императрицы, который Черкасский мог услышать днем ранее, когда докладывал ей о делах. Кроме того, он дважды делал предписания Полицмейстерской канцелярии: 1) в июне 1733 г. – по поводу доношения «корабельного мастера Ная» «о непонуждении его на берегу, на данном дворе, каменного строения» и 2) в ноябре 1733 г. – о мерах по осушению болот «по требование генерал-фельдмаршала графа фон Миниха» [3, т. 1, с. 320, т. 2, с. 252–253, 565–566].

Итак, представленный способ анализа материалов кабинетского делопроизводства за ноябрь 1731–1733 гг. позволил выявить данные, которые отчасти освещают проблему в искоомом ракурсе и дают возможность сделать следующие заключения. Работа Остремана в Кабинете в период его формирования в качестве государственного органа действительно была

более интенсивной, чем административная служба Черкасского; однако расхожий тезис о полной бездеятельности последнего в «присутствии» (в частности, вывод некоторых историков о том, что он только «мирно дремал» на заседаниях [1, с. 168; 15, с. 291]) нуждается в корректировке. Различия административных занятий двух министров в ноябре 1731–1733 гг. состояли не столько в типах их активности (принесение всеподданнейших докладов, прием донесений от представителей центральных учреждений, обсуждение возникших вопросов с приглашенными сановниками, изъявление особых распоряжений) или категориях разбираемых ими дел, сколько в количестве и сложности рассматриваемых вопросов, степени самостоятельности, а также глубине проработки повестки дня. Остерман задавал принципы и направления функционирования Кабинета и, бывало, решал важные государственные дела. Черкасский же, оказываясь на рабочем месте в одиночестве, довершал начатое, осуществлял рутинную и подготовительную работу, разбирал малозначительные вопросы.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М. : Мол. гвардия, 2002. 362 с.
2. Бондаренко В. Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. М. : печ. А. Снегиревой, 1913. 390 с.
3. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны : в 12 т. / под ред. А. Н. Филиппова // Сборник императорского русского исторического общества : в 148 т. (РИО). Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915.
4. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1886. Кн. 2. Высшие государственные учреждения. IX, 432 с.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая Школа, 1983. 352 с.
6. Корсаков Д. А. Артемий Петрович Волынский (Биографический очерк) // Древняя и Новая Россия. 1877. № 7. С. 214–234.
7. Курукин И. В. Анна Иоанновна. М. : Мол. гвардия, 2014. 430 с.
8. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь» : очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. 570 с.
9. Лысцова А. С. Внутриполитическая деятельность графа А. И. Остремана в 1730–1741 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 180 с.
10. Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с.
11. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М. : Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.
12. Савельева Е. Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 189 с.
13. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. Кн. 10. Т. 19–20 / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Соцэкиз, 1963. 781 с.
14. Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. М. : Тип. Императорского московского ун-та, 1909. 206 с.; Ч. 2. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1910. 77 с.
15. Строев В. Н., Варыпаев П. И. Судьба Кабинета после кончины Петра Великого до воцарения императрицы Елизаветы // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб. : т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. С. 271–308.
16. Фаизов А. В. Состав кабинета министров в 1734–1741 годах: деятельность основных персонажей // Россия XXI : Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна) (Москва). 2021. № 4. С. 82–107.
17. Филиппов А. Н. А. П. Волынский как кабинет-министр // Исторический вестник. 1901а. № 5. С. 552–568.
18. Филиппов А. Н. Кабинет министров и Правительствующий Сенат в их взаимных отношениях // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. Т. 7. С. 1–61.
19. Филиппов А. Н. Предисловия к «Бумагам Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: в 12 т.». Т. 1, 4, 8, 10 // РИО. Т. 104, 111, 124, 130. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1898, 1901, 1906, 1909.
20. Шанский Д. Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е – 60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 119–136.

The composition of the Cabinet of Ministers in 1731–1733: personal activities of members

A. V. Faizov

PhD in Historical Sciences, independent researcher. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0002-3264-1780. E-mail: historian2005ad@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problem of the composition of the Imperial Cabinet of Ministers in the aspect of the current personal activities of its members at the stage of initial consideration and resolution of incoming cases, which is insufficiently covered in Russian historical science. The chronological scope of the article is limited to November 1731–1733. At this stage of its history, the Cabinet was still being formed as a state authority, overcoming the boundaries of the personal chancellery of Empress Anna Ivanovna. The integrity of the designated period is also given by the state of cabinet office work. In particular, the logs of its meetings at that time were more informative than later. The author proposed the following method of studying the official activity of individual ministers: identifying in the "protocol notes" and outgoing documentation of the collegial institution their independent administrative activities on the days when they were in the "presence" separately from each other. In the office documentation for the years mentioned, such information was reflected, first of all, by the ministers A. I. Osterman and A. M. Cherkassky. In the course of the work, the main types of their cabinet activities were compared, among which were: bringing reports to the empress, receiving reports from officials, discussing cases together with invited dignitaries, expressing special orders. As a result of the study, preliminary conclusions were formulated about the nature of their daily service in the "presence", as well as about the specifics of their subjective impact on the functioning of the Cabinet during the specified period. The presented data correct some well-established historiographical theses on the issues under study, primarily concerning the activity of Minister A. M. Cherkassky.

Keywords: supreme authority, Cabinet of Ministers, Minister, orders, reports, meetings, Osterman, Cherkassky.

References

1. Anisimov E. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. M. Mol. Guardia (Young guard). 2002. 362 p.
2. Bondarenko V. N. *Ocherki finansovoj politiki Kabineta Ministrov Anny Ioannovny* [Essays on the financial policy of the Cabinet of Ministers of Anna Ioannovna]. M. Publ. house of A. Snegireva. 1913. 390 p.
3. *Bumagi Kabineta ministrov imperatricy Anny Ioannovny : v 12 t.* – Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna : in 12 vols. / ed. A. N. Filippov // *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva : v 148 t.* – Collection of the Imperial Russian historical society : in 148 vols. (RHS). Vol. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Yur'ev. Typ. of K. Mattisen, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915.
4. *Vnutrennij byt Russkogo gosudarstva s 17 oktyabrya 1740 g. po 25 noyabrya 1741 g. po dokumentam, hranyashchimsya v Moskovskom arhive Ministerstva yusticii* – The internal life of the Russian state from October 17, 1740, on 25 November 1741, according to the documents stored in a Moscow archive of the Ministry of justice. M. Typ. of L. F. Snegirev. 1886. Book 2. The highest state institution. IX, 432 p.
5. Eroshkin N. P. *Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M. Vyshsaya shkola (Higher School). 1983. 352 p.
6. Korsakov D. A. Artemij Petrovich Volynskij (*Biograficheskiy ocherk*) [Artemiy Petrovich Volynsky (Biographical sketch)] // *Drevnyaya i Novaya Rossiya* – Ancient and New Russia. 1877. No. 7. Pp. 214–234.
7. Kurukin I. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. M. Mol. Guardia (Young guard). 2014. 430 p.
8. Kurukin I. V. *Epoha "dvorskikh bur'" : ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoj Rossii, 1725–1762* [The Epoch of the "court storms" : essays on the political history of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan. 2003. 570 p.
9. Lyscova A. S. *Vnutripoliticheskaya deyatel'nost' grafa A. I. Ostermana v 1730–1741 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Internal political activity of Count A. I. Osterman in 1730–1741 : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Yekaterinburg. 2017. 180 p.
10. Pavlenko N. I. *Anna Ioannovna (Nemcy pri dvore)* [Anna Ioannovna (Germans at court)]. M. AST-PRESS BOOK. 2002. 384 p.
11. Petruhincev N. N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* [Internal politics of Anna Ioannovna (1730–1740)]. M. Political Encyclopedia. 2014. 1063 p.
12. Savel'eva E. N. *Kabinet ministrov imperatricy Anny Ioannovny : dis. ... kand. ist. nauk* [Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2004. 189 p.
13. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen : v 15 kn. Kn. 10. T. 19–20* [The history of Russia since ancient times : in 15 books. Book 10. Vol. 19–20] / ed. by L. V. Cherepnin. M. Sotsekgiz. 1963. 781 p.
14. Stroev V. N. *Bironovshchina i Kabinet ministrov. Ch. 1* [Bironovshchina and the Cabinet of Ministers. Part 1]. M. Typ. of Imperial Moscow University. 1909. 206 p.; Part 2. SPb. Typ. of Imperial Academy of Science. 1910. 77 p.

15. Stroev V. N., Varypaev P. I. *Sud'ba Kabineta posle konchiny Petra Velikogo do vocareniya imperatricy Elisavety* [The fate of the Cabinet after the death of Peter the Great before the accession of Empress Elizabeth] // 200-letie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva. 1704–1904 – 200th anniversary of the Cabinet of His Imperial Majesty. 1704–1904. SPb. Partnership of R. Golike and A. Wilberg. 1911. Pp. 271–308.
16. Faizov A. V. *Sostav kabineta ministrov v 1734–1741 godah: deyatel'nost' osnovnyh personalij* [The composition of the Cabinet of Ministers in 1734–1741: the activities of the main personalities] // Rossiya XXI : Mezhdunarodnyj obshchestvennyj fond "Ekspertperimental'nyj tvorcheskij centr" (Centr Kurginyana) – Russia XXI : International Public Foundation "Experimental Creative Center" (Kurginyan Center) (Moscow). 2021. No. 4. Pp. 82–107.
17. Filippov A. N. *A. P. Volynskij kak kabinet-ministr* [A. P. Volynsky as cabinet Minister] // *Istoricheskij vestnik* – Historical herald. 1901a. No. 5. Pp. 552–568.
18. Filippov A. N. *Kabinet ministrov i Pravitel'stvuyushchij Senat v ih vzaimnyh otnosheniyah* [Cabinet of Ministers and the Governing Senate in their mutual relations] // *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennyh znanij* – Collection of jurisprudence and public knowledge. M. 1897. Vol. 7. Pp. 1–61.
19. Filippov A. N. *Predisloviya k "Bumagam Kabineta ministrov imperatricy Anny Ioannovny: v 12 t."* T. 1, 4, 8, 10 [Preface to the "Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna: in 12 volumes." Vol. 1, 4, 8, 10] // Russian Historical Society. Vol. 104, 111, 124, 130. Yur'ev. Typ. of K. Mattisen. 1898, 1901, 1906, 1909.
20. Shanskij D. N. *K harakteristike vysshih gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii XVIII v. (20-e – 60-e gody)* [On the characteristics of the highest state institutions of Russia of the XVIII century (20s – 60s)] // *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* – State institutions of Russia of the XVI–XVIII centuries. M. Publishing House of Moscow University. 1991. Pp. 119–136.

Религия и власть: Русская православная церковь в Крыму в 1920-е годы

Г. Р. Дедкова

преподаватель истории и обществознания, МБОУ «Лицей».
Россия, с. Мирное. E-mail: gyulnara_ahmedova@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы взаимоотношения Русской православной церкви в Крыму в первые годы после установления советской власти на полуострове и после создания Крымской АССР. Использованы данные статистики и архивные материалы, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Рассмотрены этапы развертывания антирелигиозной пропаганды, приведены факты вмешательства советской администрации во внутренние дела и устройство РПЦ. Помимо этого, в исследовании продемонстрированы методы по работе местной администрации с группами верующих и порядок закрытия церквей и храмов. Немаловажным аспектом в изучении данного вопроса является выявление причин и последствий экономического давления со стороны Советского государства на верующих и на религиозные общины. Сделан вывод о том, что в Крымской АССР ситуация несколько отличалась от общей по стране в целом. В 1922 г. из храмов и монастырей Крымской епархии начали изымать церковные ценности, а сами религиозные организации оказались под полным контролем исполнительных и надзорных органов, милиции. Объекты религиозного культа закрывали под различными предлогами – от неуплаты страховых взносов до ликвидации самих «двадцаток». В поликонфессиональном и многонациональном регионе процесс нивелирования религиозной жизни проходил медленнее, хотя уже в 1923 г. в Крыму существенно увеличилось число закрытых православных храмов и монастырей. Для канонической РПЦ серьезно осложняла ситуацию активная деятельность «обновленцев», имевших на полуострове значительное число сторонников и поддержку со стороны властей. Религиозные организации были поставлены в жесткие рамки, ограничивающие право верующих на свободу вероисповедания. К концу 1920-х гг. в Крыму власти закрыли большинство объектов культового назначения.

Ключевые слова: религия, духовная жизнь, Русская православная церковь, антирелигиозная пропаганда, культовая архитектура, атеизм.

Начало 1920-х гг. для всех конфессий России стало весьма серьезным испытанием. Крушение государственного строя, процессы системной дезинтеграции, происходившие как в экономике, так и в социальной сфере, в общественных и политических структурах, привели в итоге к прекращению существования такого государственного образования, как Российская империя. Ликвидации подлежали прежние институты власти, а также все административные органы и управлеческие структуры, созданные на территории страны в период до установления диктатуры большевиков. Всеобщий политический и экономический кризис не мог не затронуть и религиозно-конфессиональную ситуацию в стране. Особенно тяжелым положение было у Русской православной церкви, поскольку именно она являлась силой, поддерживающей монархию в Российской империи. Избрание Патриарха Тихона (Белавина) на Поместном Соборе 5 ноября 1917 г. большевики расценили как возрождение идей монархизма. Окончательное установление советской власти на территории страны означало начало нового типа взаимоотношений с религией в стране. Совет народных комиссаров (СНК) 20 января 1918 г. «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви» отдал Церковь от государства, не предоставив при этом ей прав юридического лица. Поместный собор Русской православной церкви 1917–1918 гг. в принятой его участниками декларации сравнил требование большевистской власти об отделении церкви от государства с пожеланием, чтобы «солнце не светило, а огонь не согревал» [32, с. 19].

Целью данного исследования является выявление и анализ наиболее сложных аспектов во взаимоотношениях церкви и государства в таком пестром в этническом и конфессиональном отношении регионе, каким был и остается Крым. В научной литературе принято выделять несколько периодов в истории взаимоотношений русского православия с Советским государством (при этом встречаются разночтения в периодизации их ранних этапов): 1) 1918–1943 гг. (по другой версии, данный период делится на два: с октября 1917 г. и до се-

редины 1920-х гг., с середины 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны); 2) 1943–1960 гг.; 3) 1970–1989 гг.; 4) 1990-е гг. и по настоящее время [24, с. 6, 63; 31, с. 99]. По хронологии, предложенной Ю. А. Катуниным, первый период длился с 1917 г. по ноябрь 1920 г., второй – с ноября 1920 г. по 1928 г. и третий – с 1929 г. по 1939 г. [17, с. 12]. В предлагаемой статье будет проанализирован хронологический отрезок с 1918 г. до конца 1920-х гг.

Актуальность исследования заключается также в изучении процесса интеграции духовной жизни в советское общество с разных сторон и позиций. Поскольку большевики видели в духовенстве непримиримых идеологических противников, в литературе советского периода данная тема получила ярко выраженный политический подтекст, а авторы многочисленных публикаций старались обличить православное духовенство в злоупотреблении своей властью и полномочиями. Помимо этого, партийными идеологами Русская православная церковь прямо обвинялась в подготовке контрреволюции, о чем позднее заявлял председатель Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В. А. Куроедов, в свою очередь цитируя известного русского революционера и советского политического деятеля П. А. Красикова: «...в организации контрреволюции церковь сыграла огромную роль. Во всех восстаниях, во всех интервенциях всюду и везде духовенство, за не многим счастливым исключением, всегда стояло на стороне интервентов, на стороне Антанты, на стороне колчаковцев, деникинцев и врангельцев, на стороне Мамонтова и Юденича» [20, с. 60].

Однако, несмотря на негативное отношение советской власти к РПЦ, в СССР признавалось право всех граждан на свободу вероисповедания. Статьей 13-й Конституции РСФСР 1918 г. (а затем и 124-й статьей Конституции СССР 1936 г.) провозглашалось: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами» [18, с. 5; 19, с. 183]. На фоне борьбы государства с религией в целом и Русской православной церковью в частности возникло обновленческое движение, которое было инспирировано и некоторое время активно поддерживалось большевистской властью с целью разрушения канонической, «тихоновской» Церкви. В своем заявлении Высшее церковное управление (ВЦУ, высший орган управления в обновленческом расколе в 1922–1923 гг.) в декрете 1918 г. об отделении церкви от государства видело «благородный мотив представления церкви инициативы, то есть свободного духа в религиозной области, раскрепощением ее от охранно-полицейских обязанностей» [23, с. 14–23]. Таким образом, в начале 1920-х гг. Русская православная церковь канонического образца была вынуждена отстаивать право на существование в борьбе с двумя непримиримыми оппонентами – большевиками и обновленцами.

Особое значение в идеологических установках СССР занимала пропаганда атеизма, поскольку именно агитация и пропаганда должны были снизить уровень религиозности в обществе. По словам В. И. Ленина, церковь являлась одним из главных препятствий в построении нового общества. Еще в 1905 г. в своей статье «Социализм и религия» он определил отношение к религии пролетарской партии, которая, «являясь союзом сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса, не может и не должна безразлично относиться к темноте и мракобесию религиозных верований». В. И. Ленин заявлял: «Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом... мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело» [21, с. 145]. Отделение церкви от государства, по заявлению партийных идеологов, заключалось в двух положениях: 1) религия есть частное дело гражданина, 2) церковные религиозные общества во всем приравниваются к частным обществам, что должно обеспечивать последователям различных культов «в пределах общегосударственного законодательства необходимую религиозную свободу» [4, с. 3].

Однако не всегда агитационные меры приводили к желаемому результату. Часто для того, чтобы выполнить указания вышестоящих партийных инстанций, власти на местах действовали излишне жестко и непродуманно. Доходило даже до оскорблений чувств верующих: например, изготавливались сатирические плакаты, в которых высмеивались религиозные праздники и святыни. Подобные перегибы заставили ЦК РКП(б) отправлять на места секретные письма, в которых местные органы власти обвинялись в перегибах и вредительстве. «Эти организации и органы власти, видимо, не понимают, что своими грубыми, бес tactными дей-

ствиями против верующих, представляющих громадное большинство населения, они наносят неисчислимый вред советской власти, грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви и рискуют сыграть на руку контрреволюции», – гласило циркулярное письмо ЦК РКП № 30, разосланное 16 августа 1923 г. всем губкомам, обкомам, краевым комитетам, национальным ЦК и бюро ЦК («Об отношении к религиозным организациям»). Циркуляр также предостерегал от возможных гонений на верующих, так как «гонения только укрепляют религиозные предрассудки» [1, с. 414–418].

Но и эти меры не приносили должного результата. Нередко сами агитаторы саботировали атеистическую работу. Например, в 1921 г. большевистская газета «Красный Крым» напечатала призыв ЦК РКП(б) о борьбе с религиозными предрассудками: «...отдельные члены партии не только ее не ведут, но как раз содействуют укреплению религиозных обрядов, предрассудков публичным исполнением самых нелепых религиозных обрядов, не имея силы освободиться от предрассудков, среди которых они живут и с которыми связаны материальными, хозяйственными и семейными связями» [3]. «Найти у нас в деревне коммуниста, у которого бы не висела в избе икона, – сообщал задонский корреспондент московских «Известий» о религиозной жизни в своей провинции, – большая редкость» [22, с. 282–284]. Подобные случаи фиксировались и вызывали порицание со стороны партийной верхушки. На проходившем в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезде РКП(б) была принята специальная резолюция «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды». В ней осуждались «нарочито грубые приемы», а оскорбление чувств верующих признали порочной практикой, которая могла привести лишь к закреплению религиозного фанатизма [23, с. 155]. Предпринятый властью тактический маневр состоял в отказе от чрезмерных мер по искоренению религии. Партийные функционеры признавали, что в России в короткие сроки искоренить религию невозможно, поэтому предлагались более гибкие долговременные меры.

Но одной только агитационной политикой и пропагандой власть не ограничивалась. Главная задача большевиков состояла в полной ликвидации религиозной жизни в стране. Для этой цели необходимо было закрыть или уничтожить храмы и монастыри. К началу 1918 г. в России действовало 1253 монастыря, к концу 1920 г. в стране было ликвидировано 673 монастыря, в 1921 г. – еще 49, таким образом, всего – 722 монастыря [28, с. 81; 29, с. 182]. Закрытие объектов культовой архитектуры не могло производиться только по одному распоряжению властей, поскольку Конституцией РСФСР верующим была гарантирована возможность посещать храмы. Поэтому для легальной ликвидации молитвенных домов создавались такие условия, при которых верующие сами отказывались посещать храмы, чем активно пользовались партийные функционеры. О результатах такой политики в рассматриваемый период в своей монографии «Законодательство о религии в СССР. Доклад комитету прав человека» сделал заключение известный советский академик и диссидент И. Р. Шафаревич: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [34, с. 39]. Это означало, что отныне верующие больше не владели ни храмами, ни предметами культа, а все имущество теперь находилось в собственности государства и передавалось лишь во временное пользование группе верующих (так называемой «двадцатке»), оформивших договор аренды на их использование.

Помимо всего прочего, финансовое положение большинства религиозных сообществ оставляло желать лучшего: государство не поддерживало религиозные объединения граждан, и единственной возможностью к существованию для общин стал сбор пожертвований среди верующих. Но и на этот способ выживания был наложен ряд ограничений: «Религиозные общины не имеют права устанавливать материальных взносов, обязательных для своих членов, – в отличие от многих других добровольных обществ, которые устанавливают членские взносы» [34, с. 40]. Тем самым власть наглядно демонстрировала, что религиозным сообществам нет места в новом Советском государстве. Большевики делали все возможное для раскола православного сообщества, дискредитируя православное духовенство. Например, священников обвиняли «в пьянстве и неблаговидных поступках» [5, л. 9–14]. Некоторые прихожане и духовенство, находившиеся под перманентным давлением властей, под влиянием этих слухов вынуждены были переходить в иные конфессиональные группы: «...значительное увеличение числа секты баптистов, как среди немцев, так и среди русских, вызвано беспрестанным разложением церковного духовенства» [5, л. 41]. Помимо этого, как уже было сказано выше, сама Русская православная церковь была расколота на два течения: на тех, кто не желал конфликтовать с советской властью и был готов к реформам церкви («обновленцы»),

и на тех, кто осуждал большевиков и категорически не желал с ними сотрудничать – представителей канонической РПЦ (так называемые «тихоновцы» во главе с патриархом Тихоном).

Обновленческое движение стремилось наладить отношения с большевиками. 23 апреля 1923 г. на проходившем в Москве Поместном соборе лидеры обновленческого движения приняли ряд радикальных решений: «О православной церкви, социальной революции, Советской власти и патриархе Тихоне» [33, с. 88]. Ими была отменена анафема, которую в «Послании святейшего патриарха от 19 января 1918 г.» наложил на Советское государство патриарх Тихон: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гееннскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной» [26, с. 74–76]. 3 мая 1923 г. по докладу идеологов и лидеров обновленческого раскола А. Введенского и В. Красницкого собор принял резолюцию, в которой говорилось: «Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин». 12 мая 1923 г. уже бывший патриарх Тихон оставил свой пост по требованию небольшой группы «революционного белого духовенства» и вручил им свое отречение от патриарших прав до Поместного Собора [25, с. 12]. Против патриарха даже хотели завести уголовное дело. Но международная обстановка и признание СССР со стороны западных государств вынудили советское руководство снять с патриарха обвинения и восстановить его в должности.

Но все же самым радикальным стало решение «закрыть монастыри с укладом быта жизнеосужденного и отброшенного строем жизни. Благословить союзы и братства христианско-трудовых общин в сохранившихся монастырских стенах вдали от шумных и многолюдных городов» [10, с. 859]. Большевики всячески поддерживали обновленцев, поскольку могли полностью контролировать их движение (по мнению ряда исследователей, «все обновленческое движение вплоть до высшего руководства, отколовшееся от Патриаршей Церкви, было пронизано сотрудниками государственных органов») [30, с. 185]. Обновленцы же стремились получить больше прав и возможностей для дальнейшей духовной работы и пользования культовым имуществом: «...доказав свою полезность власти “обновленческий” синод просит следующих прав... 5. Узаконить право священников руководить приходом, т. е. изменить положение о “двадцатках”... 7. Не отбирать у обновленцев их храмов и не передавать их тихоновцам». Умело играя на противоречиях обновленцев и тихоновцев, советская власть стремилась ослабить РПЦ и полностью прекратить ее деятельность [27, с. 100].

В годы Гражданской войны монастыри фактически грабили, вывозя ценности, не составляя никаких описей или другой сопутствующей документации. Так, 22 апреля 1920 г. был совершен налет на Кизильташский монастырь, причем в ходе ограбления были похищены деньги, документы, сберегательные книжки и процентные банковские бумаги – всего на сумму 83 135 руб. [17, с. 146]. Дальнейшая судьба изъятых денежных средств не известна.

На территории Крымского полуострова, где 18 октября 1921 г. была образована Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика (КрымАССР), входившая в состав РСФСР, процесс нивелирования религиозной жизни проходил медленнее. На полуострове, как и на всей территории РСФСР, вступил в силу закон, отделявший церковь от государства. В первую очередь это затронуло православные монастыри и храмы. Для установления полного контроля над ними большевики ввели строгий учет всех культовых сооружений. В августе 1923 г., по данным НКВД, в Крыму действовали: 132 православные церкви, 339 мечетей, 34 караимских и иудейских молитвенных домов, 18 католических костелов, 81 лютеранская кирха, 13 молитвенных домов евангелистов и пять молитвенных домов других конфессий [17, с. 125].

В 1923 г. начался активный процесс закрытия православных монастырей, при этом инициатором их ликвидации было не только государство, но и сама РПЦ, принявшая в 1923 г. решение о закрытии монастырей, расположенных в городской черте, и о превращении остальных монастырей в трудовые общины. В Космодамиановском монастыре была организована трудовая артель. В 1929 г. монастырь полностью закрыли. Намного плачевнее оказалась судьба храма Александра Невского в Симферополе, который был взорван в сентябре 1930 г.

Это касалось не только Симферополя, но и других монастырей и храмов Крымской епархии. Например, по г. Джанкой и уезду всего комиссия зарегистрировала 44 церкви [7, л. 10]. Также было полностью запрещено «в государственных и иных публично-правовых обще-

ственных помещениях совершение религиозных обрядов и церемоний, помещение каких-либо религиозных изображений, икон, картин, статуй» [8, л. 44]. Религиозные организации и самих верующих поставили в жесткие рамки, ограничивающие их право на свободу вероисповедания.

В 1922 г. из храмов Крымской епархии начали изымать церковные ценности, сопровождая этот процесс «резкой критикой в адрес церкви и служителей культа» [2, с. 17]. Все имущество, изъятое из церквей, различалось по категориям. «Имущество, имеющее историко-художественное значение», передавалась на хранение Наркомпросу, и без его разрешения не могло быть передано кому-либо еще. Имущество, представляющее материальную ценность, после изъятия передавали в Гохран. И третью категорию составляло «имущество обиходного характера» [11, с. 138, 139]. Изъятие церковных ценностей временами встречало сопротивление духовенства: «...было отмечено 1414 столкновений между уполномоченными представителями власти и церковниками. По известным случаям в течение 1922–23 гг. были физически уничтожены 2691 священник, 1962 монаха и 447 монахинь, всего 8100 человек» [11, с. 140]. Крупные судебные процессы с расстрельными приговорами прошли во многих городах, в том числе и в Симферополе. Для оправдания подобных действий Л. Д. Троцкий в марте 1922 г. направил письмо в Политбюро ЦК ВКП(б): «...ассигновать немедленно миллион рублей в счет изъятых церковных ценностей для получения хлеба для голодающих. Широко оповестить об этом как о первом ассигновании» [1, с. 50].

Окончательно в Крымской АССР административная вертикаль по контролю над религиозной жизнью сформировалась в 1923–1925 гг., а религиозные организации оказывались под контролем структур исполнительной власти, милиции и спецслужб, что лишало их какой-либо самостоятельности. Но несмотря на изъятие церковных ценностей, усложнение процедуры взятия в аренду богослужебного имущества и активную атеистическую пропаганду, тем не менее посещаемость храмов была довольно высокой. В связи с этим в 1928–1929 гг. местные органы власти выдвинули инициативу: возложить на верующих, помимо текущих расходов на ремонт и сохранение церковного имущества, еще и обязательное проведение капитального ремонта объектов религиозного культа.

Серьезно усложнило ситуацию произошедшее в 1927 г. землетрясение в Крыму, разрушившее множество зданий, в том числе и культового назначения: «...погибло 12 человек, убытки составили 35 млн рублей» [6, л. 16–36]. Помощь верующим было ждать неоткуда: напротив, воспользовавшись ситуацией, местные администрации выработали циркуляр № 35, который регламентировал порядок закрытия молитвенных зданий и ликвидацию культового имущества [6, л. 104 об.]. Теперь все религиозные организации должны были произвести полный ремонт храмов за свой счет. Если же община не могла это сделать, то принадлежавшее ей культовое сооружение у нее изымалось. Например, ремонт в течение 1929 г. должны были произвести все православные храмы Керчи, при этом минимальная сумма расходов составляла 150 руб., а максимальная – 15 тыс. руб. [15, с. 42–44; 14, с. 189].

К 1924 г. на полуострове действовало 102 православных храма (в этот список не входили храмы Карасубазарского и Бахчисарайского районов): в Ялтинском районе – 12, Феодосийском – 23, Судакском – 3, Евпаторийском – 7, Керченском – 13, Севастопольском – 6, Симферопольском – 19 и Джанкойском – 9 [17, с. 139]. Одновременно с этим продолжалась ликвидация зданий культового назначения. Так, в 1923–1924 гг. в Симферопольском районе было закрыто 12 православных храмов и монастырей; в Ялтинском районе – 11; в Севастопольском районе – 4; в Керченском районе – 10; в Феодосийском, Старокрымском, Бахчисарайском, Алуштинском и Судакском районах – по 1. В Евпаторийском районе православные храмы в этот период не закрывались [9, л. 1–37].

В 1929–1930 гг. на религиозные общины возложили также выплаты по страховым взносам. Например, страховая оценочная стоимость Херсонесского Владимира монастыря составила 877 470 руб., а страховой взнос – 2934 руб. 55 коп. [13, с. 130]. При этом указанные суммы были абсолютно произвольными, так как никаких точных критериев оценки зданий не было, в то же время оценочная стоимость здания церкви Семи Святымучеников составила 159 280 руб., а страховые взносы – 587 руб. [13, с. 130]. Большинство прихожан не могли себе позволить оплачивать такие денежные суммы на содержание храмов, и по этой причине страховые взносы не вносились вовремя, что лишь давало повод местной администрации изымать здания у верующих. Теоретически любая «двадцатка» могла взять в аренду культовое имущество, но экономический и политический пресс со стороны властей не позволял верующим воспользоваться этой возможностью.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. к идеологическому бичеванию главного «врага народа» этого времени – «кулака» – добавился еще и служитель культа, «поп». Священников подвергали гонениям и репрессиям, многих лишали гражданских прав (так называемые «лишенцы»). Но, несмотря на эти меры воздействия, советская власть так и не могла полностью подавить религиозную жизнь в стране. Люди продолжали верить в Бога и посещать храмы, хоть и делали это не так открыто, как раньше. Непродуманная атеистическая пропаганда, жесткие меры по отношению к духовенству и разрушение храмов на долгие годы изменили религиозную жизнь в Крыму.

Список литературы

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. : в 2 кн. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск : Сибирский хронограф; М. : РОССПЭН, 1998. Кн. 2. 647 с.
2. Белоглазов Р. Н., Осиповский С. Н. Административное и идеологическое воздействие органов власти на религиозные общины Севастополя (середина 1920-х – 1930-е гг.) // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 16–23.
3. Боритесь с религиозными предрассудками! // Красный Крым. 1921. 15 апреля.
4. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / под ред. П. А. Красикова. Изд. 2-е, перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 1 октября 1924 г. М. : Юридическое изд-во НКЮста РСФСР, 1926. 706 с.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 1. П-1. Оп. 1. Д. 693.
6. ГАРК. Ф. 1. П-1. Оп. 1. Д. 807.
7. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 17.
8. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 22.
9. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1140.
10. Данилушкин М. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917–1970. СПб. : Воскресение, 1997. Т. 1. 1020 с.
11. Змерзлыи Б. В. Изъятие церковных ценностей. Некоторые аспекты проблемы // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 138–143.
12. Катунин Ю. А. О ликвидации монастырей в 20–30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 340–342.
13. Катунин Ю. А. Херсонесский Владимирский монастырь // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 127–132.
14. Катунин Ю. А. Налоговая политика государства в отношении церквей Крыма в 1928–1929 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 8. С. 189–192.
15. Катунин Ю. А. Система экономического подавления православия в Крыму (20-е годы XX века) // Культура народов Причерноморья. 2000. № 12. С. 42–44.
16. Катунин Ю. А. Монастыри Крыма в годы Гражданской войны // Культура народов Причерноморья. 2001. № 25. С. 145–147.
17. Катунин Ю. А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг.: на материалах Крыма : дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М., 2004. 508 с.
18. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 года. М. : Первая Государственная Типография, 1918. 16 с.
19. Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936) : сб. документов / под ред. акад. И. П. Трайнина. М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. 208 с.
20. Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М. : Политиздат, 1981. 263 с.
21. Ленин В. И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Изд-во политической литературы, 1968. С. 142–147.
22. Лурье С. «Штурм небес» как зеркало русской смуты // Отечественные записки / рец. на Черную книгу («Штурм небес») : сб. документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей; сост. А. А. Валентинов. Париж, 2002. № 2. С. 282–284.
23. Нестуля О. О. Доля церковної старовини в Україні. 1917–1941 pp. Ч. 1: 1917 р. – середина 20-х років. Київ : Ін-т історії України НАНУ, 1995. 278 с.
24. Одинцов М. И. Государство и церковь: (История взаимоотношений, 1917–1938 гг.). М. : Знание, 1991. 63, [1] с.
25. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 года. (Бюллетени) / изд. протопресвитера В. Д. Красницкого. [М. : Тип. Студенческий труд, 1923]. 32 с.
26. Послание Святейшего Тихона, Патриарха всея России // Богословский Вестник. Сергиев Посад : Тип. И. И. Иванова. 1918. Т. I. Январь – Февраль. С. 74–76.

27. Поступовский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 509 с.
28. Руслан В. С. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк : Изд-ие Свято-Троицкого монастыря Jordanville, 1980. 381 с.
29. Руслан В. Пир сатаны: Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917–1924). London (Canada) : Заря, 1991. 213 с.
30. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штраккер. М. : «Пропилеи», 1995. 400 с.
31. Смыкалин А. С. Каноническое право: на примере Русской православной церкви XI–XXI вв. М. : Проспект; Екатеринбург : Изд. дом Уральского гос. юридического ун-та, 2016. 394 с.
32. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? М. : Academia, 2007. 664 с.
33. Чернова Л. Е. К истории противостояния патриаршей церкви и обновленчества в Москве (1923–1924) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2014. № 17 (139). С. 81–89.
34. Шафаревич И. Р. Законодательство о религии в СССР: Доклад Комитету прав человека. Paris : YMCA-Press, 1973. 81 с.

Religion and Power: The Russian Orthodox Church in Crimea in the 1920s

G. R. Dedkova

teacher of History and Social Studies, Municipal budgetary educational institution "Lyceum".
Russia, Mirnoe. E-mail: gyulnara_ahmedova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the relationship of the Russian Orthodox Church in Crimea in the first years after the establishment of Soviet power on the peninsula and after the creation of the Crimean ASSR. Statistical data and archival materials were used, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The stages of the deployment of anti-religious propaganda are considered, the facts of the interference of the Soviet administration in the internal affairs and the structure of the ROC are given. In addition, the study demonstrates methods for the work of the local administration with groups of believers and the procedure for closing churches and temples. An important aspect in the study of this issue is to identify the causes and consequences of economic pressure from the Soviet state on believers and religious communities. It is concluded that the situation in the Crimean ASSR was somewhat different from the general situation in the country as a whole. In 1922, church valuables began to be withdrawn from churches and monasteries of the Crimean diocese, and religious organizations themselves were under the full control of executive and supervisory authorities, the police. Objects of religious worship were closed under various pretexts – from non-payment of insurance premiums to the liquidation of the "twenties" themselves. In the multi-confessional and multinational region, the process of leveling religious life was slower, although already in 1923 the number of closed Orthodox churches and monasteries in Crimea significantly increased. For the canonical ROC, the situation was seriously complicated by the active activity of the "renovationists", who had a significant number of supporters and support from the authorities on the peninsula. Religious organizations were placed in a strict framework that restricts the right of believers to freedom of religion. By the end of the 1920s, the authorities had closed most of the places of worship in Crimea.

Keywords: religion, spiritual life, Russian Orthodox Church, anti-religious propaganda, cult architecture, atheism.

References

1. *Arhiv Kremlja. Politbyuro i cerkov', 1922–1925 gg. : v 2 kn.* – Archives of the Kremlin. Politburo and the Church, 1922–1925: in 2 books / prepared by N. N. Pokrovsky, S. G. Petrov. Novosibirsk. Siberian Chronograph; M. ROSSPEN. 1998. Book 2. 647 p.
2. *Beloglazov R. N., Osipovskij S. N. Administrativnoe i ideologicheskoe vozdejstvie organov vlasti na religioznye obshchiny Sevastopolja (seredina 1920-h – 1930-e gg.)* [Administrative and ideological influence of the authorities on the religious communities of Sevastopol (mid-1920s – 1930s)] // Manuscript – Manuscript. 2020. Vol. 13. Is. 4. Pp. 16–23.
3. *Borites' s religioznymi predrassudkami!* – Fight religious prejudices! // Krasnyj Krym – Red Crimea. 1921. April 15.
4. *Gidulyanov P. V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva: polnyj sbornik dekretov RSFSR i SSSR, instrukcij, cirkulyarov i t. d. s raz'ясненiyami V otkaza NKYUsta RSFSR* [Separation of the church from the state: a complete collection of decrees of the RSFSR and the USSR, instructions, circulars, etc. with explanations of the V department of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR / ed. by P. A. Krasikov. 2nd ed., reprint. and additional laws

and regulations, to October 1, 1924. M. Legal publishing house of the RSFSR People's Commissariat of Justice. 1926. P. 706

5. State archive of the Republic of Crimea (SARC). F. 1. П-1. Inv. 1. File 693.
6. SARC. F. 1. П-1. Inv. 1. File 807.
7. SARC. F. P-663. Inv. 10. File 17.
8. SARC. F. P-663. Inv. 10. File 22.
9. SARC. F. P-663. Inv. 10. File 1140.

10. *Danilushkin M. Istorya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Novyj patriarchij period. 1917–1970* [The History of the Russian Orthodox Church. The new patriarchal period. 1917–1970]. SPb. Voskresenie (Resurrection). 1997. Vol. 1. 1020 p.

11. *Zmerzlyj B. V. Iz'yatie cerkovnyh cennostej. Nekotorye aspekty problemy* [Seizure of church valuables. Some aspects of the problem] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the peoples of the Black Sea region. 1998. No. 3. Pp. 138–143.

12. *Katunin Yu. A. O likvidacii monastyrej v 20–30-e gody XX veka* [On the liquidation of monasteries in the 20–30s of the XX century] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the peoples of the Black Sea region. 1998. No. 3. Pp. 340–342.

13. *Katunin Yu. A. Hersoneskij Vladimirs'kij monastyr'* [Cherson Vladimir Monastery] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the peoples of the Black Sea region. 1999. No. 6. Pp. 127–132.

14. *Katunin Yu. A. Nalogovaya politika gosudarstva v otnoshenii cerkvej Kryma v 1928–1929 gg.* [The tax policy of the state in relation to the churches of the Crimea in 1928–1929] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the peoples of the Black Sea region. 1999. No. 8. Pp. 189–192.

15. *Katunin Yu. A. Sistema ekonomicheskogo podavleniya pravoslaviya v Krymu (20-e gody XX veka)* [The system of economic suppression of Orthodoxy in the Crimea (the 20s of the XX century)] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the peoples of the Black Sea region. 2000. No. 12. Pp. 42–44.

16. *Katunin Yu. A. Monastyri Kryma v gody Grazhdanskoy vojny* [Monasteries of the Crimea during the Civil War] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* – Culture of the peoples of the Black Sea region. 2001. No. 25. Pp. 145–147.

17. *Katunin Yu. A. Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo: problema vzaimootnoshenij v 1917–1939 gg.: na materialakh Kryma : dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02* [The Orthodox Church and the state: the problem of relations in 1917–1939: on the materials of the Crimea : dis. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02] / Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov. Hist. faculty. M. 2004. 508 p.

18. *Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoy Respubliki. Postanovlenie 5-go Vserossijskogo S'ezda Sovetov, priyatoe v zasedanii 10 iyulya 1918 goda* – Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Resolution of the 5th All-Russian Congress of Soviets, adopted at a meeting on July 10, 1918. M. First State Printing House, 1918. 16 p.

19. *Konstitucii i konstitucionnye akty Soyusa SSR (1922–1936) : sb. dokumentov* – Constitutions and constitutional acts of the USSR (1922–1936) : collection of documents / ed. academician I. P. Trainin. M. Publishing house of "Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR". 1940. 208 p.

20. *Kuroedov V. A. Religiya i cerkov' v Sovetskem gosudarstve* [Religion and the Church in the Soviet state]. M. Politizdat. 1981. 263 p.

21. *Lenin V. I. Socializm i religiya* [Socialism and religion] // *Polnoe sobranie sochinenij* – Complete works. 5th ed. M. Publishing House of Political Literature. 1968. Pp. 142–147.

22. *Lurie S. "Shturm nebes" kak zerkalo russkoj smuty* ["Storming of heaven" as a mirror of the Russian turmoil] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes / review on the Black Book ("Storming of Heaven") : collection of documentary data characterizing the struggle of the Soviet communist government against any religion, against all confessions and churches; comp. A. A. Valentinov. Paris. 2002. No. 2. Pp. 282–284.

23. *Nestulya O. O. Dolya cerkovnoistarovini v Ukrayini. 1917–1941 rr. Ch. 1: 1917 r. – seredina 20-h rokiv* [The share of church elders in Ukraine. 1917–1941. Part 1: 1917 – the middle of the 20th century. Kiev. Institute of history of Ukraine. 1995. 278 p.

24. *Odincov M. I. Gosudarstvo i cerkov': (Istoriya vzaimootnoshenij, 1917–1938 gg.)* [The State and the Church: (History of relations, 1917–1938)]. M. Znanie (Knowledge). 1991. 63, [1] p.

25. *Pomestnyj Sobor Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi 1923 goda. (Byulleteni)* – The Local Cathedral of the Russian Orthodox Church in 1923. (Bulletins) / ed. by protopresbyter V. D. Krasnitsky. [M. Typ. Student Labor. 1923]. 32 p.

26. *Poslanie Svyatejshego Tihona, Patriarha vseya Rossii* – Epistle of His Holiness Tikhon, Patriarch of All Russia // *Bogoslovskij Vestnik* – Theological herald. Sergiev Posad. Type. I. I. Ivanov. 1918. Vol. I. January–February. Pp. 74–76.

27. *Pospelovskij D. V. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M. Respublika (Republic). 1995. 509 p.

28. *Rusak V. S. Svidetel'stvo obvineniya: cerkov' i gosudarstvo v Sovetskem Soyuze* [Evidence of the prosecution: Church and state in the Soviet Union]. New York. Publishing House of the Holy Trinity Monastery of Jordanville. 1980. 381 p.

29. *Rusak V. Pir satany: Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v "leninskij" period (1917–1924)* [The Feast of Satan: The Russian Orthodox Church in the "Leninist" period (1917–1924)]. London (Canada). Zarya (Dawn). 1991. 213 p.
30. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v sovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdu gosudarstvom i Cerkov'yu – The Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991).* Materials and documents on the history of relations between the state and the Church / comp. G. Stricker. M. "Propylaea". 1995. 400 p.
31. *Smykalin A. S. Kanonicheskoe pravo: na primere Russkoj pravoslavnoj cerkvi XI–XXI vv.* [Canon law: on the example of the Russian Orthodox Church of the XI–XXI centuries]. M. Prospect; Yekaterinburg. Publishing House of the Ural State Law University. 2016. 394 p.
32. *Toshchenko Zh. T. Teokratiya: fantom ili real'nost'*? [Theocracy: phantom or reality?] M. Academia. 2007. 664 p.
33. *Chernova L. E. K istorii protivostoyaniya patriarshej cerkvi i obnovlenchestva v Moskve (1923–1924)* [On the history of the confrontation between the Patriarchal Church and Renovationism in Moscow (1923–1924)] // *Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Regional'naya istoriya. Kraevedenie – Herald of Russian State Humanitarian University. Series: Historical Sciences. Regional history. Local history.* 2014. No. 17(139). Pp. 81–89.
34. *Shafarevich I. R. Zakonodatel'stvo o religii v SSSR: Doklad Komitetu prav cheloveka* [Legislation on religion in the USSR: Report to the Human Rights Committee]. Paris. YMCA-Press. 1973. 81 p.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 94(73)"1972/1975":94(567)"1972/1975"

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.049

Американо-иракские отношения и курдский вопрос в 1972–1975 гг.*

А. И. Сенников

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839. Researcher-ID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению американо-иракских отношений в период с 1972 по 1975 гг. и месту в них курдского вопроса. Современная политика США по курдскому вопросу в Ираке изобилует примерами изменчивости и выборочности, когда Вашингтон готов как поддержать иракских курдов в борьбе против общего противника, так и отвернуться в том случае, когда интересы двух сторон расходятся. Подобное отношение со стороны американских политиков встречалось и в ранней истории американской политики в Ираке по курдскому вопросу. Наиболее яркий и показательный эпизод произошел в 1972–1975 гг., когда США проводили тайную операцию по поддержке курдского национально-освободительного движения в Ираке для борьбы с «просоветским» баасистским режимом. Настоящая статья призвана уточнить имеющиеся знания по американо-иракским отношениям в 1970-е гг. и отразить место и роль в них курдского вопроса, а также выделить перспективные направления исследования проблемы влияния курдского фактора на ближневосточную политику США. Автор раскрывает подоплеку принятия решения администрацией Р. Никсона в пользу поддержки иракских курдов, раскрывает преследуемые в ней цели: сдерживание влияния Москвы на Ближнем Востоке, дестабилизация антиамериканского режима, поддержка региональных союзников – Ирана и Израиля. Итогом операции стал провал в результате подписанных Ираном соглашений с Ираком, по которым Тегеран отказывался от поддержки курдского движения в соседней стране, что автоматически означало прекращение и американской поддержки. В заключении раскрываются причины, из-за которых американское руководство, и в первую очередь автор операции Г. Киссинджер, согласилось с решением иранского монарха, отказалось от помощи курдам и изменило отношение к баасистскому Багдаду, с которым стало выстраивать партнерские отношения.

Ключевые слова: США, Ирак, курдский вопрос, интернационализация внутренних конфликтов, тайные операции, Г. Киссинджер.

Во второй половине XX в. американо-иракские отношения проходили через крутые виражи от сближения и сотрудничества в военной и политической сфере до тайного и открытого противостояния. Курдский вопрос в двусторонних отношениях считался одним из важнейших, поскольку был связан как с целостностью и внутренней безопасностью арабской республики, так и с экономической стороной отношений между Вашингтоном и Багдадом в силу автономистских амбиций курдов и их притязаний на нефтяные месторождения Киркукского района. Одним из наиболее драматических эпизодов в отношениях двух стран стала американская операция по поддержке национально-освободительного движения иракских курдов в 1972–1975 гг. Цель статьи – уточнение имеющихся знаний об американо-иракских отношениях и позиции Вашингтона по курдскому вопросу в Ираке в 1972–1975 гг., выявление перспективных для исследования направлений по проблеме влияния курдского фактора на ближневосточную политику США.

© Сенников А. И., 2021

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

Впервые мир узнал о вмешательстве Вашингтона во внутренний конфликт в Ираке после утечки в американские средства массовой информации секретного доклада комитета Палаты представителей Конгресса США по контролю над деятельностью американской разведки в феврале 1976 г. [34; 38]. С тех пор появилось немало интерпретаций событий, высказанных как активными участниками тех событий. Авторы, представлявшие официальную точку зрения американской официальной стороны, пытались оправдать проведение операции интересами США по сдерживанию СССР и «просоветского» баасистского режима в Ираке [19; 20; 25; 27, р. 595–596; 28]. Про-курдские интерпретации отражали чаяния лидеров движения и их разочарование в связи с окончанием операции и крахом курдского восстания [15; 29; 32].

В зарубежной историографии вопрос поддержки американским правительством курдского движения в 1970-е гг. стал активно рассматриваться только после войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. Американские и британские историки (Б. Гибсон, М. Гюнтер, Й. Феллер, Л. Мехо) анализировали события 1970-х гг. через призму bipolarного противостояния эпохи холодной войны [16; 17; 30; 41]. С точки зрения интересов региональных держав и влияния кратковременного американо-курдского сотрудничества на политический процесс на Ближнем и Среднем Востоке в 1970-е гг. данный вопрос изучали иранские (Р. Алванди, Т. Парси, А. Рейсинежад [9; 36; 37]) и курдские историки (Х. Али, А. Осман [8]). Отечественная историография специально не затрагивала вопрос участия США в поддержке курдского движения в Ираке в 1970-е гг.

В результате арабо-израильской войны 1967 г., поражения в ней арабской коалиции и оказанной Вашингтоном поддержки Тель-Авиву, арабские страны пошли на ряд ограничительных мер в отношении США. Багдад разорвал дипломатические отношения с американскими партнерами (вплоть до 1984 г.). Администрация Л. Джонсона (1963–1969 гг.) вынуждена была смириться с утратой позиций в арабской республике в силу международных обстоятельств (в первую очередь увеличивавшейся вовлеченности США во Вьетнамскую войну). Произошедший в июле 1968 г. очередной военный переворот и приход к власти второго баасистского режима во главе с президентом А. Х. аль-Бакром и вторым лицом в государственной иерархии С. Хусейном обошелся без участия США и никак не повлиял на двусторонние отношения¹.

В январе 1969 г. президентом США стал Р. Никсон. Республикаанская администрация в лице советника по национальной безопасности Г. Киссинджера и государственного секретаря У. Роджерса наметила «новый подход к международным делам» [6, с. 52]. Ближневосточный курс стал сферой ответственности Роджерса, интерес президента и его помощника к ним был незначительным вплоть до 1971 г. [26, р. 417–418]. Соединенные Штаты в своей политике продолжали опираться на Иран и Саудовскую Аравию, исповедуя принцип «двух столпов», принятый еще администрацией Джонсона [35]. Со временем этот принцип был скорректирован в пользу более масштабной поддержки правительства шаха М. Р. Пехлеви [1, с. 2]. Главной угрозой региональной нестабильности считалось возобновление арабо-израильской конфронтации.

Ирак оказался на периферии американских интересов, но не интересов их союзников – Ирана и Израиля. Тегеран и Тель-Авив прилагали усилия по ослаблению иракского баасистского режима с целью исключения его потенциального участия в региональном конфликте и снижения роли в арабском мире. Главным инструментом дестабилизации Багдада были иракские курды, поддерживаемые политически и материально [9, р. 46–47; 13, р. 43, 77–78, 1215, 1247–1249, 1252–1255; 14, р. 103; 27, р. 580–581]. Иранские и израильские власти, а также активисты курдского движения пытались привлечь Вашингтон к операциям по сдерживанию баасистского Ирака, упирая на его уклон в сторону Москвы [13, р. 167, 708, 1380, 1391; 22]. Вашингтон сдержанно относился к подобной агитации [13, р. 1270], участие в подобных акциях отвергалось вплоть до 1972 г.

К лету 1972 г. ситуация кардинально изменилась. Накопился массив эпизодов иракских внешне- и внутриполитических акций, раздражавших Вашингтон и их союзников: преследование иудеев и евреев в Ираке, укрепление экономических связей баасистского правительства с Москвой, ирано-иракские дипломатические конфликты 1969 и 1971–1972 гг. вокруг островов в Персидском заливе и правил пользования рекой Шатт-эль-Араб (по предыдущим договорам о демаркации границы двух стран практически на всем протяжении река полностью находилась на территории Ирака, что оспаривалось Ираном, требовавшим редемарка-

1 Об обстоятельствах первого прихода баасистов к власти в Ираке см.: [4].

ции по тальвегу), подписание в апреле 1972 г. советско-иракского договора о дружбе и сотрудничестве [2, с. 312; 8, р. 59; 9, р. 166; 13, р. 1410, 1443–1444; 16, р. 137; 23; 36, р. 54]. Наличие подобных кризисов при отсутствии адекватной информации, которую в условиях нормализованных двусторонних отношений можно получить из посольской миссии, побуждали Вашингтон задуматься об учреждении дипломатического органа, который бы представлял в Ираке американские интересы: миссия по представительству интересов США в Багдаде откроется в октябре 1972 г. [13, р. 1382–1383, 1541–1543].

«Финальной каплей» для американского руководства стала национализация Иракской нефтяной компании иракским правительством в июне 1972 г. [13, р. 1469]. Решение Багдада нарушало интересы западных нефтяных компаний и побудило Вашингтон пересмотреть курс в отношении Ирака и курдского вопроса [16, р. 137–138; 26, р. 1264–1265; 27, р. 583]. Сотрудниками Совета национальной безопасности США при аналитической поддержке ЦРУ был разработан план тайной операции по поддержке движения иракских курдов [13, р. 1501–1503], одобренный президентом Никсоном в августе 1972 г. Итоговая сумма, выделенная на эту операцию, составила 18 млн долларов, из которых 9 млн оплачивались Ираном, 5 млн – США, еще 4 млн брали на себя иные «внешние источники» [13, р. 1520].

Киссинджер мотивировал такое решение Вашингтона следующим образом: «члены Политбюро должны оказаться в таком положении, когда они сами не захотят втягиваться в ближневосточные авантюры. Нужно, чтобы Ирак стал [для советского бюджета] бездонной ямой. Мы хотим, чтобы [в Москве] считали цену за активность слишком высокой. Арабы, связанные с советской стороной, не должны чувствовать свободы действий. Курды должны иметь достаточно сил, чтобы оставаться кровоточащей раной Ирака» [13, р. 1493].

Баасисты и барзанцы находились в этот период в состоянии хрупкого перемирия (в марте 1970 г. было подписано соглашение о предоставлении в четырехгодичный срок автономии курдам, завершившее курдское восстание 1961–1970 гг.) [2, с. 331–333]. Советское руководство пыталось примирить враждующие стороны, пригласив Барзани в Москву, где он встречался с членом Политбюро ЦК КПСС М. С. Сусловым. Киссинджер писал, что встреча Суслова с Барзани и заявление секретаря ЦК о том, что Ирак является главным ближневосточным союзником СССР, «повысили ставки» [27, р. 585].

По результатам 1972 г. Киссинджер представил президенту отчет о прогрессе курдской операции, в котором действия американской и иранской сторон были оценены на «отлично» [13, р. 1549–1550]. В сложившейся ситуации баасистский режим вынужден был держать 2/3 армии на границе с Иракским Курдистаном, что удерживало Багдад от агрессивных действий в отношении Ирана и позволяло исключить из вооруженных сил антиизраильской коалиции иракскую армию в случае гипотетического арабо-израильского конфликта. В начавшейся в октябре 1973 г. арабо-израильской войне иракские курды были готовы оказать поддержку Израилю, но Киссинджер (ставший в сентябре государственным секретарем) отговорил их от этого [14, р. 668–669; 27, р. 587]. Начало войны было неожиданным для Ирака, и чтобы не остаться в хвосте «арабской революции», Багдад пошел на ряд резких антиамериканских заявлений пропагандистского характера и незначительных ограничений экономической деятельности западных предприятий, что однако, как утверждали в американской дипломатической миссии в Багдаде, было предсказуемо и преодолимо в обозримом будущем [14, р. 667–668].

Экономические последствия ближневосточного конфликта (вследствие решения ОПЕК о наложении эмбарго на поставки нефтегазовых ресурсов и повышении цен на нефть для стран, поддерживавших Израиль) наложились на политический скандал вокруг Уотергейтского дела и усиление контроля Конгресса над финансовыми потоками, все больше сомневавшегося в целесообразности, а главное легальности действий администрации Никсона и американских спецслужб, что осложняло проведение тайной операции по поддержке курдского движения [5, с. 34–39; 7, с. 22; 18]. В дальнейшем этот фактор сыграет ключевую роль в отказе американского правительства увеличивать ассигнования на поддержку курдов.

На протяжении 1973 г. напряжение между центральной иракской властью и курдскими активистами накалялось, начались вооруженные стычки [39]. США твердо стояли на позиции поддержки Ирана и продолжения курдской операции, несмотря на попытки Ирака разрядить напряженность в отношениях с Тегераном и готовность возместить ущерб западным компаниям от национализации ИНК [14, р. 602–603, 631–634; 16, р. 147; 33]. К началу 1974 г. эксперты ЦРУ с высокой долей вероятности предсказывали возобновление ирако-курдского конфликта [42].

Когда в марте 1974 г. подошел срок имплементации закона об автономии, баасистское правительство ввело его в той форме, которая не отвечала интересам курдских политических лидеров во главе с Мустафой Барзани. В ответ подчиненные ему иракские курды отказались признавать введение закона. Багдад выдвинул курдам ультиматум, а после его неисполнения развернул карательную операцию, переросшую в апреле 1974 г. в полноценную войну [3, с. 78]. Историки Б. Гиббсон, Л. Мехо и Й. Феллер отмечают, что иракские курды, получая огромную, по их меркам, финансовую и материальную поддержку со стороны США, оказались в плену иллюзий собственной неуязвимости и способности решить собственные проблемы вооруженным путем, иной раз игнорируя позиции доноров – США и Ирана [16, р. 148, 163–164; 30, р. 21; 41, р. 56].

Для организации обороны Иракского Курдистана руководству курдских повстанцев требовалась помочь в размере не менее 180 млн долларов [11]. Американское руководство, готовое к подобным запросам, ответило заверениями о моральной поддержке курдского восстания, согласовало дополнительные поставки вооружений на операцию, но в целом отклонило курдский запрос на увеличение денежных вливаний [14, р. 680–683]. Киссинджер через эмиссаров ЦРУ уверевал курдских вождей придерживаться линии на дистанцирование от Багдада и СССР, защиту своих рубежей без наступательных акций [14, р. 682; 27, р. 588–589].

Шедшая с переменным успехом военная операция иракской армии в Южном Курдистане продолжалась до марта 1975 г. Однозначный победитель выявлен не был, хотя баасистскому режиму удалось не только захватить, но впервые удержать в зимний период часть курдской территории [14, р. 701–704]. Иракское правительство болезненно реагировало на факты поддержки иранскими властями курдских повстанцев, обвиняя Вашингтон в сознательной эскалации конфликта. Иракские дипломаты требовали от американской стороны пересмотра политики в отношении Ирана, свертывания поставок ему вооружений на время конфликта [14, р. 710]. Ответа на иракские выпады не последовало.

Неспособность курдских формирований восстановить контроль над своей территорией вызвала обеспокоенность в Тегеране. Шах Пехлеви, вынужденный осенью 1974 г. послать свои войска без опознавательных знаков на помочь курдам и применять артиллерию против иракской армии при подходе ее к иранской границе, справедливо опасался роста напряженности в отношениях с Багдадом и перерастания внутрииракского конфликта в межгосударственный [12; 14, р. 711–712; 21, р. 35; 40]. Свои мысли по этому поводу в ряде встреч он высказывал как госсекретарю Киссинджеру, так и президенту Дж. Форду, сменившему в августе 1974 г. ушедшего в отставку Никсона [10; 14, р. 267–268, 731; 27, р. 592]. Как отмечал Киссинджер, шах Пехлеви был настроен продолжить операцию, однако не исключал возможности договориться с Багдадом [27, р. 592–593].

В докладах МПИ и ЦРУ отмечалось, что несмотря на успешный ход военных действий в Иракском Курдистане, в руководстве баасистского режима наблюдалась как усталость от ведения войны, так и обеспокоенность втягиванием в конфликт Ирана и, потенциально, США с Израилем. Умеренное крыло баасистской партии во главе с С. Хусейном было готово пойти на уступки иранцам в обмен на прекращение поддержки курдов [14, р. 706–708; 24]. По мнению американских дипломатов, находившихся в Ираке, продолжение конфликта в Иракском Курдистане и нарастание напряженности в ирано-иракских отношениях отвечали интересам СССР [14, р. 716–718], в то время как иракское правительство в целом готово было переориентировать свои экономические связи в пользу западных компаний [14, р. 114].

Ситуация на курдско-иракском фронте достигла апогея в феврале 1975 г. Вождь курдского восстания М. Барзани обратился к шаху Пехлеви с просьбой поддержать повстанцев силами иранской армии, по сути расписавшись в неспособности воевать дальше без помощи вооруженных сил Ирана. Для шаха это означало превращение внутреннего иракского конфликта в ирано-иракскую войну [14, р. 747–748]. Имея перед собой альтернативу: договориться с Багдадом на выгодных условиях (к чему иранского монарха призывали лидеры арабских стран, Франции и руководство СССР [14, р. 749–750]), либо ввязаться в полномасштабную войну, обрекая себя на международную изоляцию – шах выбрал наиболее pragматичный вариант.

На саммите ОПЕК 6 марта 1975 г. в Алжире М. Р. Пехлеви и С. Хусейн смогли прийти к пониманию и соглашению по ирано-иракской границе и отношению к курдскому движению [9, р. 114–115; 14, р. 744–745; 16, р. 190; 36, р. 54]. Курдская операция была Тегераном свернута, что означало окончание и американской поддержки, поскольку иных путей доставки снабжения у Вашингтона не было. Киссинджер, которого информация об Алжирских согла-

шениях и послания из Тегерана застали врасплох во время «челночной поездки» в Сирию, был раздосадован «самоуправством» шаха и не считал сделку оправданной [31, р. 50–51]. Для Киссинджера провал курдской операции вследствие волонтистского решения шаха был ударом по глобальной стратегии противодействия СССР в рамках холодной войны, сохранявшей важность даже несмотря на разрядку. Недовольство государственного секретаря было понятно, учитывая вложенные в 1972–1975 гг. американцами деньги на поддержку курдского движения. Госсекретарь, взвешивая внешне- и внутриполитическое положение США, отдавал себе отчет в невозможности открытого вмешательства в конфликт в Иракском Курдистане.

Многие сотрудники государственного департамента, тем не менее, в отличие от своего начальника, видели в ирано-иракском соглашении гарантию региональной стабильности [14, р. 745–746, 753–754]. Так, из миссии в Багдаде сообщалось, что победа Багдада над курдами укрепила баасистский режим, упрочила региональную стабильность, снизила значимость советской помощи, а значит, и влияния Москвы в целом, что открывало пути для восстановления дипломатических отношений с США [14, р. 782–783]. Позиция президента Форда лежала в русле снижения антиамериканизма и конфликтности на Ближнем Востоке, в том числе в отношениях с Ираком. Он не имел мотивации продолжать тайную операцию, которая потенциально могла подорвать позиции новой администрации.

В конечном счете, с изменением политической ситуации на Ближнем Востоке летом 1975 г. после отказа Сирии от присоединения к египетско-израильскому диалогу по урегулированию ближневосточного кризиса, произошла корректировка и отношения Вашингтона к баасистскому режиму в Багдаде, который становился фактором сдерживания Дамаска, за которым, как считали в Белом доме, стояла Москва. И хотя дальнейший американо-иракский диалог не привел к восстановлению дипломатических отношений в каденцию Форда, он создавал условия для будущего сближения двух стран в годы ирано-иракской войны и игнорирования антикурдской политики Багдада в конце 1970-х – 1980-х гг.

Список литературы

1. Воробьева Т. А., Юнгблуд В. Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). 16 с. URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (дата обращения: 24.09.2021). DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
2. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М. : ИИК «Российская газета», 2006. 384 с.
3. Сеников А. И. Иракские курды в политике США в 1969–1976 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 10. С. 74–84.
4. Сеников А. И. Курдский вопрос в политике администрации Дж. Кеннеди в отношении Ирака (1961 – февраль 1963 гг.) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4 (26). С. 178–196.
5. Современная внешняя политика США : в 2-х т. Т. 2 / под ред. Г. А. Трофименко. М. : Наука, 1983. 477 с.
6. Юнгблуд В. Т., Воробьева Т. А. Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряженности (1968–1973 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 47–57.
7. Юнгблуд В. Т., Ильин Д. В. Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.
8. Ali H. The Iraqi Kurds and the Cold War. Regional Politics, 1958–1975. N. Y. : Routledge, 2020. 178 p. DOI: 10.4324/9780429326646.
9. Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford : Oxford University Press, 2014. 272 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199375691.001.0001.
10. Cable to Brent Scowcroft from Henry Kissinger, November 3, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
11. Cable to White House from Tehran, April 17, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
12. For Secretary Kissinger from Situation Room, October 31, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
13. Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-4. Documents on Iran and Iraq, 1969–1972. Washington : United States Government Printing Office, 2006. 1586 p.
14. Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XXVII. Iran; Iraq, 1973–1976. Washington : United States Government Printing Office, 2012. 935 p.

15. *Ghareeb E.* The Kurdish Question in Iraq. N. Y. : Syracuse University Press, 1981. 233 p.
16. *Gibson B.* Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 257 p. DOI: 10.1057/9781137517159.
17. *Gunter M.* The five stages of American foreign policy towards the Kurds // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 2. P. 93–106.
18. H.R.11260 – Election Campaign Espionage Act // *Congressional Records*. Vol. 119. Pt. 26.
19. Interview with Brent Scowcroft, November 12–13, 1999 // *George H. W. Bush Oral History Project*.
20. Interview with Harold H. Saunders. November 24, 1993 // *The Foreign Affairs Oral History Collection of the Association for Diplomatic Studies and Training*.
21. Interview with Ronald E. Neumann. May 30, 2010 // *Foreign Affairs Oral History Project*.
22. Iranian Intelligence Request for Expression of United States Government Willingness to Overthrow the Ba'thi Regime of Iraq, March 9, 1972 // *Central Intelligence Agency Electronic Reading Room*.
23. Iranian Troops Occupy Three Strategic Islands in Persian Gulf // *New York Times*, December 1, 1971.
24. Iraq: New Directions? January 21, 1975 // *Central Intelligence Agency Electronic Reading Room*.
25. Kissinger Assails Report by Pike as «Malicious Lie» // *New York Times*, February 13, 1976.
26. *Kissinger H.* White House Years. N. Y. : Simon & Schuster, 2011. 1552 p.
27. *Kissinger H.* Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. 1151 p.
28. Kissinger Hits Leaks of Pike Report // *Washington Post*, February 13, 1976.
29. *Korn D.* The Last Years of Mustafa Barzani // *Middle East Quarterly*. 1994. Vol. 1. No. 2. P. 12–27.
30. Kurdish question in U.S. foreign policy : a documentary sourcebook / [comp. by] Lokman I. Meho. Westport, Conn. : Praeger, 2004. 698 p.
31. March 7–22, 1975 – Kissinger Trip – Vol. 1. Pt. 2 // *Gerald R. Ford Presidential Library & Museum*.
32. *Meho L., Nehme M.* Pawns in a Deadly Game: Iraqi Kurds and the United States, 1972–1975 // *International Studies*. 1995. Vol. 32. Is. 1. P. 50–54.
33. Memorandum For Dr. Henry A. Kissinger from James R. Schlesinger, March 13, 1973 // *Central Intelligence Agency Electronic Reading Room*.
34. Mr. Ford's Secret Sellout // *New York Times*, February 5, 1976.
35. NSDM-92: U.S. Policy Toward the Persian Gulf, November 7, 1970 // *Richard M. Nixon Presidential Library & Museum*.
36. *Parsi T.* Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States. New Haven : Yale University Press, 2007. 361 p.
37. *Reisinezhad A.* The Shah of Iran, the Iraqi Kurds, and the Lebanese Shia. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2019. 357 p.
38. The CIA Report the President Doesn't Want You to Read // *Village Voice*, February 16, 1976.
39. The Kurds Gird for Another War // *Washington Post*, June 24, 1973.
40. The President's Daily Brief, 7 September 1974 // *Central Intelligence Agency Electronic Reading Room*.
41. *Voller Y.* The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N. Y. : Routledge/Taylor & Francis Group, 2014. 176 p.
42. Weekly Summary, March 1, 1974 // *Central Intelligence Agency Electronic Reading Room*.

U.S.-Iraqi relations and the Kurdish issue in 1972–1975

A. I. Sennikov

PhD in Historical Sciences, junior researcher of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9329-2839.
ResearcherID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of American-Iraqi relations in the period from 1972 to 1975 and the place of the Kurdish issue in them. The current US policy on the Kurdish issue in Iraq is replete with examples of variability and selectivity, when Washington is ready both to support the Iraqi Kurds in the fight against a common enemy, and to turn away when the interests of the two sides diverge. A similar attitude on the part of American politicians was also encountered in the early history of American policy in Iraq on the Kurdish issue. The most striking and revealing episode occurred in 1972–1975, when the United States conducted a covert operation to support the Kurdish national liberation movement in Iraq to fight the "pro-Soviet" Baathist regime. This article is intended to clarify the existing knowledge on US-Iraqi relations in the 1970s and reflect the place and role of the Kurdish issue in them, as well as to highlight promising areas of research on the problem of the influence of the Kurdish factor on US Middle East policy. The author reveals the background of the decision – making by the administration of R. Nixon in favor of supporting the Iraqi Kurds, reveals the goals pursued in it: curbing Moscow's influence in the Middle East, destabilizing the anti-American regime, supporting regional allies – Iran and Israel. The result of the operation was a failure as a result of the agreements signed by Iran with Iraq, according to which Tehran refused to support the Kurdish movement in the neighboring

country, which automatically meant the termination of American support. The conclusion reveals the reasons why the American leadership, and first of all the author of the operation G. Kissinger, agreed with the decision of the Iranian monarch, refused to help the Kurds and changed his attitude towards Baathist Baghdad, with which he began to build partnerships.

Keywords: USA, Iraq, the Kurdish question, internationalization of internal conflicts, covert operations, G. Kissinger.

References

1. Vorobyova T. A., Yungblud V. T. *SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administracii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg.* [The USA is losing an ally in the Middle East: the policy of the administration of J. Carter's attitude towards Iran, 1977–1980] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" – Electronic scientific and educational journal "History". 2019. Vol. 10. Is. 3 (77). 16 p. Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1> / (date accessed: 09/24/2021). DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
2. Primakov E. M. *Konfidencial'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulismi (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka)* [Confidentially: The Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the XX – the beginning of the XXI century)]. M. IIK "Rossiyskaya Gazeta". 2006. 384 p.
3. Sennikov A. I. *Irakskie kurdy v politike SShA v 1969–1976 gg.* [Iraqi Kurds in US politics in 1969–1976] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University. 2017. No. 10. Pp. 74–84.
4. Sennikov A. I. *Kurds'kij vopros v politike administracii Dzh. Kennedy v otnoshenii Iraka (1961 – fevral' 1963 gg.)* [The Kurdish question in the policy of the administration of J. Kennedy in relation to Iraq (1961 – February 1963)] // Vestnik Diplomaticeskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir – Herald of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world. 2020. No. 4 (26). Pp. 178–196.
5. Sovremennaya vneshnyaya politika SShA : v 2-h t. – Modern US foreign policy: in 2 vols. Vol. 2 / ed. by G. A. Trofimenko. M. Nauka. 1983. 477 p.
6. Yungblud V. T., Vorobyova T. A. *Sovetsko-kitajskij raskol v amerikanskoy politike razryadki mezhdu-narodnoj napryazhennosti (1968–1973 gg.)* [The Soviet-Chinese split in the American policy of detente of international tension (1968–1973)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N.I. Lobachevsky. 2018. No. 1. Pp. 47–57.
7. Yungblud V. T., Ilyin D. V. *Popravka Dzheksona-Venika i razvitiye sovetsko-amerikanskikh otnoshenij v 1972–1975 gg.* [The Jackson-Vanik Amendment and the development of Soviet-American relations in 1972–1975] // Vestnik MGIMO Universiteta – Herald of MSIIR. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.
8. Ali H. The Iraqi Kurds and the Cold War. Regional Politics, 1958–1975. N. Y. : Routledge, 2020. 178 p. DOI: 10.4324/9780429326646.
9. Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199375691.001.0001.
10. Cable to Brent Scowcroft from Henry Kissinger, November 3, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
11. Cable to White House from Tehran, April 17, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
12. For Secretary Kissinger from Situation Room, October 31, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
13. Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-4. Documents on Iran and Iraq, 1969–1972. Washington: United States Government Printing Office, 2006. 1586 p.
14. Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XXVII. Iran; Iraq, 1973–1976. Washington: United States Government Printing Office, 2012. 935 p.
15. Ghareeb E. The Kurdish Question in Iraq. N. Y.: Syracuse University Press, 1981. 233 p.
16. Gibson B. Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 257 p. DOI: 10.1057/9781137517159.
17. Gunter M. The five stages of American foreign policy towards the Kurds // Insight Turkey. 2011. Vol. 13. No. 2. Pp. 93–106.
18. H.R.11260 – Election Campaign Espionage Act // Congressional Records. Vol. 119. Pt. 26.
19. Interview with Brent Scowcroft, November 12–13, 1999 // George H. W. Bush Oral History Project.
20. Interview with Harold H. Saunders. November 24, 1993 // The Foreign Affairs Oral History Collection of the Association for Diplomatic Studies and Training.
21. Interview with Ronald E. Neumann. May 30, 2010 // Foreign Affairs Oral History Project.
22. Iranian Intelligence Request for Expression of United States Government Willingness to Overthrow the Ba'thi Regime of Iraq, March 9, 1972 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
23. Iranian Troops Occupy Three Strategic Islands in Persian Gulf // New York Times, December 1, 1971.
24. Iraq: New Directions? January 21, 1975 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
25. Kissinger Assails Report by Pike as "Malicious Lie" // New York Times, February 13, 1976.
26. Kissinger H. White House Years. N. Y. : Simon & Schuster, 2011. 1552 p.

27. Kissinger H. Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. 1151 p.
28. Kissinger Hits Leaks of Pike Report // Washington Post, February 13, 1976.
29. Korn D. The Last Years of Mustafa Barzani // Middle East Quarterly. 1994. Vol. 1. No. 2. Pp. 12–27.
30. Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook / [comp. by] Lokman I. Meho. Westport, Conn.:Praeger, 2004. 698 p.
31. March 7–22, 1975 – Kissinger Trip – Vol. 1. Pt. 2 // Gerald R. Ford Presidential Library & Museum.
32. Meho L., Nehme M. Pawns in a Deadly Game: Iraqi Kurds and the United States, 1972–1975 // International Studies. 1995. Vol. 32. Is. 1. Pp. 50–54.
33. Memorandum For Dr. Henry A. Kissinger from James R. Schlesinger, March 13, 1973 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
34. Mr. Ford's Secret Sellout // New York Times, February 5, 1976.
35. NSDM-92: U.S. Policy Toward the Persian Gulf, November 7, 1970 // Richard M. Nixon Presidential Library & Museum.
36. Parsi T. Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States. New Haven: Yale University Press, 2007. 361 p.
37. Reisinezhad A. The Shah of Iran, the Iraqi Kurds, and the Lebanese Shia. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2019. 357 p.
38. The CIA Report the President Doesn't Want You to Read // Village Voice, February 16, 1976.
39. The Kurds Gird for Another War // Washington Post, June 24, 1973.
40. The President's Daily Brief, 7 September 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.
41. Voller Y. The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N. Y. : Routledge/ Taylor & Francis Group, 2014. 176 p.
42. Weekly Summary, March 1, 1974 // Central Intelligence Agency Electronic Reading Room.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 947:37.014

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.050

Россия во французской школьной программе по истории*

Е. А. Осипов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
Россия, г. Москва. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация. В сентябре 2019 г. французские школьники начали учиться по новой программе по истории. В статье анализируется место и образ России в программе выпускного класса, посвященного истории XX в.

Хронологически программа выпускного класса начинается с 1930-х гг., соответственно, в тематическом плане история тоталитарных режимов в Европе становится фундаментом новой школьной программы во Франции. Подобный подход приводит к тому, что старшеклассники, которым в рамках предыдущей программы преподавали историю двух мировых войн в качестве единого и взаимозависимого процесса, теперь воспринимают соперничество тоталитарных режимов, как между собой, так и с демократическими государствами, как главную причину начала Второй мировой войны.

Во французской школьной программе и методических рекомендациях к ней подтверждается и получает свое дальнейшее развитие западная тенденция по попыткам поставить сталинский коммунистический режим и гитлеровский нацизм на одну чашу весов, а советско-германский договор 1939 г. сделать отправной точкой к началу Второй мировой войны, при этом Мюнхенское соглашение 1938 г. даже не упоминается в новой программе. Более того, описание репрессий в 1937–1938 гг. в СССР описывается как центральное событие из истории тоталитарных режимов в Европе в 1930-е гг., которому удалено значительно больше внимания, чем преступлениям нацизма.

В целом новая французская школьная программа по истории местами носит политический характер. В методических рекомендациях события из истории СССР выглядят тенденциозно и трактуются в одностороннем порядке, то есть учителю навязывают определенную точку зрения, хотя методические рекомендации существуют как раз для того, чтобы познакомить учителей с результатами новых научных исследований и показать весь спектр мнений.

Критичный взгляд на преподавание истории во французской школе немного сглаживается благодаря усилиям, которые в последние два года предпринимают истории России и Франции. Действующая сегодня в рамках Совета Европы Обсерватория по преподаванию истории в Европе, частью которой является Россия и Франция, а также существующая с 2018 г. российско-французская группа по модернизации школьных программ по истории дают надежду на изменение в будущем того негативного образа России, который сложился сегодня во французской школьной программе по истории.

Ключевые слова: Франция, школьная программа, Вторая мировая война, образ России, преподавание истории.

Ухудшение отношений между Россией и западными странами, начавшееся еще до дестабилизации ситуации на Украине и воссоединения Крыма с Россией, привело к заметному росту интереса и внимания к современной России на Западе в целом, к росту антисоветских настроений в частности. Известный французский историк и антрополог Эммануэль Тодд даже называет русофобство «идеальным типом ксенофобии французской элиты» [8, р. 226].

Обострение напряженности в мире проявляется в том числе и в школьных программах по истории, которые в некоторых странах все больше отражают не объективные исторические факты, а современную государственную политику. Образ России в школьных программах таким образом становится частью политической конъюнктуры, примером этого служит новая школьная программа по истории, принятая во Франции летом 2019 г.

В статье рассматривается школьная программа выпускного класса (последний год в лицее по французской терминологии) общего профиля. Российская тематика представлена в

© Осипов Е. А., 2021

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-59-22010 ФДНЧ_А «Роль научной дипломатии перед лицом кризисов и угроз».

основном как раз в программе выпускного класса. Хронологически она охватывает период с 1930-х гг. до наших дней. Тематически исторический блок программы (история во французской школе объединена с географией) состоит из четырех тем.

Программа построена таким образом, что в последнем классе изучение истории начинается с 1930-х гг. Такое решение выглядит довольно странным. В предыдущей программе две мировых войны были частью единого исторического процесса. Подобный подход был удачным с той точки зрения, что позволял посмотреть на всю совокупность причин, приведших к двум мировым конфликтам. Но при этом у школьников сливались события двух мировых войн между собой и, по признанию французских методистов, дети иногда просто не отличали события Первой и Второй мировых войн друг от друга. По новой программе Первая мировая война теперь изучается в конце первого класса в лицее (предпоследний год по французской системе образования). В итоге, одной из первых тем последнего класса становятся тоталитарные режимы в Европе, что нелогично с научной точки зрения, поскольку появление тоталитарных режимов стало следствием того, что происходило в Европе в конце и после Первой мировой войны. Советский и германский тоталитарные режимы оказываются в итоге рядом в программе.

История СССР занимает центральное место в первой теме, на которую отведено 13–15 часов для изучения – «Слабости демократии, тоталитарные режимы и Вторая мировая война (1929–1945)». Помимо самой программы, которая является довольно кратким по форме документом, Министерство национального просвещения Франции в помощь учителю публикует более подробные методические рекомендации по каждой теме, где уже прописаны не только основные факты, но и их трактовка.

Сама структура программы выпускного класса, где трагическая история XX в. раскрывается через призму тоталитарных режимов, предполагает искусственное сравнение сталинского и гитлеровского режимов и постоянное перечисление их через запятую, то есть проводится мысль о схожести этих режимов, хотя научно обоснованная аргументация при этом не приводится. Во французской школьной программе прослеживается еще ряд тенденций скорее политического, чем научного характера. С одной стороны, в представленных Министерством просвещения Франции материалах мало внимания уделено фашистскому режиму в Италии. Отмечается, что сам термин «тоталитаризм» появился в 1923 г. именно в Италии, однако и в тексте программы, и в методических рекомендациях Италия иногда даже не перечисляется среди тоталитарных стран [4, р. 4]. Авторы рекомендаций отмечают, что террор как метод государственной политики был в меньшей мере характерен для тоталитарного режима в Италии, чем для других тоталитарных государств [4, р. 10]. С другой стороны, заметно чрезмерное, не соответствующее ни историческим фактам, ни заявленным цели и задачам программы, внимание на различных аспектах сталинского режима в СССР.

Во французской школьной программе по истории советский режим перечислен первым в ряду тоталитарных в Европе (вслед за ним упомянуты фашистский режим Муссолини и национал-социализм Гитлера). «Большой террор» 1937–1938 гг. в СССР также перечислен на первом месте в списке основных исторических событий периода, вокруг которых должен строиться урок в школе (помимо репрессий в СССР упомянуты еще Хрустальная ночь в Германии и иностранные интервенции в период гражданской войны в Испании) [6, р. 6]. Подобный подход сложно назвать объективным. Если брать за основу хронологический метод, то режим Муссолини был самым ранним и именно с него должно начинаться перечисление тоталитарных режимов в Европе. Если же за основу брать «последствия для европейского порядка», как это сказано в программе, то очевидно, что советский режим в СССР не мог оказывать большее влияние на европейские страны, чем нацистская Германия. Более того, про сталинский режим в рамках описания европейского тоталитаризма в методических рекомендациях для учителя написано гораздо больше, чем про национал-социализм в Германии. В рамках общего описания проблематики материал про репрессии в СССР насчитывает 2626 знаков, а про нацистскую Германию – всего 857 знаков [4, р. 9–11]. То есть про репрессии в СССР в 1937–1938 гг. написано в три раза больше, чем про нацистские преступления, хотя именно нацизм осужден на Нюрнбергском процессе при участии Франции как преступление против человечества, именно против Германии Франция воевала во Вторую мировую войну.

Отдельно стоит отметить, что в расширенном описании темы есть прямое упоминание термина «голодомор» в качестве геноцида украинского народа. Дословно написано следующее: «Для Венсана Дюклера, голод на Украине, квалифицированный как «истребление голо-

дом» (голодомор), даже отвечает таким критериям геноцида, как интернациональность, планирование и организация» [4, р. 10]. Венсан Дюклер – известный французский историк, также работающий в качестве генерального инспектора Министерства национального просвещения Франции. Он является специалистом по «делу Дрейфуса» во Франции конца XIX в. В 2019 г. под его авторством вышел номера журнала *Documentation photographique* [5], посвященный проявлениям геноцида в мировой истории. А в 2018 г. под редакцией Дюклера был опубликован министерский рапорт о методике преподавания в школе истории геноцида и массовых преступлений [7]. Вполне естественно, что в обоих документах речь в основном идет о трех событиях в мировой истории, которые обычно связывают с понятием «геноцид»: истребление армян в 1915 г., Холокост и геноцид в Руанде в 1994 г. Однако и в журнале, и в министерском рапорте несколько раз упоминается «голодомор» в СССР, также идет речь о соответствии этого понятия термину «геноцид» по некоторым критериям. Отметим, что в министерском рапорте при этом идут ссылки на мнение известного французского историка-руссиста Николя Верта [7, р. 159, 218].

Голод в СССР в период коллективизации действительно стал одной из самых страшных страниц в российской истории. Его жертвами в 1932–1933 гг. стали от 5 до 7 млн человек, в период своего пика он поразил территорию с населением более 70 млн человек – Украину, Северный Кавказ, Казахстан и часть российских областей [1, стр. 169, 171]. Абсолютизация же внимания на событиях именно на территории Украины является отличительной чертой современной украинской историографии и носит скорее политический, а не научный характер. Также и упоминание «голодомора» во французской школьной программе тоже носит политический характер.

Особенное беспокойство вызывает то, что описание репрессивного характера советского режима начинается во французской школьной программе с тезиса о том, что открытые в 1990-е гг. архивы позволяют провести новые исследования. В действительности же текст основан на работах, вышедших в период холодной войны и не имеющих никакого отношения к новым архивам. Так, авторы методических рекомендаций ссылаются на известного советолога Р. Такера, чьи основные работы были опубликованы в 1960–1980-х гг., или Роберта Конквеста, чья знаменитая книга «Большой террор» вышла в 1968 г. [3]. Интересно, что французские авторы цитируют и известного советского историка-аграрника В. П. Данилова, который после XX съезда КПСС выпустил целый ряд работ, посвященных трагедии советского крестьянства в период коллективизации, но никогда не писал про «голодомор». Главная же проблема французских методических рекомендаций состоит даже не в том, что в них цитируются историки скорее антироссийской направленности, а в том, что абсолютно не представлена другая позиция, то есть учителю навязывают определенную точку зрения, хотя методические рекомендации существуют как раз для того, чтобы познакомить учителей с результатами новых научных исследований и показать весь спектр мнений. Отметим также, что критика сталинского режима в некоторых аспектах вполне адекватна. Так, авторы справедливо отмечают, что репрессивная составляющая сталинского режима имела социальный характер и была направлена против простых людей [4, р. 12].

К сожалению, описание истории Второй мировой войны в программе и в методических рекомендациях также зачастую носит политический, а не научный характер. Как уже упоминалось выше, сама структура школьной программы, где в последнем классе курс истории начинается с 1930-х гг., ставит тоталитарные режимы в Европе в ее центр. Получается, что последующие события в мировой истории вытекали именно из-за соперничества тоталитарных держав. В методических рекомендациях даже есть такая фраза: «Вторая мировая война – главным образом результат амбиций и geopolитических проектов... тоталитарных режимов. Германо-советский пакт августа 1939 г. освободил руки нацистской Германии...» [4, р. 14]. При этом не упоминается Мюнхенское соглашение 1938 г., хотя именно оно, по мнению очень многих не только российских, но и западных историков, стало «прологом трагедии» [2, стр. 19].

Вторая мировая война для Франции не имеет такого большого значения, как, например, для современной России или Израиля. Событиям Первой мировой войны во Франции традиционно уделяется больше внимания. Связано это, прежде всего, с неоднозначными результатами Второй мировой войны: с одной стороны, благодаря действиям генерала де Голля Франция оказалась в числе победителей и стала постоянным членом Совета Безопасности ООН. С другой стороны, в реальных боевых действиях французская армия, в отличие от событий Первой мировой войны, довольно быстро уступила немецким войскам, власти признали

поражение, и страна попала под оккупацию. Таким образом, Вторая мировая война не является частью французского героического прошлого и не может способствовать построению национальной идентичности. Все эти тенденции находят отражение и во французской школьной программе, где события самой кровавой в истории человечества войны сопоставимы по количеству часов с такими темами, как тоталитарные режимы в Европе и финансовый кризис 1929 г. Интересно и то, что среди ключевых событий Второй мировой войны не указана дата капитуляции Германии, но присутствует, например, ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. [6, р. 6].

История Великой Отечественной войны во французской программе занимает еще более скромное место. «Восточный фронт и война на уничтожение» [6, р. 6] – одна из тем школьной программы. В методическом описании она раскрывается через основные аспекты нацистского плана «Барбаросса» по захвату территории СССР без особых подробностей. Основные сражения Великой Отечественной войны (битва за Москву, Сталинградская битва, Курская битва, форсирование Днепра) не упоминаются ни в программе, ни в методических рекомендациях. Применительно к высадке союзников в Нормандии в июне 1944 г. есть информация об операции «Багратион»: «Операция Багратион, названная в честь одного из героев наполеоновских войн, увековеченного в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» и грузина по национальности, прошла одновременно с наступлением союзников в Нормандии. Она продемонстрировала решимость Черчилля, Рузельта и Сталина взять Германию в тиски. Советское наступление нанесло фатальный удар немецким силам на восточном фронте. Наступление остановилось в августе, но лишило Германию возможности сопротивляться» [4, р. 17]. Освобождение советскими войсками стран Восточной и Северной Европы от нацизма нашло свое отражение только лишь в такой фразе: «Жертвы и победа СССР позволили стране и коммунистическому режиму укрепиться за границей и показать силу своей модели...» [4, р. 18]. Также в методических рекомендациях отмечается, что «Великая Отечественная война стала в СССР одним из элементов официальной пропаганды» [4, р. 18]. В списке рекомендованной литературы для более глубокого изучения темы применительно к истории СССР есть только выпуск журнала *L'Histoire* под названием «Преступления, скрываемые коммунизмом» [4, р. 20] и нет ни одной работы по истории Великой Отечественной войны.

В темах, касающихся истории второй половины XX в., СССР также фрагментарно присутствует, в основном в виде одной из двух соперничающих между собой моделей развития. Вполне ожидаемо, что во французской школьной программе отстаивается тезис о поражении СССР в холодной войне, что в качестве следствия привело к распаду страны. В периоде, посвященном мировой истории после 1991 г., Россия уже не упоминается.

В целом новая французская школьная программа по истории для заключительного класса в некоторых своих проявлениях носит политический, а иногда и антироссийский характер. По некоторым важным и чувствительным темам истории XX в. в программе и в методических рекомендациях представлена лишь одна точка зрения, что не соответствует научным принципам. Ярким примером этого является упоминание про «голодомор» как о геноциде украинского населения на территории СССР в период коллективизации. Также в школьной программе получила свое дальнейшее развитие тенденция, характерная, скорее, для западной журналистики и беллетристики по попыткам приравнять коммунистический и нацистский режим друг к другу, несмотря на однозначные решения Нюрнбергского трибунала. Вызывает сожаление и отсутствие упоминания в школьной программе про Сталинградскую и многие другие ключевые битвы Великой Отечественной и Второй мировой войны, хотя это и объясняется в целом более скромным вниманием во Франции к событиям Второй мировой войны, чем во многих других странах.

Между тем, негативный образ России во французской школьной программе не является бесповоротным и окончательным. Сама программа по истории представляет собой очень краткий документ, еще и объединена с географией. Большая часть неприемлемых для российского исторического сообщества тезисов находится не в самой программе, а в методических рекомендациях, которые изменить или дополнить гораздо проще, чем программу. Работа в данном направлении ведется. С 2018 г. существует российско-французская группа историков по модернизации школьных программ по истории, цель которой состоит как раз в выработке совместных методических рекомендаций для учителей средней школы в России и во Франции по разным темам, в том числе и по Второй мировой войне. С французской стороны группу возглавляет один из авторов действующей французской школьной программы,

генеральный инспектор Министерства национального просвещения Франции, руководитель группы по истории и географии Жером Грондё, с российской – один из авторов действующего в России историко-культурного стандарта и сопредседатель двусторонних комиссий историков с рядом европейских стран, академик А. О. Чубарьян. Представляется, что этот проект в случае его успешного завершения может улучшить ситуацию. Также отметим, что с 2019 г. в рамках Совета Европы по инициативе президента Франции Э. Макрона действует Обсерватория по преподаванию истории в Европе, ее цель состоит в совершенствовании и гармонизации преподавания истории в школе в европейских странах. В проекте участвуют 17 стран, в том числе Россия и Франция. Все это в совокупности с взаимным «неравнодушием», которое всегда было присуще российскому и французскому народам, дает надежду на изменение в будущем того образа России, который сегодня сложился во французской школьной программе по истории.

Список литературы

1. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя : биография. М., 2015. 464 с.
2. Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1938 – июнь 1941 года. М., 2021. 431 с.
3. Conquest R. The Great Terror : A Reassessment. Oxford University Press, 1968.
4. Fragilités des démocraties, totalitarismes et Seconde guerre mondiale (13–15 heures) // Ministère de l'Education nationale, de la Jeunesse et des Sports. Voie générale. Terminale. Juin 2021.
5. Les génocides // Documentation photographique. № 8127. Mars 2019.
6. Programme d'histoire-géographie de terminale générale // Le Bulletin officiel de l'Education Nationale. 2019.
7. Rapport de la Mission d'étude en France sur la recherche et l'enseignement des génocides et des crimes de masse. 15 fevrier 2018.
8. Todd E. Qui est Charlie? Sociologie d'une crise religieuse. P. : Seuil, 2015.

Russia in the French history school curriculum

E. A. Osipov

PhD in Historical Sciences, senior researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaosipov@gmail.com

Abstract. In September 2019, French schoolchildren began studying under a new history program. The article analyzes the place and image of Russia in the program of the graduation class dedicated to the history of the XX century.

Chronologically, the program of the graduating class begins in the 1930s. Accordingly, in thematic terms, the history of totalitarian regimes in Europe becomes the foundation of a new school curriculum in France. This approach leads to the fact that high school students, who were taught the history of the two World wars as a single and interdependent process in the previous program, now perceive the rivalry of totalitarian regimes, both among themselves and with democratic states, as the main reason for the outbreak of the Second World War.

The French school curriculum and methodological recommendations for it confirm and further develop the Western trend of attempts to put the Stalinist communist regime and Hitler's Nazism on the same scale, and to make the Soviet-German treaty of 1939 the starting point for the beginning of World War II, while the Munich Agreement of 1938 is not even mentioned in the new program. Moreover, the description of the repressions in 1937–1938. In the USSR, it is described as a central event in the history of totalitarian regimes in Europe in the 1930s, which received much more attention than the crimes of Nazism.

In general, the new French history curriculum is sometimes political in nature. In the methodological recommendations, events from the history of the USSR look tendentious and are interpreted unilaterally, that is, a certain point of view is imposed on the teacher, although methodological recommendations exist just to acquaint teachers with the results of new scientific research and show the whole range of opinions.

The critical view of the teaching of history in a French school is somewhat smoothed out thanks to the efforts that the histories of Russia and France have been making in the last two years. The Observatory for the Teaching of History in Europe operating today within the framework of the Council of Europe, of which Russia and France are a part, as well as the Russian-French group for the modernization of school history programs existing since 2018, give hope for a change in the future of the negative image of Russia that has developed today in the French school history curriculum.

Keywords: France, school curriculum, World War II, the image of Russia, teaching history.

References

1. Hlevnyuk O. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. The life of one leader: biography]. M. 2015. 464 p.
2. Chubaryan A. O. *Kanun tragedii. Stalin I mezhdunarodny krizis. Sentyabr' 1938 – iyun' 1941* [The eve of the tragedy. Stalin and the international crisis. September 1938 – June 1941]. M. 2021. 431 p.
3. Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. Oxford University Press, 1968.
4. Fragilités des démocraties, totalitarismes et Seconde guerre mondiale (13–15 heures) // Ministère de l'Education nationale, de la Jeunesse et des Sports. Voie générale. Terminale. Juin 2021.
5. Les génocides // Documentation photographique. № 8127. Mars 2019.
6. Programme d'histoire-géographie de terminale générale // Le Bulletin officiel de l'Education Nationale. 2019.
7. Rapport de la Mission d'étude en France sur la recherche et l'enseignement des génocides et des crimes de masse. 15 fevrier 2018.
8. Todd E. *Qui est Charlie? Sociologie d'une crise religieuse*. P. : Seuil, 2015.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.051

Концептуализация понятия «коренные народы»: историография, интерпретации

Л. М. Мосолова¹, А. В. Бондарев², А. В. Зыкин³

¹доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0001-5752-3142. E-mail: mosolova@mail.ru

²кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0002-9272-2160. E-mail: avbondarev@mail.ru

³доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;
Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0001-8312-4559. E-mail: zykinalex@mail.ru

Аннотация. В статье представлен опыт анализа понятия «малочисленные коренные народы», анализируется спектр сложившихся в современной науке интерпретаций терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также ставится вопрос о характере и целях использования этих понятий в различных научных дискурсах и социально-политических практиках. Актуальность такой постановки проблемы связана с тем, что от адекватной или неадекватной интерпретации и правового применения этого термина в значительной мере зависит реальное существование малочисленных народов, направление их ментальных ориентаций, степень и способы защищенности этнокультурной самобытности, явные и скрытые возможности использования этих этносов как акторов в тех или иных политических и экономических целях.

Примененные в работе методы позволили показать перманентность миграций народов в разные регионы мира с их последующим укоренением на новой территории и взаимодействием с ранее пришедшими туда народами, выявить целый ряд противоречий в интерпретации вопроса о том, кого следует считать коренными этносами на той или иной территории. Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории, зачастую он связан с мифоконструированием национальных историй. Его использование как инструмента научного познания и навигатора социально-политических или национальных ориентаций не является эвристически перспективным. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтогенный потенциал и может выступить опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны.

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнокультурная самобытность, автохтонность, малочисленные народы, мифоконструирование.

Слова имеют значение, особенно когда они относятся к целым народам и начинают исподволь подавать повод к тем или иным претензиям и склокам. В этно- и социолингвистике, лингвокультурологии, культурно-исторической и этнической психологии многими исследователями уже неоднократно отмечалось, что использование слов как понятий способно определять наше восприятие настоящего, изменять представление о прошлом, задавать ориентиры в будущее. Иначе говоря, слова как понятия или концепты обладают способностью детерминировать само восприятие пространственно-временного континуума, формируя наши представления о самих себе и ментальную картину мира в целом (Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Николай Марр, Эмиль Бенвенист, Райнхарт Козеллек, Квентин Скиннер, Джордж Лакоф, Пьер Бурдье, Алейда Ассман, Юрий Степанов и другие). В этой связи Александр Бикбов

очень верно подчеркивает: «Внимание к понятиям оправданно не только ради ретроспективной регистрации их роли в настоящем и освобождения от груза прошлого. Не менее важна их проективная потенция, то есть способность понятий создавать будущее, доопределяя реальность в форме институтов» [2]. Слова, научные термины, философские категории, различные наименования как бы задают *концептуально-понятую сетку восприятия*, описания, оценивания и осмыслиения всей окружающей нас действительности. Именно эта сетка служит своего рода навигатором нашего сознания, выстраивая ментальные ориентиры, мотивирует, программирует и зачастую выступает «руководством к действию». Ситуация усложняется еще и тем, что любое слово, термин или понятие нагружены, как правило, большим или меньшим спектром значений, имеют некие коннотации, актуализирующиеся в тех или иных социокультурных контекстах. Весь вопрос в том, *кто и в каком направлении* трактует и интерпретирует эти значения, задает их «*идейно-смысловой атTRACTор*», «*понятийно-силовой вектор*», переходя от слов к действиям.

Одним из таких сложных и неоднозначных понятий в современном научном, обыденном, нормативно-правовом и общественно-политическом лексиконе выступает термин «коренные народы» (*indigenous peoples*). Многими специалистами уже неоднократно высказывались различные сомнения по поводу его смысловой адекватности, исторической справедливости и политico-правовой релевантности [1; 3, с. 32–42; 5, с. 147–159; 6, с. 255–259; 8; 9, с. 369–385; 10; 11; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22, с. 303–333; 23; 24; 25; 26; 27, с. 696–710; 28, с. 55–88]. Тем не менее термин «коренные народы» и связанные с ним словосочетания получили самое широкое хождение в международно-правовом лексиконе, документах ООН, средствах массовой информации, как-то незаметно проникли в научную терминологию, хотя серьезные ученые всегда и сопровождали использование этого как бы навязанного им извне термина множеством оговорок и уточнений. Его толкование в значительной мере зависит от исторической архитектоники существования этносов на разных континентах, от их присутствия в различных общественных системах, а также от их социально-культурной типологии и других детерминаций. Между тем от адекватности его понимания или не понимания зависит реальное существование конкретных народов, развитие их культуры жизнеобеспечения и ментальных ориентаций, а также их взаимоотношения с соседями, роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами.

В этой связи представляется важным рассмотреть сам феномен малочисленных коренных народов мира, провести сопоставительный анализ различных интерпретаций терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также проанализировать цели и характер использования этих терминов в современных социальных практиках. В предлагаемой работе представлен опыт анализа эвристического статуса и практико-ориентированной функции терминов «малочисленные» и «коренные» народы как научных категорий и конструирующих социально-политическую реальность концептов. Для достижения поставленной цели попытаемся ответить на следующие вопросы: можно ли считать народы планеты, именуемые «малочисленными и коренными», действительно *коренными* (то есть укорененными на занимаемой ими территории); являются ли термины «малочисленный» и «коренной» научными категориями, адекватно отражающими соответствующую сложную этнокультурную реальность; насколько корректно эти термины используются в современных исследованиях межэтнических отношений, правовых документах, общественном и политическом пространстве. Для изучения обозначенного круга вопросов в работе были применены методы историографического, терминологического, концептографического и компартивного анализа существующих нормативно-правовых источников и специализированной литературы, логико-аналитические процедуры проблематизации и тематизации терминов «малочисленные» и «коренные» народы, а также были задействованы историко-правовой и историко-типологический методы изучения этнокультурных реалий, стоящих за всей этой проблемной терминологией.

Источниковой базу исследования формируют международные договоры, различные документы ООН: резолюции Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Совета по правам человека, значительный массив аналитической документации Рабочей группы и Экспертного механизма по правам коренных народов ООН, а также других организаций международных и иных уровней, связанных с изучаемой проблемой, а также национальные законодательства государств, прежде всего, Российской Федерации.

Проблемы коренных народов особенно активно начали изучаться со второй половины XX в. Обсуждение все более широкого круга вопросов с каждым десятилетием приобретало

все более возраставший общественно-политический характер и международное значение. Рассмотрение самых разных проблем коренных народов получило отражение в политико-правовой, публицистической, художественной литературе, а также философской, научной и научно-просветительской литературе, сформировав особое и весьма обширное направление – *индигенные исследования* (Indigenous Studies, или Indigenous Research)¹. С конца 1970-х гг. стали возникать специализированные периодические издания – журналы, вестники, альманахи, газеты и обзоры по проблемам коренных народов². В различных этнографических, антропологических, политологических, правоведческих и социологических академических журналах индигенная проблематика также зачастую становится предметом специальных публикаций³.

В мире за последние десятилетия уже создан целый ряд организаций и научно-исследовательских центров, занимающихся изучением, продвижением и защитой прав коренных народов: International Work Group for Indigenous Affairs (Международная рабочая группа по делам коренных народов), Center for World Indigenous Studies (Центр мировых исследований коренных народов), First Nations Development Institute (Институт развития корен-

¹ Важное теоретическое и методологическое значение для изучения этнокультурных и социально-политических тенденций, характерных для коренных народов в современных условиях модернизации и глобализации, имеют работы таких ученых, как Гудмундур Альфредссон (Gudmundur Alfredsson), Арджун Аппадурай (Arjun Appadurai), Стивен Джеймс Аная (Stephen James Anaya), Стивен Аллен (Stephen Allen), Найджел Бэнкс (Nigel Banks), Стефан Бергер (Stefan Berger), Эйвинг Равна (Øyvind Ravna), Ричард Боршай Ли (Richard Borshay Lee), Ян Браунли (Ian Brownlie), Джон Р. Боуэн (John R. Bowen), Джеймс Клиффорд (James Clifford), Мануэль Кастьельс (Manuel Castells Oliván), Хоше Рикардо Мартинез-Кобо (José R. Martínez-Cobo), Эрика-Ирен А. Даес (Erica-Irene A. Daes), Меган Дэвис (Megan Davis), Свен Йентофт (Sven Jentoft), Генри Минде (Henry Minde), Рагнар Нильсен (Ragnar Nilsen), Дэвид Грёнфельдт (David Groenfeldt), Хёрст Ханнум (Hurst Hannum), Джордж Хендерсон (George Henderson), Франсин Хирш (Francine Hirsch), Бенгт Г. Карлссон (Bengt G. Karlsson), Бенедикт Кингсбери (Benedict Kingsbury), Арнольд Крупат (Arnold Krupat), Франческа Мерлан (Francesca Merlan), Синтия Прайс Коэн (Cynthia Price Cohen), Ари Коэн (Ari Kohen), Рональд Низен (Ronald Niezen), Луис Родригес Пинеро (Luis Rodriguez Pinero), Эльвира Пулитано (Elvira Pulitano), Эдди Синот (Eddie Synot), Юрий Слэзкин (Yuri Slezkine), Ли Свепстон (Lee Swepston), Крис Теннант (Chris Tennant), Джереми Уолдрон (Jeremy Waldron) и многие другие.

В российской науке теоретико-методологические, исторические, этнокультурные и конкретно-практические проблемы изучения коренных народов нашли отражение в исследованиях целого ряда ученых, представляющих самые разные дисциплинарные области и прикладные сферы деятельности: А. С. Автономов, К. Ю. Андреев, Л. В. Андриченко, М. М. Андрусова, Л. Е. Бандорин, Л. И. Бахтеева, М. В. Белозёрова, И. Блищенко, В. И. Булатов, Л. Н. Васильева, Р. Ш. Гарипов, Д. Р. Гилязева, П. В. Гоголев, А. В. Головнёв, С. Н. Горбунов, Я. А. Голобокова, А. П. Гудыма, Р. И. Донской, А. Б. Досакаев, Е. В. Жукова, В. П. Журавель, М. Ю. Задорин, Т. В. Заметина, Ж. Б. Иванова, Я. С. Иващенко, М. Д. Каракетов, З. И. Калугина, К. Б. Клоков, Н. П. Копцева, В. П. Кривоногов, Б. С. Крылов, Д. А. Кудряшова, М. С. Куропятник, О. Е. Кутафин, В. Г. Логинов, Б. А. Молчанов, М. Б. Напсо, М. Д. Напсо, В. Е. Натуев, И. В. Нечаева, Н. И. Новикова, Н. Н. Пименова, И. В. Понкин, Ю. В. Попков, М. В. Рагулина, В. В. Рубан, Р. Сенчин, С. В. Соболева, З. П. Соколова, С. В. Соколовский, Р. В. Суляндзига, П. В. Суляндзига, Б. А. Схатум, В. С. Тапилина, М. А. Тодышев, В. А. Тураев, Е. А. Тюгашев, Т. Я. Хабриева, С. Н. Харючи, Н. Н. Харючи, С. А. Хрущёв, Е. В. Чиркин и многие другие.

Современная ситуация в законодательстве о коренных малочисленных народах анализируется в публикациях таких российских специалистов, как А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, Л. В. Андриченко, Л. Е. Бандорин, Т. А. Брачун, И. Р. Зиганшин, А. В. Соловьев, А. Н. Пилясов, Р. Ш. Гарипов, М. А. Жуков, Е. В. Жуков, Н. И. Калинин, В. А. Кряжков, Д. А. Кудряшов, Н. В. Минченко, О. Н. Мурашко, А. Е. Постников, П. В. Суляндзига, Д. О. Сиваков, М. Ю. Тихомиров, А. А. Транин, Р. А. Тория, Н. А. Филиппова, С. Н. Харючи, Ю. Я. Якель и другие.

² The Indigenous World, Journal of Indigenous Studies, Journal of Indigenous Research, First Nations Gazette, AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples, Journal of Indigenous Nations Studies, ab-Origin: Journal of Indigenous Studies and First Nations and First Peoples' Cultures, American Indian Culture and Research Journal, American Indian Quarterly, Journal of American Indian Education, Canadian Journal of Native Studies, International Journal of Critical Indigenous Studies, Ayaangwaamizin: The International Journal of Indigenous Philosophies, Aboriginal Policy Studies, International Indigenous Policy Journal, Journal of Aboriginal Health, Tribal College Journal, Journal of Aboriginal Economic Development, Indigenous Law Journal, Native Studies Review, Australian Aboriginal Studies Journal, Australian Indigenous Law Review, Canadian Journal of Native Education, Journal of Educational Research and Indigenous Studies и другие.

³ «Этнографическое обозрение», Current Anthropology, Ethnicities, Journal of Ethnic and Migration Studies, Journal of Anthropological Research, Cultural Studies, International Journal of Cultural Studies, Journal of Ethnic and Cultural Studies, Journal of Gender, Ethnic and Cross-Cultural Studies, Harvard Human Rights Journal, Cultural Survival Quarterly, Human Rights Quarterly, American Journal of International Law и другие.

ных народов), Centre for Indigenous Studies, University of Toronto (Центр исследований коренных народов при Университете в Торонто) и многие другие.

Наиболее авторитетная международная площадка, на которой ведется обсуждение всего объема и спектра проблем коренных народов – Организация Объединенных Наций. В 1982 г. в ее структуре была сформирована Рабочая группа по коренным народам (The Working Group on Indigenous Populations, WGIP), которая являлась главным вспомогательным органом Комиссии ООН по правам человека. Эта группа по значительному спектру вопросов коренных народов обладала мандатом на рассмотрение событий, касающихся поощрения и защиты прав человека и основных свобод коренных народов, а также изучение эволюции международных стандартов, затрагивающих права коренных народов. В 2008 г. эта Рабочая группа была заменена и упразднена Экспертным механизмом по правам коренных народов (Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples). В настоящее время центральным координирующим органом Организации Объединенных Наций по проблемам и правам коренных народов является Постоянный форум ООН по этим вопросам (United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues).

Особый вклад в деятельность ООН по изучению и защите коренных народов мира принадлежит Эрике-Ирен А. Даес (Erica-Irene A. Daes, 1925–2017), профессору, доктору юридических наук (Ph.D.) Афинского университета, видному специалисту по проблемам греческой диаспоры, авторитетного эксперта в области международного права и правам человека. В 1984–2002 гг. Эрика-Ирен А. Даес являлась Председателем и постоянным докладчиком Рабочей группы ООН по коренным народам, уделяя много внимания изучению коренных народов и их этнокультурному наследию. Эрика-Ирен А. Даес сыграла ключевую роль в провозглашении Международного года (1993 г.) и десятилетия (1995–2004 гг.) Поощрения прав коренных народов. За 18 лет работы в качестве эксперта и председателя-докладчика Рабочей группы по коренным народам ООН Эрика-Ирен А. Даес подготовила целый ряд высокопрофессиональных аналитических исследований и многочисленных отчетов, которые весьма способствовали разработке и совершенствованию правовой аргументации в пользу прав коренных народов [12; 13; 14; 15]. И, конечно, совершенно исключительная роль принадлежит Эрике-Ирен А. Даес в разработке проекта Декларации ООН о правах коренных народов. Ее роль в подготовке этого проекта столь велика, что даже и после принятия его на Генеральной Ассамблее ООН этот основополагающий документ часто называют «Декларация от Даес» или просто «Декларация Даес» [20].

«Коренные народы»: от метафоры к термину. Слово indigenous («коренные народы/население») можно найти в юридических документах уже первой половины XVI в., и что особенно важно подчеркнуть: появляется оно **в связи с европейской колониальной экспансией в ходе Великих Географических открытий**. Одним из первых термин indigenous ввел в правовой лексикон Франсиско де Витория (Francisco de Vitoria; ок. 1486–1546)⁴, знаменитый богослов своего времени, последователь Фомы Аквинского, правовед-теоретик, значительно обогнавший свое время, мыслитель и гуманист, политический консультант императора Карла V Габсбурга, один из крупнейших представителей интеллектуального движения XVI–XVII вв., известного под названием «Саламанской школы», или «Второй схоластики» [7, с. 9–13].

⁴ По мере осознания масштаба открывавшихся путешественниками территории и обнаружения там многочисленного туземного населения, в самой Европе стали вспыхивать дискуссии: кому эти земли должны принадлежать и как относиться кaborигенам? Одно из документальных свидетельств такого рода полемики – юридические трактаты Франсиско де Витории De Indis и De Jure belli Hispanorum in barbaros (1532 г.). В этих работах в связи с доктриной Terra Nullius им обсуждается законность притязаний и захвата европейскими державами земель в Новом Свете. Позиция Франсиско де Витории заключалась в том, что европейские державы не имели права присваивать себе земли в Америке, поскольку они уже были населены и находились под контролем индейцев, являющихся там indigenous («коренным народом», то есть местным населением). Впоследствии во время вальядолидских дебатов 1550–1551 гг. об основах колониальной политики по отношению кaborигенам Нового Света эти взгляды де Витории отстаивал и развивал его последователь Бартоломе де лас Касас (Bartolomé de las Casas 1484–1566), прославившийся в веках благодаря самоотверженным протестам против зверств испанских колонизаторов в отношении коренного населения Нового Света, защите интересов угнетенных индейцев и восхищенному изучению их самобытных культур.

Рискнем предположить, что в архивах Папского Престола в Ватикане (Archivum Apostolicum Vaticanum, в том числе и Archivum Secretum Vaticanum) можно также найти немало документов, в которых поднимается тема indigenous.

В русскоязычном политическом, обыденном, научном и правовом лексиконе XVI–XX вв. в отношении внерусского населения Российского государства присутствовали такие понятия, как «инородцы» и «туземцы» – в них не вкладывалось никаких уничижающих коннотаций, что весьма характеризует именно положительное отношение русских к окружающим народам. В царских указах также неоднократно звучал призыв не чинить «инородцам» никаких притеснений. Ныне эти слова считаются устаревшими и употребляются лишь изредка в определенных контекстах и ситуациях как своего рода архаизмы. В настоящее время в тех же целях, для описания тех же этнических реалий используются разные термины, имеющие в своей основе древнегреческое и латинское происхождение: «автохтонность», «аборигенность» и «индейность» (на русском языке все эти термины употребляются преимущественно лишь в узкоспециальной научной литературе). Но что такое автохтонность, аборигенность или индейность? Эти слова хоть и являются в обыденной речи синонимами, однако далеко не во всех случаях и смыслах. В современном международном праве эти термины, к примеру, в англоязычном пространстве, в испанском и французском языках, используются по-разному, с целым спектром значений и нюансами коннотаций (например: indigenous, aboriginal, native people, First peoples, First Nations, Aboriginal peoples, autochthonous peoples). Когда же эти слова превращаются в юридические термины, то возникают различные законодательные нормы, влекущие за собой определенные права и обязанности, преимущества и возможности этих народов.

Чтобы понять, как это происходит, необходим сравнительный терминологический анализ, а также контекстуальная интерпретация и концептуальная проблематизация указанного понятия, объяснение сути различных трактовок его содержания. Это поможет понять, почему обычное слово становится феноменом превращений, требующим особого внимания и рефлексии в определенной исторической ситуации. Проблематизация истории формирования и использования понятий в ряде случаев рассматривается в широком плане как процесс смены картин мира, научных парадигм, которые сопровождают изменение типа культуры, в том числе и его повседневной, привычной сферы. Вместе с тем проблематизация того или иного феномена предполагает прежде всего необходимость такой процедуры, как тематизация. Под *тематизацией* со временем М. Мерло-Понти подразумеваются поиски смысла, определенных значений того или иного термина.

Обратимся к «кустам» первичных значений, смыслов слов «корень», «коренной», поскольку именно они являются той прочной основой, тем базисом, на котором держатся последующие исторические метаморфозы и трансформации этих смыслов, а также содержания определений, если слово лексемы становятся научными понятиями и занимают особое положение в системе знаний и социокультурных практиках. Прилагательное «коренной» в отношении кэтносам стало использоваться в переносном, метафорическом смысле – *исконный, первичный, устойчивый и постоянный*. Речь шла о народах, существование которых на определенной территории «уходит корнями» в древность или средневековье, которые прежде других «пустили корни», укоренились на той или иной территории нашей планеты.

Как выше уже отмечалось, в европейских языках есть эквиваленты термину «коренные народы». Во-первых, это слово «аборигены» (от лат. ab origine – «от начала»), которое обозначает «изначальных», «первых» обитателей (людей, животных, растений) какой-либо территории, континента или страны, находящимся там «от начала начал». Данный термин используется по отношению к исконным жителям Африки, Америки, Австралии, то есть тех областей и территорий, которые были сначала открыты, а позже населены европейцами лишь в Новое время.

Во-вторых, это термин «автохтонные народы» (от др.-греч. αὐτόχθονες: αὐτός – «сам» + χθόνη – «земля»), который обозначает принадлежность по происхождению к данной территории и применяется в отношении к населению, сложившемуся на данной земле. В Античной Греции так называли первопоселенцев некой страны или ее древнейшее население. В этом смысле полным аналогом этого греческого по своему происхождению термина выступает русское слово «туземец» («ту(т)» + «земьца», то есть «происходящий от здешней земли», «тующий», местный). На волне полемики с миграционизмом и инвазионизмом в 20–30-е годы XX в. этот термин широко использовался в рамках теорий автохтонности (в том числе у акад. Н. Я. Марра). Теперь его применение редко выходит за пределы биологического лексикона (например, утконос – автохтон Австралии, а дикий картофель – автохтон Южной Америки).

В-третьих, это термин «индейские народы» (от лат. indigena: префикс indo- – «в» и корень -genus, *gene- – «рожденный от...», «врожденный», «унаследованный»), этот тер-

мин обозначает «уроженцев» некой местности или территории, природных жителей своей страны, унаследовавших свой образ жизни и местообитание от предков.

Таким образом, аборигенность, автохтонность и индигенность не являются в строгом смысле синонимами, хотя их значения отчасти и пересекаются. Этимология термина «индигенность» прямо указывает на факт «урожденности» в своем племени, «врожденности» неких отличий, «унаследованности» своих самобытных качеств; происхождение термина «автохтонность» акцентирует наше внимание на факт *связи с землей*, почвой, на которой возник, сформировался тот или иной народ; а «аборигенность» этимологически увязана на «изначальность», «исконность» обитания на определенной территории [4, с. 320–321].

Международное обсуждение проблем «коренных народов» с конца XIX столетия осуществлялось в основном на европейских языках, главным образом – английском, испанском, французском и немецком. Наименования «коренных народов» во французском языке – *autochtone, peuples autochtones, groupes ethniques autochtones* – имеют греческий корень. Аналогичные немецкоязычные термины – *Ursprung, Gebürtig, Eingeborene, Einheimische, Ureinwohner, Uhrbewohner Völker*. В обоих языках на уровне этимологии предполагается, что обозначаемая этими терминами группа первой прибыла на данную территорию и обжила ее. Английский и испанский языки имеют для этого термина общий латинский корень – *indigenae*, это слово использовалось в Античном Риме для различения тех, кто родился в данном месте, и тех, кто прибыл из других краев (*advenae*, то есть иммигранты). Тем самым, корни всех этих терминов, использующихся в современном международном праве, имеют семантически один общий концептуальный элемент – *temporalnyi prioritet*, то есть первенство заселения той или иной территории во времени [13].

Что же такое «коренной народ» и «индигенность», как их определить? В своем капитальном «Исследовании проблемы дискриминации в отношении коренного населения» (E/CN.4/Sub.2/1986/7 и Add.1-4) Специальный докладчик Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств ООН Х. Р. Мартинез-Кобо предложил весьма осторожную предварительную формулировку определения «коренного населения»: «Коренное население – это коренные общины, народы и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличными от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народов в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами»⁵. В этом определении сочетаются элемент *отличия*, который характеризует как «коренные», так и «племенные» народы в соответствии со статьей 1 Конвенции № 107 МОТ, и элемент колониализма, который в Конвенции № 107 используется для разграничения «коренных» и «племенных» народов. Следует особо подчеркнуть, что Х. Р. Мартинез-Кобо придавал важное значение обеспечению **добровольной самобытности** коренных групп. Этот момент был отчасти учтен при пересмотре Международной организацией труда своей Конвенции № 107.

В современной российской науке – этнографии, этногеографии, истории, демографии, этносоциологии, этнополитологии, фольклористике, этнокультурологии и антропологии – для определения базовых характеристик ряда народов (этносов) Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации стали использоваться (чаще всего в соединении) два понятия – «малочисленные» и «коренные». В российском законодательстве существует особый термин – «коренные малочисленные народы» – и ряд законов, определяющих права этих народов. Понятие «коренные малочисленные народы» отражает именно российскую специфику: данный статус применяется в России только к наиболее социально уязвимой группе народов. Статья 69 Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». Однако являются ли эти оба слова научными понятиями, точно и емко выражая-

⁵ См. E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add.4, издание ООН <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add.4>

ющими общие черты столь разнообразной и вместе с тем специфической группы этносов, которую так обозначают?

Подводя общий и предварительный итог, отметим, что, во-первых, с позиций философии *понятие* – это такой способ или форма мышления, в которой отражаются существенные связи и отношения предметов и явлений. Понятие выполняет функцию выделения, выявления общего, которое достигается посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса. С логической точки зрения понятие – это мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Существенно, что понятие имеет конвенциональную основу. Это то, о чем люди договорились, определяя смысл выражений, терминов. В академической среде особенно важно договариваться о том, как именно понимать технические, социальные и другие термины или как выводить новые. Подчеркнем, что у термина (от лат. *terminus* – граница, предел) значение определяется окончательно и не вызывает сомнений. Термины, понятия конструируются для того, чтобы иметь общий язык для обсуждения проблем бытия и познания. Научная практика (философская, филологическая, культурологическая и другие) неоднократно показывали, что не всегда можно договориться о понятиях. Во-вторых, выражение «малочисленные народы», или миноритарные этносы (от лат. *minor* – меньший), в этом смысле может рассматриваться в качестве вполне определенного понятия. Оно предельно точно обозначает тех, кого среди миллиардных, многомиллионных, многотысячных и других разнообразных народов (численность которых колеблется от 100 тысяч до 200 человек) следует считать «малочисленными». В законодательных актах и других правовых документах Российской Федерации есть определения понятия – число менее 50 тысяч человек. В настоящее время на территории России их количество составляет 45 (совокупно 280 тыс. чел.), проживающих во всех макрорегионах России (Дальнем Востоке, Сибири, Алтае, Северном Кавказе, Приуралье, Поволжье, Центральной России и Северо-Западе). В-третьих, зададим вопрос: относится ли статус «коренного народа» лишь только к этносам, пребывающим на своей «исторической земле» и сохраняющим свою самобытную культуру, традиционный образ жизни и систему хозяйствования? Если да, то тогда на какой момент времени и в какой степени «auténtичности» следует оценивать «самобытность» культуры, «традиционность» образа жизни и системы хозяйствования, ведь культура любого народа меняется – и вовсе не только из-за внешних влияний, связанных с колонизацией, научно-техническим прогрессом и так далее. В-четвертых, укажем, что культура тех народов, которых именуют «коренными», в каждом случае интересна и оригинальна. Их образ жизни, нравы и обычаи, систему жизнеобеспечения можно назвать традиционными, своеобразными, самобытными, но отнюдь не примитивными. Оговорить последнее необходимо, поскольку еще нередко бывает мнение о существовании народов, «одаренных» способностью воспринимать цивилизацию и лишенных этой способности, более культурных и менее культурных, высокоорганизованных и примитивных. Подобная сортировка народов не просто абсурдна, но и безнравственна, ибо за «примитивностью» той или иной культуры скрывается либо обывательская невежественность, либо этноцентрический снобизм.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ : монография. М. : Изд-во РУДН, 1997. 224 с.
2. Бикбов А. Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. Изд. 2-е. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 429 с.
3. Горбунов С. Н. К вопросу об определении понятия «коренной народ» в международном праве // Право и общество : сб. научных трудов. Архангельск : Изд-во Арханг. гос. техн. ун-та, 2009. С. 33–42.
4. Соколовский С. В. Аборигенность и права на территорию: антропологические и биогеографические параллели // Ab Imperio. 2010 (3). С. 320–321.
5. Соколовский С. В. Что значит быть коренным? Международные подходы и правовой статус «коренных народов» // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М. : Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010. С. 147–159.
6. Alfredsson Gudmundur International Discussion of the Concerns of Indigenous Peoples: The United Nations and the Rights of Indigenous Peoples // Current Anthropology. Apr 1989. Vol. 30. № 2. Pp. 255–259.
7. Anaya James S. Indigenous People in International Law. Oxford : Oxford University Press, 2000. 267 p.

8. *Anaya James S.* Indigenous People in International Law. Second Edition. Oxford : Oxford University Press, 2004. 396 p.
9. *Barsh R.* Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80. Pp. 369–385.
10. *Bradford W. Morse* The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law. Ottawa : University of Ottawa, 2002. 294 p.
11. *Clifford J.* Returns. Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge : Harvard University Press, 2013.
12. *Daes Erica-Irene A.* Indigenous peoples and their relationship to land. Final working paper prepared by the Special Rapporteur, Mrs. Erica-Irene A. Daes // Prevention of discrimination and protection of indigenous peoples and minorities. 11 June 2001. New York; Geneva : UN, 2001. 77 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/445803?ln=ru> (дата обращения: 27.09.2021).
13. *Daes Erica-Irene A.* On the concept of indigenous people // Working Paper by the Chairperson-Rapporteur. 10 June 1996 / United Nations. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. 1996. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/236429> (дата обращения: 27.09.2021).
14. *Daes Erica-Irene A.* Protection of the heritage of indigenous people / Daes Erica-Irene, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; Chairperson of the Working Group on Indigenous Populations, 21 June 1995 // Human rights study series. New York; Geneva : UN, 1997. № 10. 30 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/248430> (дата обращения: 27.09.2021).
15. *Daes Erica-Irene A.* The United Nations and indigenous people from 1969 to 1994 // Becoming Visible – Indigenous Politics and Self-Government. Proceedings of the Conference on Indigenous Politics and Self-Government 8–10 November 1993. The University of Tromse-Sami Dutkamiid Guovddas, Centre for Sami Studies, Tromse. Norway, 1995. Pp. 51–55.
16. *Hannum Hurst Minorities, Indigenous Peoples and Self-Determination / Human Rights: An agenda for the next century*. Ed. By L. Henkin and J. Lawrence Hargrow. ASIL, Washington, 1994. 524 p.
17. Indigenous and Tribal Peoples' Rights Over Their Ancestral Lands and Natural Recourses: Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System. Published by Inter-American Commission on Human Rights, 2010. URL: <http://cidh.org/countryrep/Indigenous-Lands09/Chap.I-II.htm> (дата обращения: 27.09.2021).
18. Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights / ed. by Sven Jentoft, Henry Minde & Ragnar Nilsen. Delft, The Netherlands : Eburon Academic Publishers, 2003. 315 p.
19. Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity / ed. by H. Minde. Eburon Academic Publishers, 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/275158017_Indigenous_Peoples_Self-determination_Knowledge_Indigeneity (дата обращения: 27.09.2021).
20. Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes / eds. Gudmundur Alfredsson & Maria Stavropoulou. The Hague, London, New York : Kluwer Law International; Brill, 2002. 418 p.
21. *Merlan Francesca* Indigeneity: Global and local // Current Anthropology. Jun 2009. Vol. 50. № 3. Pp. 303–333.
22. *Niezen Ronald* A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford : Blackwell Publishing, 2004. 225 p.
23. *Niezen Ronald* The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity. Berkeley, CA, 2003. 272 p.
24. *Oguamanam Chidi* International Law and Indigenous Knowledge. Toronto : University of Toronto Press, 2006. 376 p. URL: <https://doi.org/10.3138/9781442676244> (дата обращения: 27.09.2021).
25. *Pinero Luis Rodriguez* Indigenous peoples, Postcolonialism, and International Law, Oxford University Press, 2005. 432 p.
26. Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples / eds. Duncan Iveson, Paul Patton and Will Sanders. Cambridge, 2000. 323 p.
27. *Swepton Lee* A New Step in the International Law on Indigenous and Tribal Peoples: ILO Convention No. 169 of 1989 // Oklahoma City University Law Review. Fall 1990. Vol. 15. No. 3. Pp. 696–710.
28. *Waldron Jeremy*. Indigeneity? First Peoples and Last Occupancy // New Zealand Journal of Public Law. 2003. Vol. 1. No. 1. Pp. 55–88.

Conceptualization of the concept of "indigenous peoples": historiography, interpretations

L. M. Mosolova¹, A. V. Bondarev², A. V. Zykina³

¹Doctor of Art History, professor, professor of the Department of Theory and History of Culture,
Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0001-5752-3142. E-mail: mosolova@mail.ru

²PhD in Cultural Studies, associate professor of the Department of Theory and History of Culture,
Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0002-9272-2160. E-mail: avbondarev@mail.ru

³Doctor of Cultural Studies, associate professor, Head of the Department of Foreign Languages and Speech Culture, St. Petersburg State Agrarian University; St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0001-8312-4559. E-mail: zykinalex@mail.ru

Abstract. The article presents the experience of analyzing the concept of "*small indigenous peoples*", analyzes the spectrum of interpretations of the terms "small" and "indigenous" people that have developed in modern science, and also raises the question of the nature and purposes of using these concepts in various scientific discourses and socio-political practices. The relevance of such a statement of the problem is due to the fact that the actual existence of small-numbered peoples, the direction of their mental orientations, the degree and methods of protection of ethno-cultural identity, explicit and hidden possibilities of using these ethnic groups as actors for various political and economic purposes largely depend on the adequate or inadequate interpretation and legal application of this term.

The methods used in the work made it possible to show the permanence of migrations of peoples to different regions of the world with their subsequent *rooting* in a new territory and interaction with the peoples who came there earlier, to reveal a number of contradictions in the interpretation of the question of who should be considered indigenous ethnic groups in a particular territory. A critical analysis of the use of the term "indigenous peoples" in modern sciences and legal documents has led to the conclusion that it does not meet the criteria of a scientific concept or category, it is often associated with the *mythoconstruction* of national histories. Its use as a tool of scientific knowledge and a navigator of socio-political or national orientations is not heuristically promising. In the context of the regulation of interethnic relations, the term "indigenous peoples" is fraught with conflict potential and can act as a dangerous weapon in the arsenal of radical forces and those to whom their actions are politically beneficial.

Keywords: interethnic relations, ethno-cultural identity, autochthonous, small peoples, mythoconstruction.

References

1. Abashidze A. H., Ananidze F. R. *Pravovoj status men'shinstv i korennyh narodov: mezhdunarodno-pravovoj analiz : monografiya* [The legal status of minorities and indigenous peoples: international legal analysis : monograph]. M. Publishing House of Russian University of Peoples' Friendship. 1997. 224 p.
2. Bikbov A. T. *Grammatika poryadka: istoricheskaya sociologiya ponyatij, kotorye menyayut nashu real'nost'*. 2-e izd. [Grammar of order: historical sociology of concepts that change our reality. 2nd publ.] M. Publishing House of the Higher School of Economics. 2016. 429 p.
3. Gorbunov S. N. *K voprosu ob opredelenii ponyatiya "korennoj narod"* v mezhdunarodnom prave [On the question of the definition of the concept of "indigenous people" in international law] // *Pravo i obshchestvo : sb. nauchnyh trudov* – Law and society : collection of scientific papers. Arkhangelsk. Publishing House of Arkhangelsk State Technical University. 2009. Pp. 33–42.
4. Sokolovskij S. V. *Aborigennost' i prava na territoriyu: antropologicheskie i biogeograficheskie parallel* [Aboriginality and rights to territory: anthropological and biogeographic parallels] // *AbImperio* – AbImperio. 2010 (3). Pp. 320–321.
5. Sokolovskij S. V. *Chto znachit byt' korennym? Mezhdunarodnye podhody i pravovoj status "korennyh narodov"* [What does it mean to be indigenous? International approaches and the legal status of "indigenous peoples"] // *Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2009 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* – Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states in 2009. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts / ed. by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov. M. Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology n. a. N. N. Miklukho-Maklay of RAS. 2010. Pp. 147–159.
6. Alfredsson Gudmundur International Discussion of the Concerns of Indigenous Peoples: The United Nations and the Rights of Indigenous Peoples // Current Anthropology. Apr 1989. Vol. 30. No. 2. Pp. 255–259.
7. Anaya James S. Indigenous People in International Law. Oxford : Oxford University Press, 2000. 267 p.
8. Anaya James S. Indigenous People in International Law. Second Edition. Oxford : Oxford University Press, 2004. 396 p.

9. *Barsh R.* Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // *American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. Pp. 369–385.
10. *Bradford W. Morsne* The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law. Ottawa : University of Ottawa, 2002. 294 p.
11. *Clifford J.* Returns. Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge : Harvard University Press, 2013.
12. *Daes Erica-Irene A.* Indigenous peoples and their relationship to land. Final working paper prepared by the Special Rapporteur, Mrs. Erica-Irene A. Daes // Prevention of discrimination and protection of indigenous peoples and minorities. 11 June 2001. New York; Geneva : UN, 2001. 77 p. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/445803?ln=ru> (date accessed: 27.09.2021).
13. *Daes Erica-Irene A.* On the concept of indigenous people // Working Paper by the Chairperson-Rapporteur. 10 June 1996. / United Nations. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. 1996. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/236429> (date accessed: 27.09.2021).
14. *Daes Erica-Irene A.* Protection of the heritage of indigenous people / Daes Erica-Irene, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; Chairperson of the Working Group on Indigenous Populations, 21 June 1995 // Human rights study series. New York; Geneva : UN, 1997. № 10. 30 p. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/248430> (date accessed: 27.09.2021).
15. *Daes Erica-Irene A.* The United Nations and indigenous people from 1969 to 1994 // *Becoming Visible – Indigenous Politics and Self-Government*. Proceedings of the Conference on Indigenous Politics and Self-Government 8–10 November 1993. The University of Tromse-Sami Dutkamiid Guovddas, Centre for Sami Studies, Tromse. Norway, 1995. Pp. 51–55.
16. *Hannum Hurst* Minorities, Indigenous Peoples and Self-Determination / Human Rights: An agenda for the next century. Ed. By L. Henkin and J. Lawrence Hargrow. ASIL, Washington, 1994. 524 p.
17. Indigenous and Tribal Peoples' Rights Over Their Ancestral Lands and Natural Recourses: Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System. Published by Inter-American Commission on Human Rights, 2010. Available at: <http://cidh.org/countryrep/Indigenous-Lands09/Chap.I-II.htm> (date accessed: 27.09.2021).
18. Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights / ed. by Sven Jentoft, Henry Minde & Ragnar Nilsen. Delft, The Netherlands : Eburon Academic Publishers, 2003. 315 p.
19. Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity / ed. by H. Minde. Eburon Academic Publishers, 2007. Available at: https://www.researchgate.net/publication/275158017_Indigenous_Peoples_Self-determination_Knowledge_Indigeneity (date accessed: 27.09.2021).
20. Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes / ed. GudmundurAlfredsson& Maria Stavropoulou. The Hague, London, New York : Kluwer Law International; Brill, 2002. 418 p.
21. *Merlan Francesca* Indigeneity: Global and local // *Current Anthropology*. Jun 2009. Vol. 50. No. 3. Pp. 303–333.
22. *Niezen Ronald* A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford : Blackwell Publishing, 2004. 225 p.
23. *Niezen Ronald*The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity. Berkeley, CA, 2003. 272 p.
24. *Oguamanam Chidi* International Law and Indigenous Knowledge. Toronto : University of Toronto Press, 2006. 376 p. Available at: <https://doi.org/10.3138/9781442676244> (date accessed: 27.09.2021).
25. *Pinero Luis Rodriguez* Indigenous peoples, Postcolonialism, and International Law, Oxford University Press, 2005. 432 p.
26. Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples / ed. Duncan Iveson, Paul Patton and Will Sanders. Cambridge, 2000. 323 p.
27. *Swepton Lee* A New Step in the International Law on Indigenous and Tribal Peoples: ILO Convention No. 169 of 1989 // *Oklahoma City University Law Review*. Fall 1990. Vol. 15. No. 3. Pp. 696–710.
28. *Waldron Jeremy*. Indigeneity? First Peoples and Last Occupancy // *New Zealand Journal of Public Law*. 2003. Vol. 1. No. 1. Pp. 55–88.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 950(55)"1941/1945"

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.052

«Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. Часть II

В. В. Марковчин

кандидат исторических наук, доцент, профессор, Юго-Западный государственный университет.
Россия, г. Москва. E-mail: markovchin@yandex.ru

Аннотация. Настоящая документальная публикация содержит новые факты о сложном периоде в советско-иранских и британо-иранских отношениях, который начался после выполнения в августе 1941 г. советско-британской союзнической операции «Согласие». Публикация вводит в оборот новые источники, раскрывающие обстоятельства, в которых приходилось действовать британским и советским спецслужбам в Иране. Показано, что разведка союзников вела повседневную борьбу с немецкими спецслужбами, пытавшимися дестабилизировать обстановку в стране, организовывать саботаж и диверсии на линиях транспортных коммуникаций, по которым осуществлялась доставка военных грузов в СССР по ленд-лизу. Представленные документы, относящиеся к деятельности двух наркоматов – иностранных и внутренних дел, посвящены немецкой «пятой колонне» в Иране, созданной спецслужбами Третьего рейха еще в предвоенные годы. До недавнего времени они были помечены грифом «Совершенно секретно» и вводятся в научный оборот впервые. Публикуемые материалы показывают, что спецслужбы союзников по антигитлеровской коалиции в борьбе с подрывной деятельностью враждебных организаций часто двигались параллельными курсами, как правило, действуя в своих зонах оккупации. Они свободно перемещались по всей территории Ирана, но для выполнения поставленных руководством задач практически никогда не привлекали представителей иранских спецслужб.

Ключевые слова: борьба спецслужб в Иране, операция «Согласие», прогерманские движения в Иране, спецслужбы СССР в Иране, спецслужбы Великобритании в Иране, НКВД СССР, Главное управление государственной безопасности.

Борьба спецслужб союзников по антигитлеровской коалиции с созданной германской разведкой агентурной сетью на территории третьих государств является одной из недостаточно изученных тем Второй мировой войны [7; 8; 10]. В предлагаемой вниманию историков подборке представлены документы, содержащие новые факты о сложном периоде в советско-иранских и британо-иранских отношениях, который начался после осуществления в августе 1941 г. советско-британской союзнической операции «Согласие» [11; 12]. Публикация вводит в оборот ранее неизвестные источники, проливающие свет на обстоятельства, в которых приходилось действовать британским и советским спецслужбам в Иране. Показано, что разведывательные органы союзников вели повседневную борьбу с немецкими спецслужбами, пытавшимися дестабилизировать обстановку в стране, организовывать саботаж и диверсии на линиях коммуникаций¹, используемых в интересах СССР, главным образом для транспортировки военных грузов по программе ленд-лиза [5]. Немецкой агентуре порой удавалось вербовать в свои ряды сторонников из местного населения, сплачивать их в подрывные организации.

Документы, относящиеся к деятельности двух наркоматов – иностранных и внутренних дел – посвящены немецкой «пятой колонне» в Иране, созданной немецкими спецслужбами еще в довоенные годы. Совсем недавно значительная часть этих документов была рассекречена и стала доступна историкам. Настоящей публикацией они впервые вводятся в научный оборот. Публикуемые материалы показывают, что спецслужбы союзников по антигитлеровской коалиции в борьбе с подрывной деятельностью враждебных организаций часто двига-

© Марковчин В. В., 2021

¹ Немецкие спецслужбы активно отслеживали железные и автомобильные дороги, крупные порты Ирана и другую инфраструктуру, которая использовалась для переброски военных грузов.

лись параллельными курсами, как правило, действуя в оговоренных зонах оккупации. Были случаи, когда они обменивались информацией, поднимая координацию действий и союзническое взаимодействие на высокий уровень [6]. Советские и британские разведчики, как свидетельствуют документы, довольно свободно перемещались по всей территории Ирана, но для выполнения поставленных руководством своих государств задач они не пытались привлекать представителей иранских спецслужб, а в отдельных случаях совместным фронтом действовали против них.

Британские союзники, как и аналитики из советских спецслужб, собрали значительное количество документов о двух основных пронемецких организациях Ирана – «ХизбиКабуд»² («Голубая партия» [9]) и «Меллион-е-Иран» («Иранские националисты»), которые свидетельствуют о том, что предметом особого внимания немцев на протяжении первых лет войны были стратегически важные центры нефтедобычи, а также приграничные с Индией районы. Что касается НКВД СССР, то приоритетное значение там отводили стратегически важным территориям Северного Ирана, с которых (в интересах Германского рейха) в недалеком прошлом велась подрывная деятельность против Советского Союза.

Повышенную активность советская и британская разведки в Иране проявляли в канун Тегеранской конференции лидеров антигитлеровской коалиции. Какие-либо силовые структуры Ирана для задач обеспечения безопасности Большой тройки также не привлекались – это видно из содержания документов.

Союзники очень аккуратно подходили к вопросам возможных репрессий против иранского населения, стремясь как можно деликатнее реализовывать имеющуюся в их распоряжении информацию, с учетом особенностей текущего момента и сложившейся политической конъюнктуры.

В конечном итоге такие мероприятия, несмотря на их ощутимый общественный резонанс, были осуществлены, но без каких-либо излишеств, в соответствии с имеющимися на то время нормами международного права. Это позволило не только избежать роста ненужных осложнений с Ираном, но и привлечь его (в конечном итоге) к участию в антигитлеровской коалиции. Что же касается немецких спецслужб в Иране, то им был нанесен ощутимый урон, от которого в этом регионе они до конца Второй мировой войны так и не оправились.

17 ноября 1942 г.³
№ 320/свм экз. 1

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
тov. БЕРИЯ⁴

Английский посланник Буллерд⁵ познакомил нашего посла г. Смирнова⁶ с некоторыми материалами судебного следствия над иранцами, арестованными по обвинению в заговоре против союзников. Из этих материалов видно, что иранские заговорщики были тесно связаны с немцами и ставили своей целью поднять восстание во всем Иране и, прежде всего, в северных районах. Начало восстания намечалось на 27 июля. Предполагалось, что к этому времени немцы займут Сталинград и выйдут на побережье Каспийского моря. Буллерд показал т. Смирнову фотокопии карт, изъятых у заговорщиков, с обозначением дислокации советских, английских и иранских вооруженных сил и их численности. По картам видно, что расположение и численность войск заговорщикам были хорошо известны. В материалах есть указания на то, что советские гарнизоны на побережье Каспия незначительны, и поэтому ликвидация их не представляет больших трудностей, за исключением пунктов Горгана и Бендершаха⁷, где

² Существует целый ряд вариантов этого названия – «ГизбиКабуд», «ХизбиКабут» и так далее.

³ На бланке НКИД СССР. Лишняя атрибутика документов также удалена.

⁴ Резолюции на документе: «тov. Меркулову. Тов. Фитину. Переговорите с Мерк. Л. Берия», «Фитину. Дайте мне справку с нашими материалами. Меркулов. 18.11.», «т. Отрощенко. Исполните. Фитин. 19.11.», «т. Кузьмин. Срочно составьте справку. Отрощенко. 20.11.». Другие резолюции не читаются.

⁵ Правильно – Баллард Ридер (1885–1976), британский дипломат. С 1942 г. посланник, в 1943–1946 гг. – посол Великобритании в Иране.

⁶ Смирнов Андрей Андреевич (1905–1982), советский дипломат. В 1941–1943 гг. – Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Иране.

⁷ Горган, Бендершах – города на севере Ирана.

гарнизоны более многочисленны, и к тому же они могут быстро получить поддержку из Средней Азии. Заговорщиками были намечены посадочные площадки для воздушных десантов в Мазендеране⁸ и Гиляне, а также места для парашютных десантов. Из документов видно, что Мазендерану отводилась особая роль в высадке германских воздушных десантов. Пунктами активных действий против наших гарнизонов должны стать: Демавенд, Фирузкух, Семнан, Амоль, Сари, Шахи, Чалус и другие. Наши коммуникации должны быть перерезаны, а важнейшие тоннели и мосты взорваны. По каждому району было определено потребное количество винтовок и патронов, необходимых для выступления против наших войск. Оружие должно быть роздано племенам по указанию местных руководителей.

С такой же точностью был разработан план действий заговорщиков в английской зоне. В районе Фарса англичане случайно обнаружили секретный аэродром со всем оборудованием.

Видную роль в заговоре играл генерал Купал⁹, бывший до февраля месяца с. г. губернатором Резайе. К заговору причастен генерал Пурзанд, недавно назначенный начальником гарнизона в Тавриз, затем начальник генштаба Эздан Панах, генерал Захеди, депутат меджлиса Ноубахт и другие. В настоящее время перечисленные лица находятся на свободе. Арест этих лиц Буллерд предлагает произвести несколько позднее.

Тов. Смирнов попросил Буллера представить следственные материалы, особенно касающиеся организации заговора в зоне расположения частей Красной Армии, с тем, чтобы принять необходимые меры предосторожности и, если окажется возможным, то и дополнить их нашими сведениями о деятельности враждебных элементов северных районов Ирана. Буллерд обещал эти материалы предоставить.

Сообщая о вышеизложенном, тов. Смирнов говорит, что, поскольку по линии наших военных и спецработников имеется большое количество материалов о деятельности враждебных элементов в северных районах Ирана, не следует ли нам произвести известную чистку и изъятие наиболее опасных из этих элементов.

Просьба сообщить Ваше решение по существу затронутого вопроса.

Заместитель народного комиссара Иностранных дел Союза ССР

В. Деканозов [1].

Ответное письмо не заставило себя долго ждать (№ 52/20764 от 06.12.42 г.).

НКИД СССР
тov. Деканозову
на № 320/свм от 17.11.1942 г.

По существу информации английского посланника Буллерд[а], которую он сделал тов. Смирнову, нам известно следующее.

В Иране действительно существует широко разветвленная подпольная пятисоюзническая¹⁰ профашистская организация под названием «Гизби Кабут» («Голубая партия»). Целью этой организации, как указывают имеющиеся у нас данные, является объединение профашистских элементов в Иране и организация вооруженного выступления против частей Красной Армии и английских войск в Иране в момент приближения немецкой армии к иранской границе.

Главным руководителем и организатором «Голубой партии» является депутат меджлиса Новбахт, известный своими профашистскими настроениями. В момент обсуждения в меджлисе союзного договора он и некоторые другие депутаты меджлиса резко выступали против подписания этого договора, а при голосовании опускали в урну голубые бюллетени (означавшие подачу голосов против подписания договора). Отсюда эта группа депутатов и объединенные ею элементы приняли название «Голубой партии». Пользуясь депутатским правом, Новбахт и сейчас продолжает использовать трибуну меджлиса для активных выступлений против союзников.

В состав руководящего центра «Голубой партии» помимо Новбахта входят: его сын – бывший офицер иранской армии – Данеш Новбахт, генерал Пурзанд, полковник Дехеми, депутаты меджлиса Афшар и Тегранчи, журналист Астахр.

⁸ В документе здесь и далее – Мазандаран.

⁹ Фамилии приводятся в соответствии с текстом документа.

¹⁰ Вероятно, имелись в виду основные сферы деятельности членов организации: политики, офицеры, представители духовенства, бизнесмены, служащие (инженеры и тому подобное).

В Керманшахе в составе 1-й и 2-й иранских дивизий филиал «Голубой партии» возглавляет армейский капитан Голь-Махмеди, в Резайе – начальник гарнизона полковник Махина.

Практически «Голубая партия» и ее филиалы, как говорят наши данные, проводит антисоюзническую пропаганду, создает боевые группы, вооружает своих членов, а также собирает сведения о воинских частях союзников в Иране и перевозках военных грузов для СССР.

По заданию Новбахта подготавливается установка нелегальной радиостанции, заготавливаются взрывчатые вещества, непортящиеся продукты.

По его же заданию берутся на учет лица, связанные с советским и английским посольствами; учитываются богатые евреи и армяне, имущество которых после прихода к власти заговорщиков должно быть конфисковано.

Мы также располагаем данными, которые свидетельствуют, что в момент продвижения немецкой армии к Кавказу в северных районах Ирана активизировались профашистские элементы из числа купцов, ханов и офицеров.

Этими элементами создаются нелегальные вооруженные отряды, предназначенные для выступления против частей Красной Армии, которые приурочивались к моменту приближения немецких войск к иранской границе.

Сообщение Буллера о том, что по этому вопросу они располагают материалами судебного следствия, неверно, так как упоминаемые им Новбахт, генералы Купал, Пурзанд, Захеди и начальник генштаба Яздан Панах не арестованы, и суда по их делу не было.

Поэтому информация Буллера может быть основана только на данных предварительного следствия.

Уже после получения Вашего письма к нам поступили сведения о том, что некоторое время тому назад командующий 9-й английской армией, дислоцированной в Иране, генерал Вильсон¹¹ просил согласия английского правительства на проведение репрессий в отношении ряда политических и военных деятелей Ирана, которые ведут антисоюзническую работу. Английское правительство согласилось с предложением Вильсона и предложило проинформировать об этом советское правительство с тем, чтобы последнее также приняло соответствующие меры в северных районах Ирана.

Однако впоследствии Вильсон изменил свое мнение и сообщил в Лондон, что от репрессий следует пока воздержаться.

Со своей стороны мы также полагаем, что проводить сейчас аресты политических и военных деятелей Ирана было бы преждевременно.

Желательно, чтобы посол СССР в Иране тов. Смирнов добился бы получения от англичан более полных материалов, которыми они располагают в отношении заговора в северных районах Ирана с тем, чтобы после изучения этих материалов и сопоставления их с нашими данными можно было бы совместно с английскими представителями наметить меры по очистке как южных, так и северных районов Ирана от профашистских элементов.

О Вашем решении просим нас известить.

Заместитель народного комиссариата внутренних дел СССР

(Меркулов) [2].

Следующий материал возник только через год и он касался организации «Меллион-е-Иран». Как видно из его содержания, в большинстве своем членами этой организации были те же самые люди, что и в случае с «Голубой партией».

Сов. секретно

С П Р А В К А

В середине 1941 г. агентурными мероприятиями 1 Управления¹² в Иране, в контакте с англичанами, была выявлена разветвленная фашистская организация под названием «Меллион-Иран», созданная германскими разведчиками в Иране Майером¹³, Гамотта¹⁴ и Шульце.

¹¹ Имеется в виду Генри Мейтленд Уилсон (1881–1964), известный также как Джамбо Уилсон. Активный участник событий в Иране, в будущем британский маршал.

¹² Имеется в виду 1-е управление НКГБ СССР (разведка).

¹³ Майер Франц (Рихард Август) – кадровый немецкий разведчик, штурмбанфюрер СС, резидент в Иране. Прибыл в Иран в ноябре 1940 г. вместе с Р. Гамотой. Был арестован в 1943 г.; дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁴ Гамота Роман (1917–1952) – кадровый немецкий разведчик, «немецкий Лоуренс Аравийский», гауптштурмфюрер СС. С 1940 г. находился в Иране, где с легальных позиций вел оперативно-розыскную деятельность против СССР и Великобритании. Дважды использовался как офицер связи в ходе британо-иракского вооруженного конфликта. Арестован в 1945 г. в Вене; расстрелян 9 мая 1952 г. в Москве.

Организация ставила перед собой задачу подготовки восстания для изгнания войск союзников из Ирана и проведения террористических актов. Кроме того, организация проводила по заданиям германской разведки шпионскую и диверсионную работу.

В августе 1942 г. на основании наших и английских материалов было сделано представление иранскому правительству об аресте 167 активистов «Меллион-Ирана», из которых 42 человека по нашим материалам. К настоящему времени всего арестовано 140 человек. Ряд руководителей организации скрылся от ареста, в частности, Новбахт Хабибулла и сын его Дашенш, шейх Абдул Меджид, Навиди Саархиз и другие – всего до 15 человек. Не арестовано также большое число рядовых членов организации, не имевших непосредственную связь с немцами. В связи с арестом актива эта масса членов организации потеряла связь с организацией и сейчас активность не проявляет.

Во время конференции руководителей трех держав в Тегеране иранское правительство никаких мер по охране безопасности не предпринимало, поскольку в них не было надобности.

Из числа арестованных членов организации «Меллион-Иран» подлежит переводу в Реште¹⁵ для произведения следствия силами наших работников с участием представителей иранской юстиции – 32 человека. Остальные 108 человек будут содержаться в Араке¹⁶, где следствие будет проведено англичанами с участием также представителей иранской юстиции.

Выделенные нами для следствия в Реште оперативные работники: Кузьмин – подполковник госбезопасности, Свинцов – майор госбезопасности, Соснин – майор госбезопасности, Джураев – капитан, Шарафутдинов – майор госбезопасности и Заидов – капитан, в настоящее время находятся в Реште.

Начальник 5 отдела 1 Упр. НКГБ СССР Полковник государств. безопасности

(Отрошенко¹⁷).

«26» декабря 1943 г. [3].

Усилиями союзников постепенно были арестованы и заключены под стражу практически все основные фигуранты оперативных разработок. Несомненно, что отдельную роль здесь сыграли также списки, обнаруженные в личных вещах резидента Майера, которому удалось на некоторое время избежать ареста. Доподлинно неизвестно, сколько иранцев на самом деле не являлись немецкими агентами, но представляли для них несомненный интерес.

После ареста лидер прогерманских сил в Иране Х. Новбахт был многократно допрошен и британскими, и советскими следователями. В публикуемом ниже протоколе допроса мы не найдем даже намеков на какое-либо раскаяние; наоборот, Новбахт пытается выставить себя невинной жертвой. Но это не помогло ему совершенно, учитывая объем материалов, имеющихся к этому времени в распоряжении союзников, полностью дискредитирующих политика.

Протокол допроса арестованного Новбахта Хабабуллы¹⁸ от 6 октября 1944 г.

Вопрос: По чьей инициативе была организована партия «ХизбеКабуд»?

Ответ: Партию «ХизбеКабуд» организовал я – Новбахт.

Вопрос: Изложите программу и цели партии «ХизбеКабуд»?

Ответ: Партия «ХизбеКабуд» программы не имела, ибо вплоть до моего выезда к кашкайцам¹⁹ находилась в организационном периоде. Основные цели «ХизбеКабуд», на базе которых происходила организация партии, сводились к воспитанию широких масс иранской молодежи в патриотическом духе, укреплению ее морального состояния и сохранению полной независимости Ирана.

Вопрос: Назовите состав инициативной группы по организации партии «ХизбеКабуд»?

Ответ: Организатором и руководителем партии был только я. Повторяю, что партия находилась в организационном периоде, когда велась только агитационная работа. Я мыслил так, что после того как соберется достаточное количество членов партии, созвать конференцию и на ней уже избрать комитет партии.

¹⁵ Город в северном Иране.

¹⁶ Город в северо-западном Иране.

¹⁷ На документе имеются пометы: «В дело Голубые», «т. Отрошенко», «тov. Полянскому», «Доложено».

¹⁸ Так в документе.

¹⁹ Имеется в виду группа тюркоязычных племен в областях Фарс, Хузестан и Южный Исфахан. Здесь Х. Новбахт некоторое время скрывался от советско-британских специальных служб.

Вопрос: Это не совсем соответствует действительности. В распоряжении советского командования имеются данные, говорящие о том, что в ряде провинций Ирана были созданы филиалы партии «ХизбеКабуд», которые находились далеко не в организационном периоде, а вели активную практическую работу.

Ответ: Возможно, что лица из провинций Ирана, примкнувшие к партии «ХизбеКабуд», и ушли дальше в своей практической деятельности, чем я в Тегеране, но о таких фактах я не информирован.

Вопрос: Вы недостаточно искренни на следствии. Предъявляем подлинник письма и шифры, посланные Вами руководителю филиала «ХизбеКабуд» в Резайе²⁰ Мусташери, отобранные у последнего при аресте. Из указанного письма следует, что филиал «ХизбеКабуд» был вполне организационно оформлен и Вы давали ему вполне конкретные задания по работе.

Ответ: Предъявляемое мне письмо и шифры написаны мною. Я их действительно посыпал в Ризайе Мусташери, но не считал их доказательством того, что в Ризайе существовал филиал партии «ХизбеКабуд».

Вопрос: Каким путем вы послали это письмо Мусташери?

Ответ: Это письмо и шифр я послал Мусташери через одного ехавшего в Ризайе своего знакомого, фамилию которого сейчас не помню.

Вопрос: Для каких целей Вы послали Мусташери шифр?

Ответ: Для переписки со мной по партийным вопросам и для сообщений о незаконных действиях местных властей для принятия мною мер против них в меджлисе. Нужно учесть, что люди в Иране писать о незаконных действиях государственных чиновников открыто боялись.

Вопрос: Партия «ХизбеКабуд» организовывалась Вами легально?

Ответ: Да, совершенно легально.

Вопрос: Если это так и Ваша партия, как Вы показываете, не ставила перед собой никаких антиправительственных задач, для чего нужно было в переписке по вопросам партийной работы пользоваться шифром?

Ответ: Шифр главным образом был предназначен для жалоб на незаконные действия местных властей.

Вопрос: Кто еще из ризайнцев был Вами вовлечен в партию «ХизбеКабуд»?

Ответ: Ко мне обращалось очень много людей с заявлениями о желании вступить в партию «ХизбеКабуд», в том числе и ризайнцы, я давал свое согласие и поручал им вести пропаганду и вовлекать в партию новых лиц. Из ризайнцев я помню только Мусташери, который был мною принят в партию. Кроме него из ризайнцев я знаю Ахмеда Саиди, Фатхи и Сепехра. Возможно, что они Мусташери также вовлечены в партию «ХизбеКабуд».

Вопрос: Назовите всех, кто Вами был принят в партию?

Ответ: Я сейчас не помню конкретных фамилий.

Вопрос: У Вас не было учета?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы показываете неправду, всячески стараясь скрыть деятельность, участников и действительные задачи партии «ХизбеКабуд». Прерывая допрос, рекомендуем на последующих допросах изменить свое поведение.

Допрос прерван.

Протокол допроса мною прочитан, показания в нем записаны с моих слов верно.

Допросил: Представитель командования советских войск в Иране

Майор:

Переводил:

Верно: (автограф) [4].

Итак, усилиями британо-советских союзников уже в 1943 г. германская «Пятая колонна» в Иране была практически полностью ликвидирована. На подробностях этого процесса мы еще остановимся в новых документальных публикациях.

Список литературы

1. Архив Службы внешней разведки России (Архив СВР России). Д. 28211. Т. 1. С. 126–127.
2. Архив СВР России. Д. 28211. Т. 1. С. 130–131.
3. Архив СВР России. Д. 28211. Т. 2. 494 с.

²⁰ Резайе (до 1926 г. – Урмия) – город в Иране, административный центр остана, Западный Азербайджан.

4. Архив СБР России. Д. 28211. Т. 3. С. 328–329.
5. Встречными курсами: Политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблуд / В. Т. Юнгблуд, Т. А. Воробьёва и др. Киров, 2014. С. 222–223.
6. Марковчин В. В., Магомедханов В. М. Иран 1941 года глазами нейтрального наблюдателя // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 149–158.
7. Марковчин В. В., Магомедханов В. М. Деятельность немецких спецслужб в Иране. 1941–1944 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 49–55.
8. Марковчин В. В. Настроения в иранском обществе в связи с началом Великой Отечественной войны // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2 (22). С. 107–114.
9. Марковчин В. В. «Пятая колонна» в Иране. Ликвидация прогерманских организаций в 1941–1945 гг. Часть I // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 3 (23). С. 90–95.
10. Марковчин В. В. Правнуки Барбароссы. Курск, 2016. 251 с.
11. Юнгблуд В. Т., Чучкалов А. В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 4 (484). С. 81–92.
12. Юнгблуд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011. 414 с.

The "fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945. Part II

V. V. Markovchin

PhD in Historical Sciences, associate professor, professor, Southwest State University.
Russia, Moscow. E-mail: markovchin@yandex.ru

Abstract. This documentary publication of the series contains new facts about the difficult period in Soviet-Iranian and British-Iranian relations, which began after the Soviet-British allied operation "Consent" in August 1941. The publication introduces new sources into circulation, revealing the circumstances in which the British and Soviet special services had to act in Iran. It is shown that the Allied intelligence conducted a daily struggle with the German special services, who tried to destabilize the situation in the country, organize sabotage and sabotage on the lines of transport communications, through which military cargo was delivered to the USSR under lend-lease. The submitted documents relating to the activities of two People's Commissariats – foreign and internal Affairs, are dedicated to the German "fifth column" in Iran, created by the special services of the Third Reich in the pre-war years. Until recently, they were marked "Top Secret" and are being introduced into scientific circulation for the first time. The published materials show that the special services of the allies in the anti-Hitler coalition in the fight against the subversive activities of hostile organizations often moved parallel courses, as a rule, operating in their zones of occupation. They moved freely throughout Iran, but they almost never involved representatives of the Iranian special services to fulfill the tasks set by the leadership.

Keywords: the struggle of the special services in Iran, Operation Consent, pro-German movements in Iran, the USSR special services in Iran, the British special services in Iran, the NKVD of the USSR, the Main Directorate of State Security.

References

1. Archive of the Russian Foreign Intelligence Service (Archive of the FIS of Russia). File 28211. Vol. 1. Pp. 126–127.
2. Archive of the FIS of Russia. File 28211. Vol. 1. Pp. 130–131.
3. Archive of the FIS of Russia. File 28211. Vol. 2. 494 p.
4. Archive of the FIS of Russia. File 28211. Vol. 3. Pp. 328–329.
5. *Vstrechnymi kursami: Politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Counter courses: The policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947] / resp. ed. V. T. Yungblud / V. T. Yungblud, Vorobyeva T. A. et al. Kirov. 2014. 510 p.
6. Марковчин В. В., Магомедханов В. М. Иран 1941 года глазами нейтрального наблюдателя [Iran of 1941 through the eyes of a neutral observer] // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований – Journal of Russian and Eastern European Historical Studies. 2020. No. 2 (21). Pp. 149–158.
7. Марковчин В. В., Магомедханов В. М. Действие немецких спецслужб в Иране. 1941–1944 gg. [Activity of German special services in Iran. 1941–1944] // Вестник гуманитарного образования – Herald of humanitarian education. 2020. No. 2 (18). Pp. 49–55.
8. Марковчин В. В. *Nastroeniya v iranskem obshchestve v svyazi s nachalom Velikoj Otechestvennoj vojny* [Moods in Iranian society in connection with the beginning of the Great Patriotic War] // Вестник гуманитарного образования – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 2 (22). Pp. 107–114.

9. Markovchin V. V. "Pyataya kolonna" v Irane. Likvidaciya progermanskih organizacij v 1941–1945 gg. Chast' I ["The fifth column" in Iran. Liquidation of pro-German organizations in 1941–1945. Part I] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2021. No. 3 (23). Pp. 90–95.
10. Markovchin V. V. *Pravnuki Barbarosy* [Great-grandchildren of Barbarossa]. Kursk. 2016. 251 p.
11. Yungblud V. T., Chuchkalov A.V. *SShA i vvod anglo-sovetskih vojsk v Iran v avguste 1941 g.* [The USA and the entry of Anglo-Soviet troops into Iran in August 1941] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA and Canada: economics, politics, culture*. 2010. No. 4 (484). Pp. 81–92.
12. Yungblud V. T., Chuchkalov A. V. *Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [U.S. policy in Iran during the Second World War]. Kirov. 2011. 414 p.

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.24+902.26

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.053

Погребальное пространство Пермского Предуралья эпохи Средневековья*

А. В. Вострокнутов

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.

ORCID: 0000-0001-6133-0503. E-mail: art-vosotr@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена важному аспекту изучения мировоззрения человека – погребальному обряду. Целью работы является выявление мировоззренческих особенностей населения Пермского Предуралья, которые проявляются через практические особенности расположения средневековых могильников. Были проанализированы некрополи, относящиеся к ломоватовской и родановской археологическим культурам. Составлено описание нахождения площадок могильников с точки зрения геоморфологии и относительно других географических ориентиров. Для удобства анализа в программе Quantum Gis была создана настольная геоинформационная система «Средневековые погребальные памятники Пермского Предуралья». Также были привлечены данные этнографии. Благодаря этому было установлено, что средневековый могильник на интересующей нас территории наиболее вероятно располагается в пределах окружности с радиусом около 1 км, центром которой является поселение. Данный вывод позволяет прогностически подходить к изучению пространства вокруг поселений. Были установлены различия в расположении погребальных памятников VII–IX вв. от более поздних (начиная с X в.). Помимо вышеуказанного, месторасположение погребальных памятников было рассмотрено с мировоззренческих позиций. Так, например, проанализировано значение воды в погребальном обряде. Могильники могут располагаться как выше, так и ниже по течению от поселений. На основании аналогичных данных с территории Западной Сибири мы можем утверждать, что такая разница в расположении некрополя может указывать, в том числе, на отличие одной группы населения от другой. Таким образом, анализ погребального пространства для населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья позволяет подойти к изучению данного периода с нескольких сторон, что, в свою очередь, дает возможность не только более глубоко проанализировать социокультурную ситуацию в регионе, но и прогностически подходить к поиску новых памятников археологии.

Ключевые слова: археология, могильник, мировоззрение, месторасположение, река.

Жизнь человека всегда зависит от окружающего его пространства, будь то природа и первобытная культура, во многом зависящая от нее, или современные технополисы, которые во многом влияют на природу.

Это пространство участвует, помимо чисто потребительских факторов, и в формировании его взглядов на многие сферы своей жизни.

Человек окультуриивает окружающее его природное пространство: развивает сельское хозяйство, прокладывает пути сообщения, строит поселения, копает каналы. Сюда же можно отнести и похороны умерших. Создавая некрополи, человек не только технически изменяет пространство, отделяя его погребальную часть (могилы, ограды на кладбищах, ранее – курганы, катакомбы, пещеры и так далее) от жилого пространства, но и наделяет его особыми сакральными, священными для него смыслами.

По мысли исследователей, сакральное пространство – это значимые точки пространства, места концентрации положительной и отрицательной информации [18, с. 80]. Священное, по утверждению Мирчи Элиаде, это то, что противопоставляется мирскому [25, с. 17].

© Вострокнутов А. В., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-49-590004 «Культурно-хронологическая идентификация средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)»

Пространство некрополей, отделенное от жилого пространства, на котором проводился похоронный обряд, поминальные тризыны, фиксируемые как археологически, так и этнографически, все это является частью сакрального.

Целью данной работы является выявление мировоззренческих особенностей населения Пермского Предуралья, которые проявляются через практические особенности расположения средневековых могильников. То есть, что расположение некрополя значило для населения, его оставившего.

Хронологические рамки работы – VII–XIV вв. н. э.

В этой связи мы проведем анализ пространства средневековых некрополей по следующим направлениям:

– по топографии на макроуровне (особенности расположения площадки могильника непосредственно «на местности»);

– по экономике (анализу будет подвергаться расстояние от погребального памятника до поселения (поселений), которое данный могильник «обслуживал», то есть главным образом речь здесь идет о трудозатратах);

– по семантике (то есть собственно сакральное пространство).

Поскольку изучение пространства погребальных памятников с точки зрения погребального обряда, а также анализ его на микроуровне являются предметом отдельного исследования, для данной работы мы остановимся лишь на трех вышеуказанных аспектах.

Топография средневековых некрополей

К макроуровню географического описания пространства можно отнести описание его расположения на местности относительно других географических ориентиров: рек, гор, оврагов, логов, холмов, также особенности непосредственного расположения (склон, терраса, берег) и так далее.

Описание места расположения могильника, как и любого другого археологического памятника, является неотъемлемой частью при публикации его материалов.

В «идеальных» условиях около каждого поселенческого памятника археологии Пермского Предуралья находится некрополь этого времени. Это могло бы не соблюдаться, если бы население вело кочевой образ жизни, и было бы вынуждено оставлять своих умерших или погибших родственников по ходу движения кочевой группы. В нашем случае все указывает на оседлое проживание. Следовательно, население должно было долгое время пользоваться одной и той же площадкой для погребения (по крайней мере, они должны синхронизироваться). Интересно отметить в связи с данным тезисом, что незадолго до исследуемого времени, в V–VI вв., мы можем частично наблюдать обратную картину, когда на группу поселений приходится один могильник. Это особенно хорошо видно по Туйско-Полуденской территориальной группе археологических памятников и в Сылвенской группе. С другой стороны, севернее, на территории Лологской, Велининской и Гайнской групп памятников хорошо прослеживается связь поселение-могильник [6].

У населения Туйско-Полуденской территории группы (современный запад Добринского района и юго-восток Ильинского района Пермского края) в V–VII вв., наоборот, на значительное количество поселенческих (14) памятников археологии (даже если учитывать их неодновременное существование) всего два могильника. Среднее расстояние от могильников до поселений – около 3 км [7, с. 105].

Среди имеющихся погребальных памятников VII–XIV вв. н. э., то есть оставленных носителями ломоватовской и родановской археологических культур научному изучению (раскопкам) подверглось 22 некрополя. Следовательно, мы можем с достаточной уверенностью говорить об их хронологической принадлежности. Каковы же их особенности расположения?

Аверино I. Могильник расположен на склоне мыса правого коренного берега р. Камы. Памятник датируется XI–XIII вв. [10, с. 34, 81].

Аверино II. Расположен рядом с Аверинским I могильником, но датируется более ранним временем – VI–IX вв. [12, с. 124].

Могильники **Агафоново I** и **Агафоново II** расположены на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Камы. Памятники находятся рядом друг с другом. Датируются весьма широко – V–IX вв. [9, с. 202].

Вокруг Аверинских и Агафоновских могильников расположено множество селищ.

Антыбары. Могильник расположен на высоком коренном правом берегу р. Чусовой, левого притока р. Камы. Площадка памятника имеет уклон к западу. Напротив памятника в русле Чусовой находится остров Шарапиха. Могильник датируется XI–XIV вв. [19, с. 48].

Баяновский могильник занимает площадку на коренной террасе, являющейся частью правого берега р. Исток, правого притока р. Вильвы, левого притока р. Косьвы, левого притока р. Камы. Могильник значительно удален от русла реки (0,4 км к югу от памятника). Интересной особенностью Баяновского некрополя является нахождение на его площадке карстовых воронок, которые существовали уже на момент функционирования могильника, что подтверждается планиграфически. Ближайший поселенческий памятник, Лаврятское городище, находится в 2 км к югу от могильника на левом берегу р. Вильвы. Памятник датируется А. В. Даничем IX – первой половиной X в. [14, с. 7].

Важгортский I могильник находится на высокой надпойменной террасе левого берега р. Вельвы, левого притока р. Иньвы, правого притока р. Камы. Площадка памятника имеет небольшой уклон в сторону реки. Ближайшим поселенческим памятником является Важгортское II селище. Датируется VIII–IX вв. [9, с. 197].

Деменковский могильник находится на склоне коренного правого берега Обвинского залива Камского водохранилища. Ранее это был правый берег р. Обвы. С запада площадка могильника ограничена логом, с севера – разливом водохранилища. Ближайшие поселенческие памятники – Назавровские селища (I и II), а также Назаровское городище – расположены в 6 км к северо-востоку. Могильник датируется VII–IX вв. [9, с. 194].

Запосельский могильник расположен на склоне берега Чашкинского озера, которое является левобережным стариичным образованием р. Камы. Площадка могильника имеет небольшой уклон к озеру, к западу. Ближайшие поселенческие памятники – селища Чашкино I, II (расположенные в 0,9 км к северу и югу соответственно) и Запоселье (0,4 км к югу). Датируется VIII – первой половиной XI в. [1, с. 480].

Каневский могильник расположен на высоком правом коренном берегу старицы р. Вельва. Данный могильник датируется VIII–IX вв. [9, с. 197]. Ближайшее поселение к могильнику – одноименное селище, находится в 0,2 км к западу от некрополя, ниже по течению реки, на момент, когда старица была еще руслом.

Кыласовский могильник находится на правом коренном берегу Камского водохранилища. Ближайший поселенческий памятник – городище Анюшкар, которое находится в 1 км к юго-востоку, ниже по течению. Памятник датируется X–XII вв. [20, с. 146].

Митинский могильник имеет две части: раннюю курганную и более позднюю – грунтовую. Как отмечает исследователь данного памятника Д. В. Шмуратко, захоронения осуществлялись здесь без хронологического разрыва. Грунтовая часть некрополя расположена на склоне коренного левого берега р. Кычдез, правого притока р. Косы, левого притока р. Камы. Курганская часть памятника датируется VI в., а грунтовая – VII–IX вв. [24, с. 63].

Огурдинский могильник расположен на правом берегу Камского водохранилища. Площадка памятника занимает дюнные образования и пространство между ними на надпойменной террасе между Камой и ее стариичным образованием Черное озеро. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова датируют данный некрополь X – первой половиной XI в. [4, с. 214].

Плесинский могильник расположен на мысу, образованном склоном высокого коренного левого берега (ок. 20 м) реки Камы и оврагом. В. А. Оборин датирует Плесинский могильник IX–Х вв. [22, с. 7, 29].

Плотниковский могильник находится на коренном левом берегу р. Зюльган, левого притока р. Иньвы, правого притока р. Камы. Интересно отметить, что площадка памятника находится недалеко от стрелки рек Зюльган и Иньва. Памятник датируется XII–XIV вв. [17, с. 171].

Пыштайнский II могильник расположен на выступе коренной террасы, образованном двумя логами. Памятник датируется VII–IX вв. [21, с. 384–385]. Рядом с памятником расположены одноименные селища.

Редикарский могильник расположен на склоне пологого холма правого берега р. Вишеры, левого притока р. Камы. Ближайший поселенческий памятник, одноименное городище, находится ниже по течению в 1,1 км к юго-западу. Памятник датируется X – началом XI в. [3, с. 32, 49].

Рождественский могильник расположен на коренном левом берегу р. Обвы, правого притока р. Камы. Площадка некрополя имеет небольшой уклон в сторону реки. Естественной восточной границей служит Постаноговский лог, имеющий ближе к устью значительные размеры. Расположенное рядом Рождественское городище, которое является ближайшим поселенческим памятником, находится в 0,2 км к западу от некрополя. Н. Б. Крыласова датирует Рождественский могильник концом IX – концом XI в. [16, с. 110].

Могильник Степаново Плотбище расположен на правом берегу Камского водохранилища. Площадка памятника занимает часть небольшого полуострова, находящегося в пойме. Ближайшим поселенческим памятником является селище Степаново-Плотбище, расположено в 0,5 км к северо-востоку, а также Роданово городище в 2,8 км по тому же направлению. Памятник датируется А. В. Даничем IX–XI вв. [13, с. 54].

Могильник Телячий Брод расположен на мысу коренной террасы правого берега р. Усьвы, правого притока р. Чусовой, левого притока р. Камы. Могильник находится над площадкой селища Телячий Брод I, которое отделяет его от реки. Данное селище расположено в 0,2 км к северо-востоку от некрополя. Могильник датируется периодом с VII по XIV в. Интересной особенностью памятника является канавка, которая отделяет раннюю его часть (VII–IX вв.), расположенную на оконечности мыса, от поздней (XII–XIV вв.) [15, с. 24].

Урынский могильник находится на небольшой возвышенности (надпойменной террасе) левого берега р. Онолвы, которая является левым притоком р. Косы, правого притока р. Камы. В 200 м выше по течению в Онолву впадает р. Урья. Датируется В. Ф. Генингом VIII–Х вв. [8, с. 1, 14]. Ближайший поселенческий памятник к данному некрополю, Боринское городище, находится в 1,2 км к востоку и юго-востоку.

Щукинский могильник расположен на небольшом мысу коренного правого берега р. Камы. Северной и северо-западной границей служит лог, западной – р. Кама. Р. Д. Голдина и В. А. Кананин датируют Щукинский могильник VI–IX вв. [12, с. 118].

Стоит отметить, что особенностью расположения могильников, датируемых периодом до X в., является размещение их площадки на склоне террасы. Исключение здесь составляют «поздние» Аверинский I могильник и могильник Плотниково. Однако в случае с Аверинским I могильником мы можем наблюдать рядом Аверинский II могильник, который датируется более ранним временем. Если мы предположим, что оба памятника оставлены одним населением, то ничего удивительного в расположении более позднего могильника на такой площадке нет.

Население Пермского Предуралья, начиная с X в., начинает хоронить своих умерших со-племенников на некрополях, расположенных на коренных берегах, иногда значительной высоты над поймой или окружающей местностью. Исключением здесь являются могильник Плотниково, который более похож по топографии на более ранние некрополи, хотя датируется позже них, и могильник Степаново Плотбище, расположенный в пойме Камского водохранилища, из-за чего говорить об особенностях его расположения до затопления сложно.

Единой особенностью всех некрополей является их привязка к реке, то есть к воде.

В целом погребальные памятники занимают с геоморфологической точки зрения одни и те же части рельефа – коренные берега. В случае с более ранними могильниками – это чаще всего склоны, а с более поздними, в основном, более ровные края террас.

Следует отметить, что этой чертой ломоватовские и родановские могильники отличаются от соседних неволинских, расположенных южнее. Неволинские могильники (то есть памятники VI–IX вв. в Сылвенско-Иренском поречье), как отмечают Р. Д. Голдина и Н. В. Водолаго, располагаются в различных топографических условиях: у подножия возвышенности или при невысоком пологом холме на значительном удалении от реки, на высоких берегах рядом с городищами, на коренном берегу реки, на второй надпойменной террасе, в невысоких поймах [11, с. 66].

В данном контексте, очевидно, мы можем говорить о различии в мировоззрении северного населения, оставившего ломоватовскую и родановскую культуру, от южного, оставившего неволинскую культуру.

Месторасположение некрополей относительно поселений

Каждый погребальный памятник (и это естественно) связан с определенным поселением. Проведя пространственный анализ месторасположения могильников, мы сможем выявить примерный радиус, в зоне которого находится поселение, население которого и оставило тот или иной могильник. В случае, если оно (поселение) не сохранилось, либо не выявлено, мы можем пользоваться данными анализа в качестве прогностической модели.

Для пространственного анализа нами была создана ГИС «Средневековые погребальные памятники Пермского Предуралья». Анализ осуществлялся при помощи программы Quantum Gis, находящейся в свободном доступе. В данную ГИС вошли слои, позволяющие понять как социокультурную обстановку в данном регионе в интересующий нас период времени, так окружающее пространство, в котором находятся памятники археологии. Мы выделили следующие слои.

Для пространства:

- Речная сеть (данные Open Street Maps, а также Научно-исследовательского геологического института) в виде векторного слоя;
- Рельеф (данные Aster и Научно-исследовательского геологического института) в виде векторных и растровых слоев.

Для памятников археологии:

- Слой средневековых могильников;
- Слой поселений;
- Слой городищ.

Сопоставление этих слоев позволило определить те поселенческие памятники, которые пользовались определенным могильником в качестве места погребения своих умерших жителей. Для этого необходимо выяснить, на каком максимальном расстоянии мог находиться некрополь от поселения. То есть мы говорим здесь о трудозатратах, необходимых для похорон.

В археологических исследованиях, благодаря привлечению этнографии, вокруг поселений выделяются пятикилометровые экономические зоны. За основу взят принцип сохранения сил. Таким образом, чем дальше от поселения, тем менее экономически освоено пространство [2, с. 4–6].

Но в таком случае справедливо задать вопрос, как максимально далеко от поселений должны располагаться некрополи? При решении его мы получим возможность прогнозировать расположение древних могильников, либо поселений, которые еще не выявлены.

Говоря о трудозатратах, нам видится возможным использовать этнографические данные. Поэтому нами было предпринято небольшое исследование близости кладбищ к современным поселениям, расположенным примерно в тех же местах, что и анализируемые средневековые могильники. Сравним полученные результаты с этнографическими данными.

Обратимся к современным этнографическим данным, которые легко получить при анализе карт и спутниковых снимков. Нами была составлена таблица (см. таблицу 1), куда вошли данные о кладбищах 100 поселений (деревень и сел, а также двух городов). Поселения эти расположены в тех же районах современного Пермского края и Кировской области, что и интересующие нас погребальные памятники средневековья. При анализе полученной таблицы можно сделать вывод о том, что минимальное расстояние от кладбища до поселения – 0,1 км, максимальное – 2,8 км. Если вывести среднее арифметическое для всех 100 кладбищ, то мы получим число, равное примерно 0,9 км. Таким образом, чаще всего кладбища располагаются в пределах окружности с этим радиусом, центром которой является поселение.

Интересно отметить, что часто встречается ситуация, когда одно кладбище обслуживает несколько поселений, расположенных в ближайшей округе. Точно такую картину мы наблюдаем при картографировании северных Аверинских и Агафоновских могильников – они «окружены» селищами.

Но как это можно применить для археологических памятников? Если мы посмотрим на таблицу расстояний между могильниками и поселениями, то увидим ту же картину. Для некрополей, речь о которых идет в настоящей работе, минимальное расстояние от поселения до могильника – 0,1 км, максимальное – 2,5 (см. таблицу 2). В данный анализ вошли 49 поселений (селища и городища). Таким образом, среднее расстояние от населенного пункта до могильника составляет приблизительно 0,8 км. Учитывая поправку на рельеф, можно считать наиболее вероятным расположение могильника внутри окружности радиусом 1 км (+/-), центром которой является поселение. Таким образом, этнографические данные полностью подтверждают археологические.

Следует отметить, что «идеально» данным критериям соответствуют могильник Кыласово и городище Анюшкар, Рождественский могильник и одноименное городище, могильник и селище Канево, могильник, селище и городище Телячий Брод, а также близкое к ним городище Лисьи гнезда, Урьянинский могильник и городище Борино. Отдельно следует отметить ситуации, когда с могильником или с двумя могильниками соседствует множество селищ: это могильник Пыштайн II и селища Пыштайн, могильники Аверино I, II и селища Аверино и Харино, могильники Агафоновские I, II с сопутствующими Курьинскими селищами, Плотниковский могильник и три Плотниковских селища.

Применение принятого нами условного расстояния в 1 км от поселения до могильника в некоторых случаях оказывается недостаточно ввиду значительного удаления некрополей от поселений. Не попадают под эту схему только несколько некрополей: Баяново, Деменки, Щукино и Огурдино. В случае с первыми двумя могильниками следует отметить, что поселенческие памятники рядом есть, но они отстоят далеко от потенциальных мест захоронений – более чем на 2 км.

На наш взгляд, это говорит о недостаточной изученности близлежащих к могильникам территорий с целью поиска поселенческих памятников. В случае с могильником Деменки может иметь место быть также антропогенный фактор – наполнение Камского водохранилища, вследствие чего обширные земельные площади ушли под воду.

Таким образом, большая часть интересующих нас могильников попадают под выработанный критерий в расстояние в 1 км (+/-) до поселения.

Расположение некрополей относительно поселений разнится. Мы можем видеть, что могильники находятся либо выше, либо ниже по течению близлежащей реки. Единой системы расположения погребальных памятников относительно поселений не существует. В этой связи встает вопрос: есть ли в этом мировоззренческая составляющая?

Семантика месторасположения

Мы выяснили, что дальность расположения некрополей относительно поселений обусловлена соображениями трудозатрат.

Погребальные памятники всегда имеют привязку к воде. Причем в нашем случае это всегда река, то есть вода, имеющая течение. Есть одно исключение – Запосельский могильник, расположенный на берегу Чашкинского озера. Однако здесь следует учитывать, что озеро это является стариичным образованием левого берега р. Камы, протекающей в непосредственной близости, кроме этого, Чашкинское озеро не закрытый водоем, а имеет выход в Каму.

Близость к воде – общая черта для некрополей обеих археологических культур. Если они разнятся по расположению площадки относительно коренной террасы (склон или край), то близость к воде роднит их между собой.

Вода имеет большое значение в культуре всех существующих и существовавших народов. В погребальном контексте река, чаще всего, воспринимается как дорога для души умершего в мир мертвых, нижний мир.

Мы видим, что могильник может находиться относительно поселения как выше, так и ниже по течению. Таким образом, мы не можем утверждать однозначно, что нахождение некрополя указывает на его расположение на пути в мир мертвых, который расположен в нижнем течении, однако река в представлении многих народов мыслилась как космическая модель, осуществляющая связь между мирами [23, с. 218]. В любом случае, здесь подчеркивается вырванность погребального пространства из обыденности, его сакрализация.

Следует заметить, что для большого количества сибирских народов, у которых функция реки как связующей нити между миром живых и миром мертвых, в жизни которых реки играли важную роль, эти реки имели северное направление течения, то есть, по мифологическому мировоззрению, несли свои воды в страну мрака, в нижний мир. В случае с памятниками Пермского Предуралья такая трактовка реки в мировоззрении местного населения практически невозможна – крупные реки в большинстве своем имеют здесь либо западное, либо восточное направление течения, только р. Кама перпендикулярна им: причем течет она от верховьев сначала на север, затем разворачиваясь на юг.

Однако, на наш взгляд, разное расположение могильников относительно поселений можно объяснить разницей в мировоззрении тех групп населения, что их оставили. Так, например, у обских угров, как это следует из этнографических материалов, погребальный обряд (куда входит и месторасположение некрополя) имеет свои отличия даже внутри территориальных групп одного народа [23, с. 216]. Перенеся это утверждение на пермскую почву, мы можем предположить подобное влияние и на местные территориальные группы памятников. Следует отметить, что в период с V по XV в. только в междуречье рек Камы и Иньвы фиксируются 32 территориальные группы памятников [5].

Мы проанализировали погребальное пространство населения Пермского Предуралья с точки зрения трех его составляющих – относительно географических ориентиров, относительно взаимосвязи с поселениями и относительно семантики месторасположения. Погребальное пространство является особым в мировоззрении человека, и поэтому нахождение того или иного могильника в конкретном месте не случайно.

Абсолютно все могильники имеют привязку к реке. Причем до X в. это чаще всего склон коренного берега, а после – коренная терраса. Таким образом, в местонахождении погребальных площадок со временем нет значительной разницы, что может свидетельствовать о мировоззренческой преемственности у населения, их оставившего на протяжении веков.

Могильники располагаются в пределах окружности радиусом примерно 1 км, центром которой является поселение. Данный тезис подкрепляется схожими показателями как месторасположения средневековых некрополей, так и современных кладбищ. Данное расстояние для средневекового населения имело важное практическое значение – необходимо было решить задачу доставки покойника к месту погребения с минимальными трудозатратами.

О мировоззренческих различиях разных территориальных групп местного населения говорит также месторасположение кладбищ вверх или вниз по течению относительно поселения. Таким образом, не всегда река могла восприниматься как дорога в нижний мир, но всегда воспринималась как связующая нить между жилым и священным пространством.

Таблица 1

Расстояние до современных кладбищ

№	Населенный пункт	Расстояние до кладбища (км)
1	Харино	2,7
2	Агафоново	1,2
3	Тошиб (нежил.)	0,6
4	Верх-Лупья (нежил.)	0,3
5	Сойга	0,1
6	Конопля	0,1
7	Мыс	1,3
8	Кулига	1,5
9	Пашня	1,2
10	Монастырь	2
11	Базуево	1
12	Тиуново	0,8
13	Шипицыно	0,5
14	Данилово	0,5
15	Модоробо	0,2
16	Елево	0,6
17	Чуршино	0,8
18	Чемкосаино	0,5
19	Чажегово	1,2
20	Васькино	0,1
21	Коса	0,2
22	Юксеево	0,4
23	Митино	2,3
24	Бажово	0,4
25	Сизово	1,3
26	Чирково	0,4
27	Пуксиб	0,2
28	Левичи	0,2
29	Краснобай	0,3
30	Борино	0,1
31	Зуево	0,5
32	Кочево	0,3
33	Большая Коча	0,2
34	Малая Коча	0,2
35	Пешнигорт	0,5
36	Ивукова	0,8
37	Кудымкар	0,5
38	Ёгва	0,2
39	Архангельское	0,2
40	Юсьва	1,3
41	Ошиб	0,2
42	Мелехино	0,2
43	Антипино	0,3
44	Пиканово	0,4
45	Вороново	0,8
46	Азово	0,2

Окончание табл. 1

№	Населенный пункт	Расстояние до кладбища (км)
47	Майкор	0,2
48	Соболево	0,3
49	Пожва	0,3
50	Пашня	0,7
51	Кузьмино	1,5
52	Кыласово	1
53	Верхнее Калино	0,2
54	Антыбары	1,7
55	Саламатово	2
56	Ермаковка	2
57	Заозерье	2
58	Рождественск	0,6
59	Вдовино	2,2
60	Баяново	0,4
61	Таборы	0,2
62	Покча	0,3
63	Чердынь	0,3
64	Лимеж	0,3
65	Пянтег	0,1
66	Печинки	0,25
67	Шишигино	0,7
68	Большие Долды	1,1
69	Малые Долды	0,7
70	Очго-Жикина	0,2
71	Бондюг	0,1
72	Лазаневы	0,8
73	Харино	2,4
74	Кулига	0,7
75	Шудьякар	1,3
76	Аверины	1,5
77	Бисерово	1,3
78	Жарковы	1,6
79	Степинцы	1,5
80	Турушевы	2,8
81	Георгиевское	1,7
82	Щукино	2,8
83	Васькино	0,8
84	Габово	0,7
85	Сапегино	1,2
86	Волим	0,7
87	Перемское	1,5
88	Никулино	0,6
89	Нехайка	0,9
90	Куликово	2,2
91	Собольки	0,6
92	Усть-Игум	0,5
93	Булатово	1,2
94	Гора	1,3
95	Шушпанка	0,4
96	Красная Горка	0,1
97	Ведениково	1,4
98	Никифорово	2,5
99	Брагино	1,2
100	Васильевское	0,2
101	Филатово	0,6
	среднее	0,8615
	min	0,1
	max	2,8

Таблица 2

Расстояние от средневековых поселений до могильников

№	Поселенческий памятник (если не указан тип, то селище)	Расстояние до могильника (км)	Могильник
1	Аверино I	0,5	
2	Аверино II	0,4	
3	Аверино III	0,3	
4	Аверино IV	0,3	
5	Аверино V	0,15	
6	Аверино VI	0,1	
7	Аверино VII	1	
8	Аверино VIII	0,9	
9	Аверино IX	1	
10	Харино I	0,6	
11	Харино II	0,6	
12	Харино III	0,8	
13	Харино IV	0,6	
14	Харино V	0,65	
15	Харино VI	0,7	
16	Харино VII	0,85	
17	Харино VIII	0,95	
18	Харино IX	1	
19	Харино X	0,6	
20	Курья I	0,7	
21	Курья II	0,25	
22	Курья III	0,6	
23	Курья IV	0,5	
24	Курья V	0,2	
25	Пыштайн I	0,9	
26	Пыштайн II	0,2	
27	Пыштайн III	0,3	
28	Данилово I	0,5	
29	Харино I	0,8	
30	Телячий брод, городище	0,25	Телячий брод
31	Телячий брод	0,5	
32	Лисьи Норы, городище	1,5	
33	Лаврята, городище	2,5	Баяново
34	Важгорт II	1	
35	Дойкар, городище	3	
36	Архангельское, городище	2,5	
37	Усть-Велва	2,3	
38	Чашкино I	0,8	
39	Чашкино II	0,9	
40	Запоселье	0,4	
41	Редикар, городище	1,2	Редикар
42	Канево	0,2	
43	Лопатино	2,4	
44	Плотниково I	0,6	
45	Плотниково II	0,7	
46	Плотниково III	0,6	
47	Рождественск, городище	0,3	
48	Филипповское, городище	0,6	
49	Борино, городище	1,2	Урья
	среднее	0,765068	
	min	0,1	
	max	2,5	

Список литературы

1. Археологические памятники Чашкинского озера / Н. Б. Крыласова [и др.]. Пермь : ПГГПУ, 2014. 565 с.
2. Афанасьев Г. Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. Вып. 196. С. 3–12.

3. Белавин А. М. Редикарский археологический комплекс // Труды КАЭЭ. 2007. Вып. IV. С. 24–50.
4. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь : ПГГПУ, 2012. 259 с.
5. Вострокнутов А. В. Историческая динамика населения междуречья Камы и Иньвы в V–XV вв. н. э. по данным картографии // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации : мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Серия: Археология евразийских степей. 2017. Т. 1. С. 78–86.
6. Вострокнутов А. В., Шмуратко Д. В. Пермское Предуралье в V–VII вв.: реконструкция системы расселения с использованием ГИС // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 160–169.
7. Вострокнутов А. В., Шмуратко Д. В. Туйско-Полуденская территориальная группа археологических памятников V–VII вв. н. э. в Пермском Предуралье: опыт изучения с использованием ГИС-технологий // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. Вып. XIII. С. 101–107.
8. Генинг В. Ф. Урлинский могильник // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. С. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Оп. 1. Д. 6.
9. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.
10. Голдина Р. Д. Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 5576, 5577.
11. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1990. 179 с.
12. Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989. 216 с.
13. Данич А. В. Шумящие составляющие (цепочки и привески) шумящих подвесок Питер (Степаново Плотбище) могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. № 10. С. 54–62.
14. Данич А. В., Подосенова Ю. А. Бронзовые фланконидные подвески Баяновского могильника ломоватовской культуры // Гуманитарные исследования. История и филология. Пермь : ПГГПУ, 2021. № 1. С. 7–19.
15. Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках могильника Телячий Брод I в Чусовском районе Пермского края в 2013 г. // Архив Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ. 2013.
16. Крыласова Н. Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 104–115.
17. Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г. Плотниковский могильник. Пермь : ПГГПУ, 2017. 223 с.
18. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье // Семинар «Культурный ландшафт» : первый тематический выпуск докладов / В. Н. Калуцков [и др.]. Москва : Изд-во ФМБК, 1998. 136 с.
19. Ленц Г. Т. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 г. // Архив Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ. 1989.
20. Ленц Г. Т. Протогородской Анююшкарский археологический комплекс на р. Иньва // Труды КАЭЭ. 2001. Вып. 1–2. С. 146–150.
21. Мингалев В. В. Раскопки могильника Пыштайн II в Гаинском районе Коми-Пермяцкого АО // Археологические открытия 2005 г. М. : Наука, 2007. С. 384–385.
22. Оборин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции 1960 г. Могильник близ д. Плесо Гаинского района // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. С. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Оп. 1. Д. 10.
23. Федорова Е. Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири // Реки и народы Сибири : сб. науч. ст. СПб. : Наука, 2007. С. 216–237.
24. Шмуратко Д. В. Митинская курганская группа: результаты раскопок 2020 г. // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. № 10. С. 63–71.
25. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во Московского университета, 1994. 144 с.

The burial space of the Perm Pre-Urals of the Middle Ages

A. V. Vostroknutov

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National and Universal History,
Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0001-6133-0503. E-mail: art-vostr@mail.ru

Abstract. This article is devoted to an important aspect of the study of the human worldview – the funeral rite. The aim of the work is to identify the ideological features of the population of the Permian Urals, which are manifested through the practical features of the location of medieval burial grounds. Necropolises belonging to the Lomovatov and Rodanov archaeological cultures were analyzed. A description of the location of burial grounds from the point of view of geomorphology and relative to other geographical landmarks has been compiled. For the convenience of analysis, a desktop geoinformation system "Medieval funerary monuments of the Permian Urals" was created in the Quantum GIS program. Ethnographic data were also involved. Thanks to this, it was found that the medieval burial ground on the territory of interest to us is most likely located within a circle with a radius of about 1 km, the center of which is the settlement. This conclusion allows a prognostic approach to the study of the space around settlements. Differences were established in the location of funerary monuments of the VII–IX centuries from later ones (starting from the X century.). In addition to the above, the location of the funerary monuments was considered from a worldview standpoint. For example, the value of water in the funeral rite is analyzed. Burial grounds can be located both upstream and downstream from settlements. Based on similar data from the territory of Western Siberia, we can assert that such a difference in the location of the necropolis may indicate, among other things, the difference between one population group from another. Thus, the analysis of the burial space for the population of the Permian Urals in the Middle Ages allows us to approach the study of this period from several sides, which, in turn, makes it possible not only to analyze the socio-cultural situation in the region more deeply, but also to take a prognostic approach to the search for new archaeological monuments.

Keywords: archeology, burial ground, worldview, location, river.

References

1. *Arheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo ozera* – Archaeological monuments of the Chashkinsky lake / N. B. Krylasova [et al.]. Perm. PSHPU. 2014. 565 p.
2. Afanas'ev G. E. *Arheologicheskaya razvedka na novostrojakh i prostranstvennyj analiz* [Archaeological exploration on new buildings and spatial analysis] // KSIA – KSIA. Is. 196. Pp. 3–12.
3. Belavin A. M. *Redikarskij arheologicheskij kompleks* [Redikarsky archaeological complex] // Trudy KAAE – Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. 2007. Is. IV. Pp. 24–50.
4. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Ogurdinskij mogil'nik* [Ogurdinsky burial ground]. Perm. PSHPU. 2012. 259 p.
5. Vostroknutov A. V. *Istoricheskaya dinamika naseleniya mezhdu rech'ya Kamy i In'vy v V–XV vv. n. e. po dannym kartografii* [Historical dynamics of the population of the Kama and Inva interfluves in the V–XV centuries A.D. according to cartography data] // VII Halikovskie chteniya: srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: problemy issledovanij, sohraneniya i muzeifikacii : mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 50-letiju Bilyarskoj arheologicheskoy ekspedicii. Seriya: Arheologiya evrazijskih stepej – VII Halikov readings: medieval archaeological monuments of the Volga region and the Urals: problems of research, conservation and museification : materials of All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Bilyar archaeological expedition. Series: Archeology of the Eurasian Steppes. 2017. Vol. 1. Pp. 78–86.
6. Vostroknutov A. V., Shmuratko D. V. *Permskoe Predural'e v V–VII vv.: rekonstrukciya sistemy rasseleniya s ispol'zovaniem GIS* [Permian Urals in the V–VII centuries: reconstruction of the settlement system using GIS] // Ural'skij istoricheskij vestnik – Ural historical herald. 2021. No. 1 (70). Pp. 160–169.
7. Vostroknutov A. V., Shmuratko D. V. *Tujsko-Poludenskaya territorial'naya gruppa arheologicheskikh pamyatnikov V–VII vv. n. e. v Permskom Predural'e: opyt izuchenija s ispol'zovaniem GIS-tehnologij* [Tujsko-Poludenskaya territorial group of archaeological monuments of the V–VII centuries A. D. in the Permian Urals: experience of studying using GIS technologies] // Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii – Proceedings of the Kama archaeological and Ethnographic expedition. 2017. Is. XIII. Pp. 101–107.
8. Gening V. F. *Ur'inskij mogil'nik* [Uryinsky burial ground] // Arhiv Komi-Permyackogo kraevedcheskogo muzeya im. P. S. Subbotina-Permyaka – Archive of the Komi-Permyak Museum of Local Lore n. a. P. S. Subbotin-Permyak. F. 926. Inv. 1. File. 6.
9. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University. 1985. 280 p.
10. Goldina R. D. *Otchet ob issledovaniyah Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii v 1974 g.* [Report on the research of the Kama-Vyatka archaeological expedition in 1974] // Arhiv IA RAN – Archive of IA RAS. F. P-1. Files 5576, 5577.

11. Goldina R. D., Vodolago N. V. *Mogil'niki Nevolinskoy kul'tury v Priural'e* [Burial grounds of the Nevolin culture in the Urals]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University, 1990. 179 p.
12. Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekovye pamyatniki verhov'ev Kamy* [Medieval monuments of the upper Kama River]. Sverdlovsk. Publishing House of the Ural University. 1989. 216 p.
13. Danich A. V. *Shumyashchie sostavlyayushchie (cepochki i priveski) shumyashchih podvesok Piter (Stepanovo Plotbischche) mogil'nika* [Noisy components (chains and attachments) of noisy suspensions of the Peter (Stepanovo Plot) burial ground] // *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya – Herald of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals*. 2020. No. 10. Pp. 54–62.
14. Danich A. V., Podosenova Yu. A. *Bronzovye flakonovidnye podveski Bayanovskogo mogil'nika lomovatovskoj kul'tury* [Bronze bottle-shaped pendants of the Bayanovsky burial ground of the Lomovatov culture] // *Gumanitarnye issledovaniya. Istorya i filologiya – Humanitarian studies. History and philology*. Perm. PSHPU, 2021. No. 1. Pp. 7–19.
15. Krylasova N. B. *Otchet o raskopkah mogil'nika Telyachij Brod I v Chusovskom rajone Permskogo kraja v 2013 g.* [Report on the excavations of the Telyachy Brod I burial ground in the Chusovsky district of Perm Krai in 2013] // *Arhiv Laboratori arheologicheskoy trasologii, antropologii i eksperimental'noj arheologii PGGPU – Archive of the Laboratory of Archaeological Tracology, Anthropology and Experimental Archeology of the PSHPU*. 2013.
16. Krylasova N. B. *Hronologicheskie osobennosti material'noj kul'tury X-XI vv. (po materialam Rozhdestvenskogo mogil'nika v Permskom krae)* [Chronological features of material culture of the X-XI centuries. (based on the materials of the Christmas burial ground in the Perm Region)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorya – Herald of Perm University. Series: History*. 2013. No. 1 (21). Pp. 104–115.
17. Krylasova N. B., Bryuhova N. G. *Plotnikovskij mogil'nik* [Plotnikovsky burial ground]. Perm. PSHPU. 2017. 223 p.
18. *Kul'turnyj landshaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e – The cultural landscape of the Russian North: towns, Seaboard* // *Seminar "Kul'turnyj landshaft": pervyyj tematicheskij vypusk dokladov – Workshop "Cultural landscape" : the first thematic issue papers / V. N. Kalutskov [and others]*. M. Faculty of International Business Communications Publ. 1998. 136 p.
19. Lenz G. T. *Otchet o polevyh issledovaniyah Antybarskogo mogil'nika v Chusovskom rajone Permskoy oblasti v 1988 g.* [Report on field research of Anabarsk burial in Chusovskoy district, Perm region in 1988] // *Arhiv Laboratori arheologicheskoy trasologii, antropologii i eksperimental'noj arheologii PGGPU – Archive of the archaeological Laboratory of trace analysis, anthropology, and experimental archaeology of Perm*. 1989.
20. Lenz G. T. *Protogorodskoj Anyushkarskij arheologicheskij kompleks na r. In'va* [Proto-urban Anyushkar Archaeological Complex on the river Inva] // *Trudy KAEE – Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2001. Is. 1–2. Pp. 146–150.
21. Mingalev V. V. *Raskopki mogil'nika PyshtajnII v Gainskom rajone Komi-Permyackogo AO* [Excavations of the Pyshtainii burial ground in the Gayinsky district of the Komi-Perm Autonomous Okrug] // *Arheologicheskie otkrytiya 2005 g.* – Archaeological discoveries of 2005. M. Nauka (Science). 2007. Pp. 384–385.
22. Oborin V. A. *Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii 1960 g. Mogil'nik bliz d. PlesoGainskogo rajona* [Report on the work of the archaeological expedition 1960. Burial ground near Plesogainsky district] // *Arhiv Komi-Permyackogo kraevedcheskogo muzeya im. P. S. Subbotina-Permyaka – Archive of the Komi-Permyak Museum of Local Lore n. a. P. S. Subbotin-Permyak*. F. 926. Inv. 1. File 10.
23. Fedorova E. G. *Reka v pogrebal'noj obryadnosti narodov Sibiri* [River in the funeral rites of the peoples of Siberia] // *Reki i narody Sibiri : sb. nauch. st. – Rivers and peoples of Siberia : collection of scientific articles*. SPb. Nauka (Science). 2007. Pp. 216–237.
24. Shmuratko D. V. *Mitinskaya kurgannaya gruppa: rezul'taty raskopok 2020 g.* [Mitinskaya kurgan group: the results of excavations in 2020] // *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya – Herald of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals*. 2020. No. 10. Pp. 63–71.
25. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. M. Publishing House of Moscow University. 1994. 144 p.

Археология Нижнего Амура: исследования предметов мелкой пластики каменного века

З. С. Лапшина

кандидат исторических наук,

доцент кафедры церковно-практических и исторических дисциплин, Хабаровская духовная семинария.
Россия, г. Хабаровск. E-mail: Lapshinazoy@gmail.com

Аннотация. В нижнем течении реки Амур учеными открыто несколько сотен археологических памятников, содержащих, помимо артефактов каменной индустрии, предметы искусства. Объектом исследований автора является первобытное искусство каменного века Нижнего Приамурья, созданного культурами оседлых рыболовов (10–5 тыс. л. н.). Предметом исследований в предлагаемой статье стала история формирования коллекций мелкой пластики по опубликованным сведениям. Первые публикации под авторством академиков А. П. Окладникова и А. П. Деревянко вышли в середине XX в., первый общий свод образцов искусства Нижнего Приамурья выполнен А. П. Окладниковым и издан в цветном альбоме издательства «Аврора» в 1981 г. В нем представлены образцы всех жанров искусства (петроглифы, орнаменты на сосудах, мелкая пластика и объемные скульптуры) всех исторических эпох от каменного века до Средневековья. В альбом вошло малое число артефактов эпохи камня, поэтому оставалась задача более полного изучения коллекций искусства каменного века, с учетом значительного пополнения их количества по мере увеличения масштабов полевых исследований. В статье обобщены сведения из публикаций разных лет археологов В. Е. Медведева, Р. С. Васильевского, А. К. Конопацкого и других, работавших на Амуре в XX–XXI веках. Автором предложен анализ собственных публикаций с описанием находок предметов искусства, полученных раскопками поселения Хумми (Комсомольский район Хабаровского края), а также находок мелкой пластики из новооткрытых в крае памятников каменного века. В статье собраны сведения о находках антропоморфных, зооморфных, орнитоморфных и ихтиоморфных изображений из камня и глины. Новизна статьи заключается в отсутствии подобных исследований в нижнеамурской археологии, в необходимости подготовки общего свода коллекций первобытного искусства для отдельного издания.

Ключевые слова: каменный век, искусство, оседлые рыболовы, антропозооморфные, орнитоморфные, ихтиоморфные, изображения, история формирования коллекций.

Дальневосточная археология располагает большими коллекциями предметов искусства из культурных слоев памятников различных исторических эпох. Здесь расположены широко известные памятники древнего искусства – на юге петроглифы Нижнего Приамурья, а в северо-восточной части, на Чукотке, памятник наскального искусства на р. Пегтымель. Сфера научных интересов автора ограничена территориально югом Дальнего Востока и бассейном нижнего течения Амура, а хронологически – периодом нового каменного века (от 10 до 5 тыс. л. н.). Целью статьи является систематизация сведений о формировании коллекций предметов искусства в жанре мелкой пластики эпохи неолита из местонахождений Хабаровского края. Обобщение данных по искусству региона актуально по причине отсутствия общей базы источников, их каталогизации, специальных научных и популярных изданий. Отдельные статьи и сообщения могут выпасть из общей информационной среды специалистов, будучи опубликованы в узкогеографических небольших сборниках по итогам конференций. Первый и единственный альбом по теме искусства издан 40 лет назад, он не отражает всей полноты полученных археологами коллекций искусства.

Первыми публикациями предметов древнего искусства юга Дальнего Востока стали монографии А. П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» и совместная с А. П. Деревянко «Далекое прошлое Приморья и Приамурья» [17; 18]. В этих изданиях описывались отдельные находки, обнаруженные археологами во время раскопок археологических памятников на юге Дальнего Востока. Единственным целевым изданием по искусству Нижнего Приамурья стал цветной альбом академика А. П. Окладникова «Древнее искусство Приамурья» на английском языке, подготовленный издательством «Аврора» [23]. Он показал разнообразие и специфические черты древнего и средневекового искусства региона, отразил яркость и красочность этого творчества: рисунки на камнях и скалах, объемная скульптура и мелкие изображения,

украшения, орнаменты на сосудах. В альбоме красной нитью проходит корреляция археологических предметов искусства с декоративно-прикладным творчеством коренных народностей Амура. В этом первом своде представлено небольшое количество предметов по каждому жанру, но охвачены все исторические эпохи от каменного века до раннего Средневековья (13 тыс. л. н. – 12–13 вв. н. э.). В предлагаемой статье автор намерен представить историю формирования и содержание коллекций искусства одной из эпох – каменного века, лишь в одном жанре – мелкой пластики. В контексте предложенной темы история изучения предметов искусства заключается в объединении сведений об авторах раскопок и публикаций сведений о находках, их описании и первичной систематизации.

В 1980 г. в новосибирском сборнике «Звери в камне» из серии «Первобытное искусство» вышла первая статья о находках серии мелких глиняных фигурок в низовьях Амура. Это совместная публикация Р. С. Васильевского и А. П. Окладникова «Изображение медведей в неолитическом искусстве Северной Азии». В статье описана коллекция из 17 целых и ряда обломков керамических изображений медведя, полученных в поселении-острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края. Авторы отмечали, что «они изображены с хорошим знанием натуры и передают реалистические образы зверей. Медведи встречаются в различных позах. Они стоят, идут, сидят, держат рыбу лапами во рту» [1, с. 233–234]. Научная новизна этой публикации состояла в том, что на площади одного небольшого раскопа в слое Малышевской культуры (6–5 тыс. л. н.) содержалось более двух десятков керамических скульптурок медведей (не взрослых особей) разной степени сохранности. Многочисленность фигурок, очевидно, свидетельствовала о регулярности обрядовых действий, для которых они предназначались. Авторы обратились к изображениям медведей из памятников Кондон и Сикачи-Алян Амура, к скульптуре медведя из Сибири (Самусь). Они представили обширный материал по истории медвежьего культа Сибири и Дальнего Востока, отмечали центральное место культа медведя в модели мира древнейшего палеоазиатского этноса – нивхов. Сведения археологии подтвердили развитие и сохранение культа медведя от эпохи нового каменного века до XX столетия.

В 80–90-х годах XX в. археологические раскопки, проводимые В. Е. Медведевым, сотрудником ИАиЭ СОАН ССР, пополнили коллекцию образцов искусства находками из поселения на мысе Гася Хабаровского района. Керамическая фигурка медведя найдена им в жилище 3, принадлежавшем носителям Малышевской культуры неолита [4, с. 18]. В том же слое на другом раскопе обнаружена еще одна глиняная фигурка медведя [5, рис. 21]. Эти находки дополнили представления о культуре оседлых рыболовов, обитавших непосредственно рядом с памятником петроглифов Сикачи-Аляна, а также пополнили коллекцию изображений медведей.

Поисковые работы Археологической экспедиции Комсомольского-на-Амуре городского краеведческого музея пополняли фонд древнего искусства из памятников Комсомольского района края. В 1995 г. автором подготовлена статья «Образ птицы в первобытном искусстве Приамурья», в ней предложена разработка темы образа птицы в архаическом социуме. Привлечены сведения А. П. Окладникова, его выводы о сходстве изображения птицы из осиповского слоя стоянки Сикачи-Алян и рисунков петроглифов. Автором продолжен этот тематический ряд образцов искусства: описана и введена в научный оборот фигурка птицы, обнаруженная В. К. Арсеньевым в районе с. Вознесеновского в начале XX в. и хранящаяся в фондах Хабаровского краевого краеведческого музея. Манера изображения и технологические приемы обработки камня были аналогичны фигурке из нижнего слоя стоянки Сикачи-Алян, принадлежащего раннему этапу Осиповской культуры начального неолита (13–11 тыс. л. н.) [9]. В том же году опубликована статья «К проблеме искусства первобытных культур Нижнего Приамурья», в которой приведены новые находки из нижнего слоя поселения Хумми (раскопки 1989–1995 гг.): манупорт с обликом медвежонка, к ранее описанной коллекции фигурок птиц добавлена находка фигурки птицы из осиповского слоя поселения Гася (раскопки В. Е. Медведева). Описан также комплекс из восьми крупных бусин двух типов (удлиненно-цилиндрических и удлиненно-бочонковидных) зеленовато-голубого цвета, а также кольца и диска из зеленоватого и белого нефрита. Найденные залегали в осиповском культурном слое, изделия из нефрита показали раннюю границу использования этого камня в регионе. Проведен типологический анализ находок с бусиной из нижнего слоя Сикачи-Аляна, заготовки аналогичной бусины, найденной в районе Петропавловского озера. Таким образом, на раннем этапе Осиповской культуры начального неолита (13–11 тыс. л. н.) выделены два жанра искусства: мелкая пластика (фигурки птиц и медведей) и украшения. Предметы искусства представлены как характерная черта древнейшей культуры в регионе. Причины развития изобра-

зительного искусства связывались с ранней оседлостью. Обоснованием оседлости стало обнаружение котлована жилища в поселении Хумми [10]. Результаты исследований вошли в монографию «Древности озера Хумми» [11].

В 1996 г. опубликованы две статьи А. К. Конопацкого. Первая статья «Неолитическое искусство Нижнего Амура в свете новых находок» – в журнале «Гуманитарные науки в Сибири», вторая – «Основное содержание неолитического искусства Нижнего Амура» – в сборнике материалов Международной научной конференции, проходившей 22–25 марта 1994 г. в г. Владивостоке, «Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки». В них автор в таблице обобщает все известные ему находки предметов искусства из поселений неолита, но не дает их описания. Им введены в научный оборот находки головы лося и фигурки тигра в слое Вознесеновской культуры позднего неолита из поселения Малая Гавань. Он уделил внимание сюжетам петроглифов, выделив тему змеи в их сюжетах, и ее продолжение в орнаментике сосудов. Автор выделил основные каноны древнего искусства: антропоморфные личины, фигурки зверей, птиц, развитую тему змеи, находки изображений фигурок рыб [7; 8].

В упомянутом сборнике помещена статья И. Я. Шевкомуда по материалам раскопок 1995 г. стоянки Гончарка-1 возле села Новотроицкого, отнесенная им к числу памятников Осиповской культуры. Среди раскопанных остатков материальной культуры описано изображение рыбы (лосося) на ножевидной пластине, оформленной краевой ретушью [19].

В публикациях археологов начала XXI в. описываются материалы продолжающихся полевых исследований в низовьях Амура и обнаруженные в них предметы искусства. Центральное место в изучении искусства каменного века этого периода принадлежит В. Е. Медведеву. Он опубликовал серию статей, посвященных серийным находкам объемных скульптур, и отдельным предметам искусства, раскопанным им в слоях Осиповской, Малышевской и Вознесеновской культур ряда поселений Амура. Им выделены культовые центры каменного века, критерием выделения стали разнообразные находки скульптур и поделок, а также коллекции керамических сосудов (с изображением на их поверхности личин) и с криволинейными орнаментами. Ученый показал, что яркое и разнообразное искусство племен каменного века отражает сложную духовную жизнь и культовую практику, а в целом – высокий культурный уровень оседлых рыболовов [15]. В 2000 г. в Отчете о раскопках на о. Сучу, проводимых В. Е. Медведевым и академиком А. П. Деревянко совместно с корейскими коллегами, опубликованы материалы раскопок и предметы искусства Малышевской культуры из камня и глины, найденные в жилище № 24: обломок верхней части головы антропоморфной скульптуры; в жилище № 25 найдены каменная бусина, глиняные диски, фрагменты двух антропоморфных глиняных скульптур, а также изображения зверя в глине [6, с. 178, 551]. В том же году опубликована его статья «Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних», где он представил находки из жилищ Малышевской культуры поселения Сучу: глиняные изображения четырех птиц и фигурки лося, два миниатюрных, двухкомпонентных по содержанию керамических изображений тюленя-фаллоса (на одном конце изображен тюлень, на другом – фаллос) [14, рис. 6]. В 2005 г. В. Е. Медведев опубликовал изображение рыбы из малышевского слоя поселения Тахта в статье «Неолитические культовые центры в долине Амура» [15, рис. 35]. В публикации 2007 г. В. Е. Медведев предложил свод предметов искусства из камня (мелкая пластика, объемная скульптура и украшения): Осиповской (13–10 тыс. л. н.), Мариинской (9–7 тыс. л. н.), Малышевской (8–5,5 тыс. л. н.), Кондонской (5,5–4 тыс. л. н.) и Вознесеновской (5–3,3 тыс. л. н.) культур. В их числе представлены небольшие фигурки птиц (осиповского слоя Гася и мариинского слоя Сучу, вознесеновского слоя Кольчем-3) [16]. Он отметил, что количество образцов мобильных форм искусства значительно пополнилось, но они не достаточно освещены в публикациях [16, с. 46].

И. Я. Шевкомуд представил предметы мелкой пластики в слоях Вознесеновской культуры ряда памятников: фигурки птиц (Кольчем-2, 3, Рогачевский остров); рыб (Кольчем-3, Голый мыс-5), зверя (Кольчем-3). Вся эта серия оформлена двусторонней и краевой ретушью [20, табл. 78]. В 2012 г. он опубликовал статью «Ихтиоморфные ретушированные изображения осиповской культуры начального неолита Приамурья» в сборнике статей, посвященных 70-летнему юбилею В. Е. Медведева [21, с. 116–121]. В том же году вышла его совместная с О. В. Яншиной монография «Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1», в которой описаны условия залегания трех ретушированных изображений: рыбы типа лосося, опубликованного в 1996 г., и две плоские поделки, отнесенные им к ихтиоморфным. Находки не описываются подробно, но показаны рисунками в таблицах [22, рис. 74: 84–86].

В 2011 г. автором данной статьи представлен доклад на заседании секции «Первобытное искусство Ближнего и Дальнего Востока» III (XIX) Всероссийского археологического съезда (24–29 октября 2011 г., Великий Новгород – Старая Русса) и опубликована статья в сборнике материалов съезда. В них представлены сведения о ранней керамике и предметах искусства Осиповской культуры, полученные раскопками поселения Хумми: украшения четырех типов, фигурки птиц, рыбы, изображение собаки. Объем публикации не позволял сделать полное описание артефактов, поэтому они представлены только по типам и жанрам (украшения и мелкая пластика) [12]. В 2012 г. автором опубликована работа по описанию семи изображений рыб, обнаруженных в археологических памятниках Комсомольского района. Среди них находки из осиповского и урильского культурных слоев поселения Хумми; один артефакт (изображение рыбы из нефрита зеленого цвета) найден в погребальном инвентаре захоронения XIX в. (оздоровительный лагерь «Солнышко»). Описана отдельная находка (изображение рыбы из яшмы красного цвета), найденная в с. Нижние Халбы. Предметы искусства, посвященные рыбам, хронологически охватывали длинный исторический период от начала рыболовного промысла на Амуре (Осиповская культура, 13 тыс. л. н.) до эпохи этнографического времени конца XIX века [13].

Предметы искусства из культурного слоя Кондонской культуры (5–4 тыс. л. н.) представил М. А. Габрильчук в докладе на IX Гродековских чтениях (17–22 апреля 2018 г.) в г. Хабаровске. Содержание доклада опубликовано в сборнике материалов конференции. Автор представил описание и фотографию небольшой объемной скульптуры из базальта, а также фигурки рыбы из раскопок поселения Князе-Волконское-1 в 2009 г. Первая находка представляет собой цилиндрическую голову антропоморфного существа с широко расставленными глазами, оформлена методом пикетажа. Вторая находка – изображение рыбы на двугранной ножевидной пластине. Она аналогична фигурке рыбы из стоянки Гончарки-1 [2, с. 29, рис. 1: 2; 19, рис. 2: 11]. На памятнике Петропавловка-5. Грунтовый могильник-1 в раскопе 2009 г. в культурном слое Кондонской культуры обнаружена керамическая поделка: голова зоморфного персонажа красно-коричневого цвета [2, с. 30, рис. 1: 4].

Новые сведения о находках предметов искусства изложены в статье Т. С. Годиной в журнале «Записки Гродековского музея. Древняя история юга Дальнего Востока». Автор знакомит с находками стоянки Харпичан-4, открытой в 2006 г. А. В. Малявиным в Солнечном районе Хабаровского края [3, с. 77–80]. Памятник содержит слои Осиповской, Белькачинской и Кондонской культур начального и среднего этапов неолита (10–4,5 тыс. л. н.). В коллекции материалов имеются украшения, зооморфные и антропоморфные фигурки. Обратимся к мелкой пластике: 1. Фрагмент керамической скульптуры (голова, шея и торс). Изображен мужчина с бородой, усами и приоткрытым ртом, углубленными глазами с бровями взрет. Автор статьи представила находку как первое в регионе мужское скульптурное изображение в керамике. На наш взгляд, это первое изображение мужчины с бородой и усами в неолитическом слое возрастом 6–7 тыс. л. н. Антропологический тип не палеоазиатский, облик мужчины напоминает многочисленные тюркские изображения Южной Сибири первых веков нашей эры. 2. Каменная фигурка: голова хищной птицы с горбатым клювом и глазами-лунками из песчаника розоватого цвета, исполненная в технике пикетажа, пиления и резьбы. Фигурка оригинальна по облику, она может покачиваться при надавливании на клюв. Возможно, это детская игрушка. 3. Зооморфная фигурка копытного животного с массивным туловищем и опущенной вниз головой в позе зверя, идущего на водопой. Использована галька серого алевролита, артефакт выполнен в технике шлифовки, пиления и пикетажа, порода зверя не определяется. К сожалению, автор не указала культурную принадлежность каждой находки [3, рис. 1: 1–3].

Обсуждение. Изучение истории пополнения коллекций мелкой пластики является важной и необходимой работой по систематизации предметов искусства, полученных раскопками археологических объектов региона. В статье показан процесс публикаций сведений о находках мелких образцов искусства от середины XX века до конца 20-х годов XXI века. Собраны сведения об опубликованных артефактах за 70 лет исследований Нижнего Приамурья. Подготовлен фонд информации об артефактах первобытного искусства, выполненных в жанре мелкой пластики и относящихся к эпохам начального (Осиповская культура, 13–10 тыс. л. н.), раннего (Мариинская культура, 9–7 тыс. л. н.), среднего (Малышевская, 8–5,5 тыс. л. н. и Кондонская, 5,5–4 тыс. л. н. культуры) и финального (Вознесеновская культура, 5–3,3 тыс. л. н.) неолита. В ходе исследования возникли проблемы с определением сущности понятия мелкая

пластика и критерии включения в это число артефактов. Изначально понятие мелкая пластика в археологии относилось к мелким каменным плоским фигуркам, но по мере увеличения количества находок на практике в эту группу вошли и мелкие изделия из керамики, попадают туда и мелкие цилиндрические каменные изделия, так как они отвечают понятию «пластика» и соответствуют по размерам. Перечисленные в работе предметы искусства разделяются по тематике изображений и использованному материалу. Самое общее разделение по сырью – это предметы из камня и керамики. Тематически выделены два класса изображений: 1. Антропоморфные. 2. Зооморфные, орнитоморфные, ихтиоморфные фигурки. Подавляющее большинство находок представляет облик одного персонажа. Но имеют место и единичные двухкомпонентные произведения: В. Е. Медведев обнаружил в поселении Сучу две мелкие керамические фигурки тюленя-фаллоса, что соответствует тематике многочисленных находок объемных керамических скульптур того же памятника [14, рис. 6: 4–5]. Функциональное назначение мелких предметов искусства: предположительно, фигурки из камня и глины могут быть атрибутами сакральных обрядовых действий (общественных, семейных, индивидуальных) и детскими игрушками.

В статье собраны сведения о находках, опубликованных в разных, в том числе периферийных, изданиях ХХ–XXI вв. В процессе изучения артефактов как одного из жанров древнего искусства автором собрана и систематизирована информация о факте обнаружения, об условиях залегания, культурной принадлежности и облике предмета от автора раскопок или от автора публикации материала. По искусству мелкой пластики Осиповской культуры представлены находки А. П. Окладникова, В. Е. Медведева, З. С. Лапшиной, И. Я. Шевкомуда; артефакты Мариинской и Малышевской культур опубликованы А. П. Окладниковым, Р. С. Васильевским, В. Е. Медведевым, А. П. Деревянко; по Кондонской культуре – М. А. Габрильчуком, А. В. Малявиным; по Вознесеновской культуре – В. Е. Медведевым, А. К. Конопацким и И. Я. Шевкому. Материалы статьи позволяют представить в целом состояние и содержание коллекции источников по коллекции мелкой пластики всех неолитических культур Нижнего Амура. В статье предложена первичная систематизация коллекции, поставлена проблема определения критериев оценки для включения артефакта в число предметов жанра мелкой пластики.

Список литературы

1. Васильевский Р. С., Окладников А. П. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск : Наука, 1989. С. 230–238.
2. Габрильчук М. А. Предметы неутилитарного назначения археологических памятников Князе-Волконское-1 и Петропавловка (Поселение-5. Грунтовый могильник-1). Обобщения 2017 г. // Девятые Гродековские чтения : мат-лы Межрегиональной науч.-практ. конф., посв. 100-летию начала Гражданской войны в России. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2018. Т. 3. С. 28–31.
3. Година Т. С. Предметы искусства с памятника Харпичан-4 (Нижний Амур) // Древняя история юга Дальнего Востока. Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2019. Вып. 3. С. 77–80.
4. Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася (предварит. результаты, 1980 г.). Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1993. 110 с.
5. Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася (предварит. результаты, 1989–1990 гг.). Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1995. 65 с.
6. Деревянко А. П., Ю-Чжон Чо, Медведев В. Е. Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края в 2000 г. Сеул : изд-во ГИИКН РК Республика Корея, 2000. 563 с. (на корейском языке).
7. Конопацкий А. К. Основное содержание неолитического искусства Нижнего Амура // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки : мат-лы Межд. конф. 22–25 марта 1994 г. Владивосток, 1996. С. 146–148.
8. Конопацкий А. К. Неолитическое искусство Нижнего Амура в свете новых находок // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 3. С. 73–79.
9. Лапшина З. С. Образ птицы в первобытном искусстве Приамурья // Литература в контексте культуры : мат-лы науч.-практ. конф. Комсомол. гос. пед. инст. 26–28.11.1995 г. Комсомольск н/А, 1995. С. 4–11.
10. Лапшина З. С. К проблеме искусства первобытных культур Нижнего Приамурья // Орнаментальное искусство народов Дальнего Востока : сб. докл. Регион. науч.-практ. конф. 17–19.10.1995 г. Комсомольск н/А, 1995. С. 44–52.
11. Лапшина З. С. Древности озера Хумми. Хабаровск : Приамурское геогр. общество, 1999. 206 с.
12. Лапшина З. С. Ранняя керамика и предметы искусства осиповской культуры в поселении Хумми (Нижнее Приамурье) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 165–166.

13. Лапшина З. С. Скульптуры рыб в коллекции предметов искусства из археологических памятников Комсомольского района Хабаровского края // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2012. № 1. С. 161–167.
14. Медведев В. Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3 (3). С. 56–69.
15. Медведев В. Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 40–94.
16. Медведев В. Е. Каменные скульптурные изображения в неолите Нижнего Приамурья // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии : сб. науч. трудов / отв. ред. А. А. Тишкун. Барнаул : изд-во Азбука, 2007. С. 46–50.
17. Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. 292 с.
18. Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
19. Шевкомулд И. Я. Стоянка Гончарка-1 и некоторые проблемы мезо-неолитических комплексов на нижнем Амуре // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки : мат-лы Межд. конф. 22–25 марта 1994 г. Владивосток, 1996. С. 237–246.
20. Шевкомулд И. Я. Поздний неолит нижнего Амура. Владивосток : ДВО РАН, 2004. 156 с.
21. Шевкомулд И. Я. Ихтиоморфные ретушированные изображения осиповской культуры начального неолита Приамурья // Дальневосточно-сибирские древности : сб. научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения В. Е. Медведева. Новосибирск, 2012. С. 116–121.
22. Шевкомулд И. Я., Яншина О. В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб. : МАЭ РАН, 2012. 270 с.
23. Okladnikov A. P. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad : Aurora Art Publishers, 1981. 160 p.

Archeology of the Lower Amur: studies of objects of small plastic art of the Stone Age

Z. S. Lapshina

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Church-Practical and Historical Disciplines, Habarovsk Theological Seminary. Russia, Habarovsk. E-mail: Lapshinazoy@gmail.com

Abstract. In the lower reaches of the Amur River, scientists have discovered several hundred archaeological sites containing, in addition to artifacts of the stone industry, art objects. The object of the author's research is the primitive art of the Stone Age of the Lower Amur region, created by the cultures of sedentary fishermen (10–5 thousand years ago). The subject of research in the proposed article is the history of the formation of collections of fine plastics according to published information. The first publications under the authorship of academicians A. P. Okladnikov and A. P. Derevyanko came out in the middle of the twentieth century, the first general set of samples of art of the Lower Amur region was made by A. P. Okladnikov and published in a color album by the Aurora publishing house in 1981. It presents samples of all genres of art (petroglyphs, ornaments on vessels, small plastic and three-dimensional sculptures) of all historical epochs from the Stone Age to the Middle Ages. The album included a small number of artifacts from the Stone Age, so the task remained to study the collections of Stone Age art more fully, taking into account the significant replenishment of their number as the scale of field research increased. The article summarizes information from the publications of different years of archaeologists V. E. Medvedev, R. S. Vasilevsky, A. K. Konopatsky and others who worked on the Amur in the XX–XXI centuries. The author offers an analysis of his own publications describing the finds of art objects obtained by excavations of the settlement of Hummi (Komsomolsk district of the Habarovsk Territory), as well as finds of fine plastics from newly discovered Stone Age monuments in the region. The article contains information about the findings of anthropomorphic, zoomorphic, ornithomorphic and ichthyomorphic images made of stone and clay. The novelty of the article lies in the absence of such studies in the Lower Amur archeology, in the need to prepare a general set of collections of primitive art for a separate publication.

Keywords: Stone Age, art, sedentary fishermen, anthropo-zoomorphic, ornithomorphic, ichthyomorphic, images, history of the collection formation.

References

1. Vasil'evskij R. S., Okladnikov A. p. Izobrazheniya medvedej v neoliticheskem iskusstve Severnoj Azii [Images of bears in the Neolithic art of Northern Asia] // Zveri v kamne (Pervobytnoe iskusstvo) – Animals in stone (Primitive art). Novosibirsk. Nauka (Science). 1989. Pp. 230–238.

2. Gabril'chuk M. A. *Predmety neutilitarnogo naznacheniya arheologicheskikh pamyatnikov Knyaze-Volkonskoe-1 i Petropavlovka (Poselenie-5. Gruntovyj mogil'nik-1)*. Obobshcheniya 2017 g. [Objects of non-utilitarian purpose of the archaeological monuments of Knyaz-Volkonskoye-1 and Petropavlovsk (Settlement-5. Ground burial ground-1). Generalizations 2017] // Devyatye Grodekovskie chteniya : mat-ly Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., posv. 100-letiyu nachala Grazhdanskoy vojny v Rossii – The ninth Grodek readings : materials of the Interregional Scientific and Practical conference, dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the Civil War in Russia. Habarovsk. Habarovsk Regional Museum n. a. N. I. Grodek. 2018. Vol. 3. Pp. 28–31.
3. Godina T. S. *Predmety iskusstva s pamyatnika Harpichan-4 (Nizhnij Amur)* [Objects of art from the monument Harpichan-4 (Nizhny Amur)] // Drevnyaya istoriya yuga Dal'nego Vostoka. Zapiski Grodekovskogo muzeya – Ancient history of the South of the Far East. Notes of the Grodekovsky Museum. Habarovsk. 2019. Is. 3. Pp. 77–80.
4. Derevyanko A. P., Medvedev V. E. *Issledovanie poseleniya Gasya (predvarit. rezul'taty, 1980 g.)* [The study of the settlement of Gasya (preliminary results, 1980)] Novosibirsk. IAE SB RAS. 1993. 110 p.
5. Derevyanko A. P., Medvedev V. E. *Issledovanie poseleniya Gasya (predvarit. rezul'taty, 1989–1990 gg.)* [The study of the settlement of Gasya (preliminary results, 1989–1990)] Novosibirsk. IAE SB RAS. 1995. 65 p.
6. Derevyanko A. P., Yu-Jung Cho, Medvedev V. E. *Otchet o raskopkah na ostrove Suchu v Ul'chskom rajone Habarovskogo kraja v 2000 g.* [Report on excavations on Suchu Island in Ulchi district of Habarovsk Krai in 2000]. Seoul. Publishing house of GIIKN RK Republic of Korea. 2000. 563 p. (in Korean).
7. Konopackij A. K. *Osnovnoe soderzhanie neoliticheskogo iskusstva Nizhnego Amura* [The main content of the Neolithic art of the Lower Amur] // Pozdnij paleolit – rannij neolit Vostochnoj Azii i Severnoj Ameriki : mat-ly Mezhd. konf. 22–25 marta 1994 g. – Late Paleolithic - Early Neolithic of East Asia and North America : materials of the International Conference on March 22–25, 1994. Vladivostok. 1996. Pp. 146–148.
8. Konopackij A. K. *Neoliticheskoe iskusstvo Nizhnego Amura v svete novykh nahodok* [Neolithic art of the Lower Amur in the light of new findings] // Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia. Novosibirsk. 1996. No. 3. Pp. 73–79.
9. Lapshina Z. S. *Obraz pticy v pervobytnom iskusstve Priamur'ya* [The image of a bird in the primitive art of the Amur region] // Literatura v kontekste kul'tury : mat-ly nauch.-prakt. konf. Komsomol. gos. ped. inst. 26–28.11.1995 g. – Literature in the context of culture : materials of scientific and practical conf. Komsomol. State Pedagogical Institute. 26–28.11.1995 Komsomolsk-on-Amur. 1995. Pp. 4–11.
10. Lapshina Z. S. *K probleme iskusstva pervobytnyh kul'tur Nizhnego Priamur'ya* [On the problem of the art of primitive cultures of the Lower Amur region] // Ornamental'noe iskusstvo narodov Dal'nego Vostoka : sb. dokl. Region. nauch.-prakt. konf. 17–19.10.1995 g. – Ornamental art of the peoples of the Far East : collection of reports of Regional scientific and practical conf. 17–19.10.1995. Komsomolsk-on-Amur. 1995. Pp. 44–52.
11. Lapshina Z. S. *Drevnosti ozera Hummi* [Antiquities of Lake Hummi]. Habarovsk. Priamurskoe Geographical Society. 1999. 206 p.
12. Lapshina Z. S. *Rannaya keramika i predmety iskusstva osipovskoj kul'tury v poselenii Hummi (Nizhnee Priamur'e)* [Early ceramics and art objects of the Osipov culture in the settlement of Hummi (Lower Amur region)] // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda. Velikij Novgorod – Staraya Russa – Works of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod – Staraya Russa. SPb. – M. – Veliky Novgorod. 2011. Vol. 1. Pp. 165–166.
13. Lapshina Z. S. *Skul'ptury ryb v kollekci predmetov iskusstva iz arheologicheskikh pamyatnikov Komsomol'skogo rajona Habarovskogo kraja* [Fish sculptures in the collection of art objects from the archaeological monuments of the Komsomolsk district of the Habarovsk Territory] // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN – Herald of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 1. Pp. 161–167.
14. Medvedev V. E. *Novye syuzhetы v iskusstve nizhneamurskogo neolita i svyazанные с ними представления drevnih* [New subjects in the art of the Lower Amur Neolithic and related representations of the ancients] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2000. No. 3 (3). Pp. 56–69.
15. Medvedev V. E. *Neoliticheskie kul'tovye centry v doline Amura* [Neolithic cult centers in the Amur Valley] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2005. No. 4 (24). Pp. 40–94.
16. Medvedev V. E. *Kamennye skul'pturnye izobrazheniya v neolite Nizhnego Priamur'ya* [Stone sculptural images in the Neolithic of the Lower Amur region] // Kamennaya skul'ptura i melkaya plastika drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii : sb. nauch. trudov – Stone sculpture and small plastic of ancient and medieval peoples of Eurasia : collection of scientific works / resp. ed. A. A. Tishkin. Barnaul. Azbuka Publishing House. 2007. Pp. 46–50.
17. Okladnikov A. P. *Dalekoe proshloe Primor'ya* [The distant past of Primorye]. Vladivostok. 1959. 292 p.
18. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. *Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya* [The distant past of Primorye and the Amur region]. Vladivostok. Far Eastern Publishing House. 1973. 440 p.
19. Shevkomud I. Ya. *Stoyanka Goncharka-1 i nekotorye problemy mezo-neoliticheskikh kompleksov na nizhnem Amure* [The Goncharka-1 site and some problems of Meso-Neolithic complexes on the Lower Amur] // Pozdnij paleolit – rannij neolit Vostochnoj Azii i Severnoj Ameriki : mat-ly Mezhd. konf. 22–25 marta 1994 g. – Late Paleolithic – Early Neolithic of East Asia and North America : materials of the International Conference on March 22–25, 1994. Vladivostok. 1996. Pp. 237–246.

20. *Shevkomud I. Ya. Pozdnij neolit nizhnego Amura* [Late Neolithic of the Lower Amur]. Vladivostok. FEB RAS. 2004. 156 p.
21. *Shevkomud I. Ya. Ihtiomorfnye retushirovannye izobrazheniya osipovskoj kul'tury nachal'nogo neolita Priamur'ya* [Ichthyomorphic retouched images of the Osipov culture of the initial Neolithic of the Amur region] // *Dal'nevostochno-sibirskie drevnosti : sb. nauchnyh statej, posvyashchennyh 70-letiyu so dnya rozhdeniya V. E. Medvedeva – Far East-Siberian antiquities : collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the birth of V. E. Medvedev*. Novosibirsk. 2012. Pp. 116–121.
22. *Shevkomud I. Ya., Yanshina O. V. Nachalo neolita v Priamur'e: poselenie Goncharka-1* [The beginning of the Neolithic in the Amur region: Goncharka settlement-1]. SPb. Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. 2012. 270 p.
23. *Okladnikov A. P. Drevnee iskusstvo Priamur'ya* [Ancient Art of the Amur Region]. L. Aurora Art Publishers. 1981. 160 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.09

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.055

Категории готического и неоготического в малой прозе Иэна Макьюэна (на примере сборника «Меж сбитых простишней»)

О. Ю. Поляков¹, В. А. Малых²

¹доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9362-7720. ResearcherID: X-9101-2018. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

²младший научный сотрудник кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: stud142677@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сборника рассказов современного английского писателя Иэна Макьюэна «Меж сбитых простишней», который рассматривается в аспекте реализации устойчивых готических и неоготических жанрово-стилевых признаков на разных уровнях поэтики произведений: в сюжетно-мотивном плане, построении текстов, образной системе рассказов, их пространственно-временной организации.

Авторы делают вывод о том, что константы готического канона, актуализируемые в рассказах Макьюэна, изменяются в функциональном аспекте: в частности, ужасные события представлены подчеркнуто осуществимыми и обыденными; изображение девиантных проявлений психики героев способствует усилинию акцента на проблемах современного автору социума; конфликт добра и зла завершается торжеством, хотя и не безоговорочным, последнего; художественное пространство рассказов таит в себе угрозу для героев и наделено реально-ирреальными чертами; художественное время утрачивает линейный характер и становится хаотичным; писательская ирония приобретает философское звучание, распространяясь на онтологический уровень рассказов сборника.

Авторы статьи дополняют современную характеристику неоготического, выдвигая тезис о том, что в его основе – категория безобразного. В то время как в готических текстах возвышенное реализуется через ужасное, в произведениях неоготиков категория безобразного реализуется через патологичное, нашедшее воплощение, в частности, в произведениях И. Макьюэна.

Неоготические особенности рассказов И. Макьюэна (жестокое, безобразное, макабрическое, представленные в ходе эмоционально-бесстрастного авторского повествования; удвоение функций таких приемов, как пародия и гротеск) дают возможность говорить о том, что идейную основу сборника «Меж сбитых простишней» характеризует глубокий пессимизм, который в первую очередь связан с духовной и физической дезинтеграцией личности и, как следствие, абсолютным распадом и разрушением мира.

Ключевые слова: И. Макьюэн, готическое, неоготическое, художественное пространство и время, мотив.

В российском и англоязычном литературоведении последних десятилетий первостепенное внимание уделяется романному наследию И. Макьюэна [11; 14; 19], в то время как его рассказы анализируются, как правило, в аспекте их влияния на романную прозу писателя, либо их интерпретация включается в состав сборников научных трудов, посвященных творчеству Макьюэна в целом. В монографии Д. Малколма [17] представлен достаточно краткий анализ сборников «Первая любовь, последнее помазание» и «Меж сбитых простишней», в ходе которого определяются сюжетные, нарративные, характерологические, лингвистические особенности рассказов Макьюэна. Сборник критических статей «Творчество И. Макьюэна» под редакцией П. Чайлдса [16] освещает восприятие в современной англистике психосексуальных аспектов малой прозы писателя. Коллективный труд «Иэн Макьюэн: современные критические перспективы» [13] содержит статью Д. Бакстер о проявлении сюрреалистической поэтики в сборниках «Первая любовь, последнее помазание» и «Меж сбитых простишней».

В последнее время расширяются контексты и способы анализа произведений Макьюэна, которые включают рассмотрение его прозы с позиций гендерологии, теории травмы, а также большое внимание уделяется отражению в прозе английского автора социальных реалий 1970-х гг., ставших временем национального духовного кризиса [20]. В числе недавних работ, освещающих рассказы Макьюэна, можно отметить справочное издание Кембриджского университета [15], в первой главе которого кратко рассматриваются сборники «Первая любовь, последнее помазание» и «Меж сбитых простиней». В отечественном литературоведении рассказы Макьюэна исследованы эпизодически, преимущественно в проблемно-мотивном аспекте, в ряде небольших статей (М. Н. Глушкина, А. В. Кочергина) [2; 4] и разделе кандидатской диссертации О. В. Дорониной, посвященном дебютному сборнику писателя «Первая любовь, последнее помазание» [3]. Как видно из приведенного обзора, собственно готические и неоготические аспекты рассказов Макьюэна, в частности, составляющих сборник «Меж сбитых простиней», в англоязычной и российской науке практически не затрагиваются, что обуславливает необходимость обращения к данной проблеме.

В то время как готический канон достаточно полно рассмотрен отечественными литературоведами (устойчивые маркеры готического текста включают мотив тайны, атмосферу гнетущего ожидания, изображение темных сторон человеческой души, сверхъестественных событий, воплощение конфликта добра и зла, традиционные пространственные топосы и другое), неоготическое как категория и специфика его реализации в художественных произведениях требуют дополнительной разработки.

Среди российских ученых нет единого мнения относительно хронологических рамок неоготической литературы. Так, О. Е. Осовский рассматривает термин «неоготика» в качестве «условного неустойчивого наименования совокупности литературно-эстетических явлений в Западной Европе и США конца XIX–XX вв., связанных с художественным переосмыслением и обновлением европейской готической традиции, в частности, готического романа конца XVIII – первой половины XIX в.» [5, с. 636]. А. А. Пушкина еще больше раздвигает временные границы неоготической литературы – с рубежа XVIII–XIX вв. до конца XX в. [9, с. 327]. О. В. Разумовская полагает, что это понятие более уместно применять к произведениям XX в. с «ярко выраженным готическим антуражем» [10, с. 52]. В англоязычном литературоведении чаще всего оперируют понятием неоготического в связи с постмодернистской ситуацией (в частности, используется термин «метаготика», закрепляющий особый статус готического в мета-прозе). К неоготической литературе относят некоторые произведения Д. дю Морье [11, с. 15], А. Мердок, Д. Фаулза [6, с. 13]. Среди английских писателей-неоготиков называют М. Л. Пика, А. Картер, Г. Джойса, И. Макьюэна, П. Акройда, М. Эмиса.

Т. Н. Красавченко выделяет следующие особенности неоготической литературы: «описание деградации, распада мира <...>, разрушение и саморазрушение личности», «симбиоз готики, гротеска, фантастики, пародии» [5, с. 186]. В ней, по наблюдениям П. Макграта и С. Брума, нередко изображается одержимый идеей зла главный герой [см.: 8, с. 96]. Неоготику представляют также как своеобразный постмодернистский пастиш, в котором обыгрываются готические штампы [6, с. 146; 11, с. 15].

Как известно, готическое ассоциируется с возвышенным, источником которого является ужасное. Можно предположить, что неоготическое, в свою очередь, имеет некий категориальный базис, который можно описать в рамках эстетических понятий. В качестве такой основы, очевидно, может выступать безобразное, которое, так же как и возвышенное, может находить выражение через ужасное. Безобразное как категория эстетики, которая обозначает «нечто отталкивающее, вызывающее неудовольствие вследствие дисгармоничности, несоразмерности, неупорядоченности, и отражает невозможность или отсутствие совершенства» [1], в неоготической литературе воплощается через патологичное, что получило яркое воплощение в произведениях И. Макьюэна.

Его сборник «Меж сбитых простиней» развивает «намеченную в первом сборнике линию деморализации» [4, с. 101], однако при этом в нем больший акцент делается не столько на различных формах насилия, сколько на девиантных или даже, по словам Э. Маундера, «бредовых» проявлениях человеческой натуры [18, р. 280].

Так, в рассказе «Порнография» повествуется о продавце магазина порноизданий Майкле О'Бирне, который одновременно встречается с Паулиной, стажирующейся сиделкой, и медсестрой Люси. Он заражает любовниц венерической болезнью, и одна из встреч с ними становится актом мести, в ходе которого Паулина и Люси оскопляют главного героя.

В «Раздумьях обезьяны-альфонса» от лица примата излагается развитие его отношений с Салли Кли, страдающей от творческой стагнации писательницы одного романа: от статуса любовников до «изгнания» рассказчика, состояния взаимного недоверия и отсутствия диалога.

В новелле «Два фрагмента: Март 199...» показаны два дня из жизни тридцатилетнего отца-одиночки Генри в условиях постапокалиптического Лондона.

Новелла «Кончить разом и умереть» – это своеобразное воспоминание-исповедь одного из богатейших людей Лондона, влюбившегося в женский манекен, который воспринимается героем как реальная женщина. Рассказчик описывает историю своих отношений: от любовной идиллии до убийства «любимой» на почве ревности и долгой ссоры.

Новелла «Меж сбитых простиней» посвящена взаимоотношениям Стивена Кука с дочерью в условиях давно распавшегося брака.

В новелле «Туда-сюда» причудливым образом параллельно друг другу разворачиваются события рабочего дня в офисе, где рассказчик вынужден взаимодействовать с коллегой, и представляется зарисовка спящей ночью женщины, за которой повествователь наблюдает.

В «Психополисе» рассказчик повествует о своем пребывании в Лос-Анджелесе, о знакомстве с городом и его жителями, о своих впечатлениях от города и тех эксцентричных событиях, которые происходили с ним в этом «городе психопатов».

Перечисленные произведения мы рассмотрим сначала в разрезе поэтики готического, а затем выделим в них черты неоготики.

Одним из признаков готического текста является изображение сверхъестественного, ужасного или невероятного события. Так, в рассказе «Порнография» повествуется о кастрации главного героя, ставшей актом женской мести; в «Раздумьях обезьяны-альфонса» – о совокуплениях героини с обезьянкой; в произведении «Два фрагмента: март 199...» изображена жестокая сцена, в которой один из героев заставляет свою дочь проткнуть саблей живот; рассказ «Кончить разом и умереть» живописует сцены секса повествователя с кузиной и манекеном. В некоторых произведениях сборника, например, в «Психополисе», рассматриваемый нами признак находится на периферии повествования (протагонист лишь упоминает о том, как свел счеты с жизнью его приятель). В рассказе «Два фрагмента: март 199...» об ужасных событиях не говорится прямо: о произошедшей катастрофе свидетельствуют «остовы зажженных собак и кошек» [7, с. 23], а также называются только последствия этой катастрофы, которая привела общество в доиндустриальное состояние.

Как и в классических готических текстах, в рассказах И. Макьюэна изображается темная сторона человеческой натуры: их персонажи одержимы пороками, низменными желаниями, погружены в мир гротескной телесности, часто проявляемой в скатологическом аспекте. Герои многих рассказов второго сборника («Меж сбитых простиней», «Раздумья обезьяны-альфонса», «Порнография», «Кончить разом и умереть») склонны к самым разнообразным парафилиям: уролангии, педофилии, зоофилии, садомазохизму, агальматофилии. Кроме того, практически в каждом рассказе либо напрямую (через определенные действия), либо же посредством намеков (с помощью жестов, психологического состояния или интонации) герои транслируют свою жестокость и агрессию.

Надо отметить, что не всегда изображаемые И. Макьюэном в сборнике «Меж сбитых простиней» проявления темных сторон личности выражаются внешне, явно. Они могут и не получать в тексте непосредственной экспликации, а их распознавание в этом случае затруднено (например, в рассказе «Два фрагмента: март 199...» заботливый и любящий свою маленькую дочь Генри испытывает любопытство к жестокому, варварскому зрелищу), но эти проявления тьмы в человеке присутствуют всегда, они не только не исчезают бесследно, но и периодически дают о себе знать, обнаруживают себя. Рассказ «Психополис» в этом плане является ключевым. Уже одно его название само по себе негласно является как бы обобщенной характеристикой основного места действия, города, где живут герои: «Это город психопатов, полных психопатов» [7, с. 59]. Однако «Психополис» – это также очень точная характеристика самих героев данного рассказа (и, что еще важнее, героев малой прозы И. Макьюэна вообще, как справедливо отмечала А. В. Кочергина [17, с. 102]). Самы по себе герои «Психополиса» являются рассудительными, спокойными людьми и даже имеют некоторые достоинства: Мэри, владелице магазина феминистской литературы, свойственна «мягкость манер», «опасно красивым» и хорошим представлен Теренс, Джордж показан как гостеприимный хозяин дома, занимающийся воспитанием своих детей, а сам рассказчик любит играть на флейте. Таковы герои поодиночке, но их приятельская встреча (в гостях у Джорджа) выливается в бесконеч-

ный спор, острый конфликт («Мэри хватала за рукав Джорджа, который осатанело тыкал пальцем в сторону Теренса. На полу валялась пустая бутылка, кто-то опрокинул ведерко со льдом. Впервые в жизни я рвался высказать свое мнение о христианстве, насилии, Америке и прочем, требуя внимания, пока не потерял мысль» [7, с. 67]), который способна успокоить и вернуть героям психологическое равновесие только демонстрация приведенного в боевую готовность оружия («Оружие всех успокоило, в его присутствии мы уже не кричали» [7, с. 68]).

Дихотомия зла и добра, традиционно реализующаяся в готической литературе, тесно связана с мотивом тьмы. В сборнике этот признак дополняется использованием еще одного мотива, характерного готическим текстам, – мотива обаятельного, чарующего своей красотой зла: как Амбrosию, один из главных героев романа М. Г. Льюиса «Монах», очарован красотой явившегося ему серафима, за образом которого скрывается Люцифер; или как в повести Ж. Казота «Влюбленный дьявол» Альвар постепенно влюбляется в Бьондетту, хоть и знает, что под обликом красивой девушки скрывается сам дьявол, так и Майкл О'Бирн очарован привлекательностью Люси («Люси казалась иной. Никогда еще она не была так хороша <...> она смеялась и лишила его воли <...> приводила его на грани безумия» – «Порнография» [7, с. 10–11]), которая, пла-нируя отомстить герою, без труда лишает его возможности двигаться, после чего вместе с Паулиной готовит хирургические инструменты для оскопления Майкла. Также указанный мотив проявляется и в рассказе «Кончить разом и умереть», где красота женского манекена сводит рассказчика с ума, и в образе «опасно красивого» Теренса из рассказа «Психополис».

Однако во втором сборнике зло уже не может быть охарактеризовано как абсолютное, и его позиции не являются безоговорочными, так как герои способны проявлять добродетель. Например, Паулина и Люси работают в сфере медицины и лечат больных («Порнография»); Стивен проявляет отцовскую любовь к Миранде («Меж сбитых простыней»); обезьяна-рассказчик заботится о Салли Кли, несмотря на то, что их любовные отношения ухудшаются с каждым днем.

Важно отметить и то, что некоторые герои рассказов второго сборника пытаются побороть или подавить темные стороны своей личности. При этом решающим является сам способ борьбы: Майкл, например, идет путем самообмана, он отказывается принимать и признавать свою подверженность девиациям сексуального характера («Ему претила жуткая мысль о подневольном наслаждении», «она стала уговаривать примерить ее белье. О'Бирн отбивался, ужасаясь своему возбуждению. «Твоя беда в том, что ты боишься собственных радостей», – сказала Люси» [7, с. 9]), из-за чего и проигрывает эту борьбу. А главный герой рассказа «Меж сбитых простыней» выбирает другой способ борьбы. Он анализирует свои эмоции, тайные желания и чувства («Стивен расцепил дочкино объятье и <...> поспешил в кабинет, где плюхнулся в кресло, в ужасе и ликовании от своей эрекции. <...> Прошло десять минут. «Приди в себя, чего ты радуешься, все это очень серьезно», – говорил он себе»), после чего старается корректировать свое поведение, преодолевая тем самым тьму, таящуюся в нем, одерживая над ней победу, на что указывает одна из заключительных сцен рассказа: «Белизна ее запрокинутого горла почему-то навеяла яркую картинку из детства: укрытое ослепительным снегом белое поле, которое он, восьмилетний мальчик, не дерзнет осквернить следами» [7, с. 50–51]. Под снежным полем, которое выступает некой аллегорией, здесь подразумевается невинность и чистота спящей Миранды.

Рассказы Макьюэна обнаруживают сходство с готическими текстами на разных уровнях поэтики, включая категории пространства и времени. Как известно, в готическом произведении часто происходит смешение временных пластов. Также и в рассказах сборника «Меж сбитых простыней» нередко нарушается последовательность повествования, а категория времени моделируется включением воспоминаний героев, вставных конструкций, рукописей, писем. Рассказы второго сборника сохраняют и хронологическую нелинейность, хаотичность, изломанность.

Художественному пространству как категории в рассказах сборника «Меж сбитых простыней» свойственны те же приемы и особенности, которые характеризуют данную категорию и в первом сборнике (деление пространства на реальное и «иное», постоянное движение в замкнутое пространство из открытого, сосредоточение действия, событий в замкнутое пространство и другое), при этом обнаруживается и ряд новых особенностей.

Так, в рассказах второго сборника мы наблюдаем, как с помощью динамичной сменяемости, динамичного чередования пространственных координат реализуется (внутри самих произведений и на протяжении сборника в целом) постепенное увеличение пространства, его

расширение: тексты насыщены частой сменой локаций (герои перемещаются по улицам и городам, образуя своим передвижением некий пространственный лабиринт). Даже в таких рассказах, как «Кончить разом и умереть» и «Раздумья обезьяны-альфонса», где пространство предельно сжато и замкнуто, ограничено комнатами дома, в которых происходит действие, его (пространства) границы все равно стремятся к расширению. В первом рассказе это происходит за счет уходов рассказчика из дома («Часто приходилось уезжать, порой за сотни миль от дома» [7, с. 40]), анализа происходящих событий «пространственным» языком, фиксации внимания на разных изменениях в убранстве дома («...не так была застелена кровать, иначе пахло в ванной, на подносе был чуть сдвинут графин с виски. Хелен делала вид, что не замечает моего тоскливого рысканья по комнатам» [7, с. 40]). В рассказе «Раздумья обезьяны-альфонса» пространство удваивается использованием мотива сна, а точнее,очных кошмаров, мучающих главную героиню, проникновением ситуаций, персонажей и положений из написанного Салли романа в ее реальную жизнь, а цитирование отрывков этого романа рассказчиком привносит в пространство дома вселяющие тревогу образы кладбища и гроба.

Отдельно стоит отметить рассказ «Туда-сюда», в котором описания замкнутых до предела пространств – офиса, где работают герои, с комнатой и примыкающим к ней коридором и дома – параллельно сменяют друг друга. Причем, каждый раз переходя к пространству дома, мы обнаруживаем расширение этого пространства чуть ли не до космических масштабов, что напоминает использование Г. Ф. Лавкрафтом в своих произведениях образов небывалого охвата: «Слышно ее сонное дыхание. <...> Звери вышли на ночную охоту, с нижней ветви старого скрипучего дерева <...> сладкий запах дома... <...> Помнишь лесок, где голые сучья шишковатых коренастых деревьев сплелись в полог? <...> Ох... крохотный терпеливый героизм бессонницы, арктическая дыра больше самих ледяных просторов, она так велика, что бесформенна и неохватна глазом» [7, с. 52].

Таким образом, категория художественного пространства во втором сборнике Макьюэна по-прежнему таит в себе угрозу для героев, по-новому доведена до пределов, утрирована и наделена реально-ирреальными чертами.

Наконец, среди «готических» признаков произведений сборника «Меж сбитых прстыней» следует назвать зловещий фон повествования. Автор использует такие приемы, нагнетающие чувство тревоги, как изображение кошмарного сна, вторжение текста рукописи в реальность (Салли Кли разговаривает с главной героиней своего романа), введение абстрактных образов (например, «древнее туда-сюда»), характеристики состояния героя (маркеры гнева, раздражительности, злости, враждебности), использование мотива абсолютной, навязчивой или зловещей тишины («я вышел на середину комнаты и напоследок оглядел погруженную в полумрак и шипящую тишину комнату...», «Наверное, меня разбудила тишина, заполнившая дом» – «Раздумья обезьяны-альфонса» [7, с. 20–21]; «Тишина, а потом снова: «Медведь!» – теперь уже глушше, разочарованнее... без вскрика тишина кажется гуще... но вот понемногу стала привычной... никаких ожиданий... гнет тишины... в угасающем оранжевом мареве медведи» – «Туда-сюда» [7, с. 53]), мотива темноты и мотива смерти («Решение не оглядываться изменило мне у дверей. Обернувшись, я взгляделся в темноту, но ничего не увидел» – «Раздумья обезьяны-альфонса» [7, с. 20]; «Сейчас было тихо, в ушах шипела тьма. <...> было страшно вылезать из постели. <...> навалилось тоскливо предчувствие смерти, страх умереть не когда-нибудь вообще, а сейчас, в три пятнадцать ночи» – «Меж сбитых прстыней» [7, с. 50]; «Тьма расцветает голубоватой серостью» – «Туда-сюда» [7, с. 55]).

Отметим, что достаточно часто в рассказах второго сборника повторяется мотив сна или кошмара, который мучает героев. Так, кошмарам, заставляющим с криками просыпаться посреди ночи, и страху за жизнь (здесь мы сталкиваемся с использованием жанрового штампа, который тем не менее помогает нагнетать атмосферу, сгущает краски, то есть имеет определенную функциональность) подвергаются Соня и ее дочь («Туда-сюда»), Мойра Силлито и Салли Кли («Раздумья обезьяны-альфонса»), Стивен Кук и его дочь Миранда («Меж сбитых прстыней»).

Неоготическая поэтика сборника «Меж сбитых прстыней» связана прежде всего с презентацией в нем постмодернистского представления о бытии (распад мира, разрушение и саморазрушение личности).

Реализованный в рассказах второго сборника Макьюэна мотив личностной дезинтеграции демонстрирует, как далеко способен зайти человек, который стал заложником своих пороков, желаний и страстей. Наиболее ярко этот мотив проявляется в рассказах «Порнограф-

фия» и «Кончить разом и умереть». В первом из них главный герой заболевает венерической болезнью, у него появляется «гнилостный душок, исходящий от рук», а чтобы обратить «нестерпимый зуд» вокруг своих глаз в «терпимую боль», он с силой скребет себе веки и кожу вокруг глаз. Рассказчик второго произведения посредством душевных переживаний постепенно превращает себя в человека, который неизлечимо болен: «Главное же в том, что как человек я распадался, разваливался на куски. Я засыпал у телефона. У меня стали выпадать волосы. Из рта, где образовались язвы, несло вонью разлагающегося трупа. Я заметил, что в разговоре со мной деловые партнеры делают шаг назад. В заднице вскочили жуткие фурункулы» [7, с. 40].

Кроме того, нам неизвестны причины, приведшие мир из рассказа «Два фрагмента: март 199...» в постапокалиптическое состояние. Однако проблематика сборников говорит о том, что представленное И. Макьюэном будущее – это не что иное, как прямое авторское предостережение и еще одно следствие всестороннего личностного саморазрушения людей, утраты ими своей человечности, без которой описанная в «Психополисе» картина абORTA, совершающего женщины в канаве, воспринимается как что-то реальное и даже вполне обыденное.

К числу неоготических черт рассказов Макьюэна следует отнести симбиоз готики, гротеска, фантастики, пародии. Подобно тому, как в первом сборнике герои обретают черты странных существ, в сборнике «Меж сбитых простиней» также появляются гротескные образы: «Толстуха лет за пятьдесят в одних трусах и респираторе», «– Червяк... червяк... ты червячок... Я растопчу тебя, грязный червячок...» (Люси обращается к Майклу) [7, с. 2, 9]; «Сцепившись в борцовском захвате, они переступали боком, точно чудовищный краб» (картина драки за воду) [7, с. 23]; «По ней кулаком дубасил человек размером со здоровенного медведя. <...> Рыжие косматые волосы доходили ему почти до пояса. Густая клокастая поросль на голых руках напоминала шерсть. Даже глаза его были рыжие. <...> издавал громкий утробный рык» [7, с. 25]; Стивен Кук называет подругу своей дочки карлицей, «кому вся стать выступать в цирке или подавать чай в задрапированном шелками борделе?» [24, с. 48] и другое. Что же касается пародийности, которая в первом сборнике была тесно связана с последним рассказом и крылась в усилении театрального начала, то во втором сборнике ее сменяет некое фантастическое начало (Мойра Силлито – главная героиня единственной книги Салли Кли, которая изводит ее, Салли, своими приходами к ней и спорами; женский манекен по имени Хелен, в который влюблен рассказчик, «словно поджаривает» его «на вертеле»).

Анализ сборника «Меж сбитых простиней» позволяет говорить о тех особенностях его поэтики, которые, с одной стороны, сближают его с дебютным сборником писателя, а с другой – свидетельствуют об углублении тенденции к изображению человека, отчужденного от мира традиционных ценностей. Так, во втором сборнике продолжает свое развитие тема взаимоотношений героев, при этом акцент смешается с отношений между взрослыми и детьми в сторону отношений между мужчиной и женщиной; в большей степени через раскрытие сексуальных девиаций, нежели через другие формы патологий (как это было в первом сборнике), получает свое развитие и тема глубоко патологичного социума, психических отклонений. Однако в сборнике «Меж сбитых простиней» заметное усложнение претерпевают характеры персонажей. С одной стороны, на такое усложнение указывает рост числа ненадежных рассказчиков (несмешной актер в «Психополисе», обезьяна-альфонс, Теренс, рассказчик, влюбившийся в манекен), а с другой – наличие героев, которые, будучи подвержены тьме, не становятся ее абсолютным воплощением.

Неоготические особенности рассказов И. Макьюэна (жестокое, безобразное, макабрическое, представленные в ходе эмоционально-бесстрастного авторского повествования; удвоение функций таких приемов, как пародия и гротеск) дают нам возможность говорить о том, что основу художественных картин автора составляет глубокий пессимизм, который в первую очередь связан с духовной и физической дезинтеграцией личности и, как следствие, абсолютным распадом и разрушением мира.

Список литературы

1. Безобразное. URL: <https://esthetiks.ru/bezobraznoe.html> (дата обращения: 21.09.2021).
2. Глушкова М. Н. Готика и неоготика в рассказе Йена Макьюэна «Стереометрия» // Мировая литература в контексте культуры. 2011. № 6. С. 171–176.
3. Доронина О. В. Малая проза в творчестве английских писателей второй половины XX века (Р. Тремейн, Г. Свифт, И. Макьюэн) : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Доронина; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2003. 152 с.

4. Кочергина А. В. Идейно-тематическое своеобразие малой прозы Йена Макьюэна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. Ч. 1. С. 100–103.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : НПК «Интелвак», 2001. 799 с.
6. Локшина Ю. В. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2015. 161 с.
7. Макьюэн Й. Меж сбитых простишней : рассказы / пер. А. Сафонова. М. : Эксмо; СПб. : Домино, 2009. 72 с.
8. Пашков С. М. Языковые средства моделирования пространственно-временных характеристик неоготического романа: эмотивный аспект // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 7. № 1. С. 95–102.
9. Пушкина А. А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 2. С. 319–330.
10. Разумовская О. В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 48–53.
11. Скобелева Е. В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Москва, 2008. 16 с.
12. Хабибуллина Л. Ф. Психологическая травма в романах Й. Макьюэна («Суббота», «Чизил-Бич») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 308–318.
13. Baxter J. Surrealist Encounters in Ian McEwan's Early Work // Ian McEwan: Contemporary Critical Perspectives / ed. S. Groes. Bloomsbury : London; New York, 2013. P. 13–25.
14. Byrnes C. The Work of Ian McEwan: A Psychodynamic Approach. Nottingham : Paupers' Press, 2002. 318 p.
15. The Cambridge Companion to Ian McEwan / ed. D. Head. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 230 p.
16. The Fiction of Ian McEwan. A Reader's Guide to Essential Criticism / ed. P. Childs. London : Macmillan, 2005. 180 p.
17. Malcolm D. Understanding Ian McEwan. Columbia : University of South Carolina Press, 2002. 216 p.
18. Mounier A. The Facts on File Companion to the British Short Story. New York : Facts on File, Inc., 2007. 545 p.
19. Reynolds M., Noakes J. Ian McEwan: The Essential Guide. London : Vintage, 2002. 224 p.
20. Summers-Bremner E. Ian McEwan. Sex, Death and History. New York : Cambria Press, 2014. 230 p.

The categories of the gothic and the neo-Gothic in Ian McEwan's short stories (on the material of the collection "In Between the Sheets")

O. Yu. Polyakov¹, V. A. Malykh²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. ResearcherID: X-9101-2018. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

²junior researcher of the Department of Russian Language, master student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University.

Russia, Kirov. E-mail: stud142677@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the collection of short stories by the modern English writer Ian McEwen "Between the knocked down sheets", which is considered in the aspect of the implementation of stable Gothic and neo-Gothic genre-style features at different levels of poetics of works: in the plot-motive plan, the construction of texts, the figurative system of stories, their spatial and temporal organization.

The authors conclude that the constants of the Gothic canon, actualized in McEwan's stories, change in a functional aspect: in particular, terrible events are presented as emphatically feasible and mundane; the depiction of deviant manifestations of the psyche of the heroes contributes to an increased emphasis on the problems of modern society to the author; the conflict of good and evil ends with the triumph, although not unconditional, of the latter; the artistic space of the stories is fraught with a threat to the heroes and is endowed with real-unreal features; artistic time loses its linear character and becomes chaotic; the writer's irony acquires a philosophical sound, spreading to the ontological level of the collection's stories.

The authors of the article complement the modern characterization of the neo-Gothic, putting forward the thesis that it is based on the category of the ugly. While in Gothic texts the sublime is realized through the terrible, in the works of the Neo-Gothic, the category of the ugly is realized through the pathological, embodied, in particular, in the works of I. McEwan.

The neo-Gothic features of I. McEwan's stories (cruel, ugly, macabre, presented in the course of the author's emotionally dispassionate narration; the doubling of the functions of such techniques as parody and gro-

tesque) make it possible to say that the ideological basis of the collection "Between the Downed Sheets" is characterized by deep pessimism, which is primarily associated with the spiritual and physical disintegration of the individual and, as a consequence, the absolute disintegration and destruction of the world.

Keywords: I. McEwan, Gothic, neo-Gothic, artistic space and time, motif.

References

1. *Bezobraznoe* – Ugly. Available at: <https://esthetiks.ru/bezobraznoe.html> (date accessed: 09/21/2021).
2. Glushkova M. N. *Gotika i neogotika v rasskaze Jena Mak'yuena "Stereometriya"* [Gothic and neo-gothic in Ian McEwan's story "Stereometry"] // *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* – World Literature in the context of culture. 2011. No. 6. Pp. 171–176.
3. Doronina O. V. *Malaya proza v tvorchestve anglijskih pisatelej vtoroj poloviny XX veka* (R. Tremain, G. Swift, I. Mak'yuen) : dis. ... kand. filol. nauk [Small prose in the works of English writers of the second half of the twentieth century (R. Tremaine, G. Swift, I. McEwan) : dis. ... PhD in Philology] / O. V. Doronina; Lomonosov Moscow State University. M. 2003. 152 p.
4. Kochergina A. V. *Idejno-tematicheskoe svoeobrazie maloj prozy Jena Mak'yuena* [The ideological and thematic originality of Ian McEwan's short prose] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2015. No. 7. Part 1. Pp. 100–103.
5. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatiy* – Literary Encyclopedia of terms and concepts / chief ed. and comp. A. N. Nikolyukin. M. NPK "Intelvak". 2001. 799 p.
6. Lokshina Yu. V. *Tradicii goticheskogo romana v tvorchestve Ajris Merdok i Dzhona Faulza* : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03 [Traditions of the Gothic novel in the works of Iris Murdoch and John Fowles : dis. ... PhD in Philology: 10.01.03]. M. 2015. 161 p.
7. McEwan I. *Mezh sbityh prostynej : rasskazy* [Between the downed sheets : stories] / transl. A. Safronova. M. Eksmo; SPb. Domino. 2009. 72 p.
8. Pashkov S. M. *Yazykovye sredstva modelirovaniya prostranstvenno-vremennyyh harakteristik neogoticheskogo romana: emotivnyj aspekt* [Linguistic means of modeling the space-time characteristics of the Neo-Gothic novel: emotive aspect] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Herald of the Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin. 2014. Vol. 7. No. 1. Pp. 95–102.
9. Pushkina A. A. *Goticheskij roman i zarozhdenie neogoticheskogo napravleniya v kul'ture* [The gothic novel and the emergence of the neo-gothic trend in culture] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Herald of Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin. 2015. Vol. 2. No. 2. Pp. 319–330.
10. Razumovskaya O. V. *Ponyatie o goticheskem i neogoticheskem stile v kontekste istorii literatury* [The concept of gothic and neo-gothic style in the context of literary history] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalista* – Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism. 2014. No. 4. Pp. 48–53.
11. Skobeleva E. V. *Tradiciya "goticheskogo" romana v anglijskoj literature XIX i XX vekov* : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03 [The tradition of the "Gothic" novel in English literature of the XIX and XX centuries : abstract of the dis. ... PhD in Philology: 10.01.03]. M. 2008. 16 p.
12. Habibullina L. F. *Psichologicheskaya travma v romanah J. Mak'yuena ("Subбота", "Чизил-Бич")* [Psychological trauma in the novels of J. McEwan ("Saturday", "Chisil Beach")] // Herald of Tomsk State University. Philology. 2020. No. 65. Pp. 308–318.
13. Baxter J. Surrealist Encounters in Ian McEwan's Early Work // Ian McEwan: Contemporary Critical Perspectives / ed. S. Groes. Bloomsbury : London; New York, 2013. Pp. 13–25.
14. Byrnes C. The Work of Ian McEwan: A Psychodynamic Approach. Nottingham : Paupers' Press, 2002. 318 p.
15. The Cambridge Companion to Ian McEwan / ed. D. Head. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 230 p.
16. The Fiction of Ian McEwan. A Reader's Guide to Essential Criticism / ed. P. Childs. London : Macmillan, 2005. 180 p.
17. Malcolm D. Understanding Ian McEwan. Columbia : University of South Carolina Press, 2002. 216 p.
18. Mounier A. The Facts on File Companion to the British Short Story. New York : Facts on File, Inc., 2007. 545 p.
19. Reynolds M., Noakes J. Ian McEwan: The Essential Guide. London : Vintage, 2002. 224 p.
20. Summers-Bremner E. Ian McEwan. Sex, Death and History. New York : Cambria Press, 2014. 230 p.

Проблема изучения творческой истории сборника А. Т. Аверченко «Записки Простодушного»: к 100-летию первого издания

В. Д. Миленко

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература»,
Севастопольский государственный университет.
Россия, г. Севастополь. E-mail: vika-milenco@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является попытка комплексного воссоздания творческой истории сборника А. Т. Аверченко «Записки Простодушного» (1921) и решения основных проблем его изучения. Автор формулирует значимость цикла в наследии писателя, определяет его литературную роль и подчеркивает, что он рассматривается достаточно редко, в основном в обзорах. Этим обусловлены актуальность и научная новизна темы исследования, приуроченного к 100-летию книги.

По материалам константинопольской франко-русской газеты *Presse du Soir* («Вечерняя пресса») 1920–1922 гг. воссоздается первая редакция цикла, характеризуются художественные функции острания (диалога автора и рассказчика), устраняются разночтения в написании прозвища героя. Сопоставляются газетная редакция и первое отдельное константинопольское издание, являющееся библиографической редкостью, что затрудняет текстологическую работу. Автор статьи не только приводит результаты сопоставления (появление обрамления, изменение структуры и так далее), но и высказывает предположения о причинах корректив, источниках финансирования книги, привлекая малоизвестные материалы архива писателя. Характеризуется реакция «русского Константинополя» на книгу.

Газетный цикл и константинопольское издание далее сопоставляются с берлинским переизданием «Записок Простодушного» 1923 г., ставшим наиболее объемной и продуманной авторской версией цикла. Прослеживается история дальнейших, посмертных переизданий книги в России и в Европе. Отдельное внимание уделяется парадоксальной политической судьбе «Записок Простодушного». Прохладно встреченная русским зарубежьем, эта книга после выхода в 1922 г. в Москве послужила советской пропаганде.

Результаты исследования применимы как в работе по изучению наследия эмиграции первой волны в целом и Аркадия Аверченко в частности, так и в контексте анализа отечественной смеховой литературы XX в.

Ключевые слова: Аркадий Аверченко, «Записки Простодушного», *Presse du Soir*, текстология, редакция, цикл, пикареска, образ рассказчика, повествовательная маска, образ автора, анекдотизм.

Сто лет назад, осенью 1921 г., в Константинополе увидел свет сборник «Записки Простодушного» А. Т. Аверченко². Эта книга занимает особое место в наследии писателя. Она – первая эмигрантская, она же – наиболее концептуальная, гармоничная по форме и содержанию из всех его сборников. Тема, идея, заглавие, образы рассказчика и автора – все в ней подчинено единой цели изображения быта русских беженцев на Босфоре. К тому же «Записки...» – единственная после «Сатириконцев в Европе» (1915) книга Аверченко, содержащая сведения автобиографического характера (хотя и с изрядной долей мистификации).

Литературное значение «Записок...» трудно переоценить. Во-первых, это классика смехового жанра³. Во-вторых, некоторые главы цикла позволяют говорить о возрождении отечественной пикаресской (плутовской) прозы. Напомним, символ тараканых бегов в глубочайшем философском прочтении метаморфозы русского характера впервые использовал именно Аверченко, именно в «Записках...».

Интересна и политическая судьба книги. Русское зарубежье встретило ее прохладно: читателю недоставало антисоветской тенденциозности, отличавшей другие работы Аверченко того времени. Зато в Москве, где сборник переиздали уже в 1922 г., он стал подспорьем в деле пропаганды. Имя Аверченко еще не было забыто, его слово по-прежнему многое значило, и это слово, то есть содержание «Записок...», убеждало в том, что эмиграция – ошибка и трагедия.

© Миленко В. Д., 2021

² Далее «Записки...».

³ О популярности книги в наши дни говорит, к примеру, обыгрывание ее заглавия: «Записки простодушного, или Религия и атеизм в их истинах и неправдах» (1991) С. А. Колдунова, «Записки простодушного. Жизнь в Москве» (2018) В. З. Санникова и др.

Полагаем, вышеуказанного достаточно для того, чтобы современная филология обратила на книгу более пристальное внимание. Тем более что предпосылки к ее серьезному изучению были заложены еще в начале 1990-х гг. [9], а в последнее время ею заинтересовались в Турции⁴ [13; 20; 21]. Тем не менее ни одной специальной работы о «Записках...» так и не появилось; цикл по сей день рассматривают преимущественно в обзорах [17; 19]. Что же касается попыток воссоздать его творческую историю, то они не предпринимались вовсе. На этом пути исследователь столкнется с многочисленными проблемами: константинопольский период биографии Аверченко малоизвестен, материалов этого времени почти нет в его архиве, мемуарные свидетельства также редки. Мы впервые предпринимаем попытку комплексного воссоздания творческой истории сборника, обозначая основные трудности в ее изучении и намечая пути их решения. В этом видятся **актуальность и научная новизна** темы исследования, приуроченного к 100-летнему юбилею книги.

Основным источником сведений о константинопольском «сидении» Аверченко сегодня является франко-русская газета *Presse du Soir*, с которой писатель сотрудничал в 1920–1922 гг. Отечественным специалистам она малодоступна, так как хранится в фондах Славянской библиотеки – Национальной библиотеки Праги. Нам посчастливилось работать с этим изданием.

Presse du Soir позволяет восстановить первую редакцию «Записок...» – прежде чем выйти отдельным изданием (во второй редакции) цикл печатался в этой газете. Публикация началась 4 декабря 1920 г., примерно через три недели после эвакуации автора из Севастополя. Она включала «Предисловие» и комический очерк «Первый день в Константинополе», объединенные общим заглавием «Записки Простодушного». Концепция цикла сложилась у Аверченко сразу, вскоре по приезде. Столь же быстро, в первом же очерке, родилась ключевая для понимания замысла метафора «города-зверя», в котором предстоит жить по волчьим законам:

«Рев, крики, стоны и вопли неслись уже со всех сторон.

Зверь встал на задние лапы, потянулся и, широко открыв огромную пасть, заревел: зверь хотел кушать» [3, с. 3].

Позднее, в «Константинопольском зверинце» и «Втором посещении зверинца», метафора станет развернутой. Рассказчик посетует на то, что в «городе-звере» хорошо устроились только «люди-звери».

В первой редакции «Предисловия» не было рассказа об эвакуации, приводилась лишь притча о дураке. Очевидно, шутить над крымской катастрофой в тот момент не хотелось. Писатель понимал, что пароходным трюром, в котором его герой прибудет в Константинополь во второй редакции «Предисловия», гордиться не приходится.

Подчеркиваем: не сам Аверченко прибудет, а его герой и одновременно рассказчик. Магистральная интрига «Записок...» состоит в попытке уверить читателя в том, что автор и есть Простодушный. Впервые это происходит в «Русском искусстве», где актриса Аннушка сначала обращается к рассказчику: «Слушайте, Простодушный! Очень хочется вас видеть» [4, с. 3], а чуть ниже объясняет своей барыне: «Ихняя фамилия – Аверченко» [там же]. Разумеется, это мистификация. Перед нами обычный прием острания: диалог скорбящего автора и веселящегося рассказчика-простака, придающий глубину анекdotическому содержанию книги.

Газетная редакция позволяет решить проблему разночтений в написании прозвища героя. При переизданиях оно приводилось то с прописной, то со строчной буквы. Правильно следует читать – Простодушный. В этом случае невольно возникает ассоциация, к примеру, с вольтеровским «Простодушным» (1767). Однако, по нашему мнению, Аверченко о литературных параллелях не задумывался. Он просто нашел эвфемизм, чтобы не называть своего героя «дураком/дурачком», и в том же «Предисловии» обозначил идею цикла: настало время, подобно дураку из притчи, плакать на свадьбе и рыдать на похоронах. «Пора, пора – давно пора – пересмотреть наше отношение к дураку, – пишет Аверченко. – Он мудрец. Может быть, раньше это было трудно понять, но теперь, когда вся Россия вывернулась наизнанку и сидит на чемоданах и узлах, – мы многое должны пересмотреть и переоценить.

Впрочем, если быть искренним, то за “бывшего” дурака, а ныне мудреца я расплачиваюсь не без тайной цели: попутно я хочу оправдать и себя, потому что отныне я тоже решил “улыбаться на похоронах”...» [3, с. 3].

Писатель старался предвосхитить упреки в неуместном веселье. Раз его герой – дурачок, так на дураков не обижаются. А вот его дурацкая наивность и готовность всем поддаки-

⁴ В 2018 г. в Стамбуле вышел перевод сборника на турецкий язык «Bir Safdilin Hatira Defteri» (в переводе М. Йылмаза).

вать и во всем участвовать сделают абсурд русской жизни в Константинополе более зримым. Позволят показать изнанку этой жизни, ведь дурачков не стесняются. Эта-то повествовательная маска, сама по себе жанрообразующая, помноженная на лейтмотив голода и сопутствующий ему принцип «какая честь, когда нечего есть» (у Аверченко: «В Константинополе все удобно» [8, с. 6]), авантюрную философию «лови момент!» и стихию смеха, маркируют совершенно конкретный жанр – пикареску. Хотя писатель и до революции обращался к нему, особенно в годы Первой мировой войны, бичуя спекуляцию, но оставался наблюдателем. Подлинное возрождение жанра стало возможным лишь тогда, когда плутовская стихия захлестнула и начала «антивоспитывать» его самого. И в полном согласии с жанровым каноном Аверченко задействует в «Записках...» кумулятивную сюжетную схему, нанизывая эпизоды на хронотопы *дороги* (Гран рю де Пера, центральная магистраль района Пера) и *мегаполиса* с его многоголосием и многоязычием: «Как во время настоящего приличного столпотворения – все говорили на всех языках» [4, с. 3].

В *Presse du Soir* было напечатано 12 глав цикла⁵. Их нумерация порой сбивалась или вообще отсутствовала. 5 сентября 1921 г. газета сообщила, что «Записки...» скоро выйдут отдельной книгой [10, с. 44]. Видимо, спешкой объясняется то, что газетная редакция осталась без «Заключения», то есть без обрамления. 25 сентября 1921 г. журнал «Зарница» сообщил о поступлении «Записок...» в продажу [23, с. 21].

Здесь возникает еще одна проблема. Константинопольское издание книги – библиографическая редкость. Его нет даже в фондах крупнейших Российской государственной и Российской национальной библиотек⁶, что затрудняет текстологическую работу. Однако нам удалось исследовать экземпляр, представленный в Славянской библиотеке – Национальной библиотеке Праги. Утверждаем: такого оформления книг Аверченко не было ни до, ни после. На обложке (а не на шмүцтибуле, как обычно) помещался фотопортрет писателя, устало подпирающего голову рукой. Вряд ли такой дизайн следует объяснить тем, что на услугах художника сэкономили. Аверченко сам хорошо рисовал и в случае крайней нужды мог сделать обложку. Вероятнее другое: это была часть все той же мистификации, о которой шла речь выше.

Сопоставление первой и второй редакций «Записок...» дает следующие результаты:

1. У цикла появилось обрамление. «Предисловие» обрело заглавие «Предисловие Простодушного. (Как я уехал)», эпиграф о попугае и кошке и было расширено рассказом об эвакуации, задающим всей книге анекдотический дух и тон. С ним интонационно контрастирует «Заключение», где автор, сбросив маску Простодушного, подводит невеселые итоги года жизни в изгнании.

Трудно сказать, для чего понадобилось дополнение о путешествии Простодушного в пароходном трюме. Возможно, требовался какой-то старт, точка отсчета злоключений. Либо это метафора: со дна судна герой будет выброшен на дно жизни. В «Аргонавтах и золотом руне» на замечание приятеля о том, что «Константинополь – золотое дно», Простодушный отвечал: «Дно-то дно <...> Только золотое ли?» [2, с. 3]. Очевидна и карнавальная перемена местами верха и низа: рассказчик просил подать ему пароход к парадной Графской пристани, рассчитывая на каюту, а оказался в трюме. Есть еще один уровень смысла, доступный, правда, лишь севастопольцам: в Южной бухте, где Простодушного взяли на борт, швартовались не пассажирские, а грузовые суда. То есть герой и сотоварищи утратили свою природу: перестали быть людьми, превратились в груз. Что и озвучивается Простодушным: «...команда не прочь была бы даже выкинуть нас всех за борт, только чтоб развязаться с беспокойным, непоседливым грузом» [1, с. 7].

Отдельной проблемой рисуется интерпретация авторской интонации в рассказе о крымской эвакуации. Аверченко, вероятно, единственным из всех, кто когда-либо писал об этом, позволил себе шутить. На правах биографа писателя решимся утверждать: это не случайность, а жизненная позиция. Позднее, оказавшись в Европе, Аверченко также вспоминал об этой трагедии с юмором. Например, делился с румынами: «...держались мы до последнего,

⁵ Структура цикла в *Presse du Soir*: «Предисловие. Первый день в Константинополе» (4 декабря 1920 г.), «Галантная жизнь Константинополя. Деловая жизнь» (11 декабря 1920 г.), «Русские женщины в Константинополе» (18 декабря 1920 г.), «Русское искусство» (24 декабря 1920 г.), «Аргонавты и золотое руно» (19 января 1921 г.), «Оккультные тайны Востока» (12 февраля 1921 г.), «Константинопольский зверинец» (25 февраля 1921 г.), «Второе посещение зверинца» (14 марта 1921 г.), «Нечто военное» (19 апреля 1921 г.), «Благородная девушка» (14 мая 1921 г.), «Бриллиант в три карата» (3 сентября 1921 г.).

⁶ Далее РГБ и РНБ.

но когда нас оттеснили так, что мы уже висели на кончике крымской черноморской скалы, пришлось плюхнуться в море и приплыть к гостеприимным туркам» [18, с. 86]. Беремся объяснять юмор Аверченко его гордостью. Он никогда не признал бы себя побежденным. А умному – достаточно и «Записок...». В «Заключении» автор прощал со своей маской:

«...умер Простодушный...

Доконал Константинополь русского Простодушного. <...>

Выковали из нас – благодушных, мягких, ласковых дураков – прочное железное изделие» [1, с. 93].

Так финал цикла перекликается с началом: люди-«груз» через год жизни в изгнании стали железными.

2. Изменилась структура цикла. Во-первых, последовательность глав стала иной. Во-вторых, фельетон «Нечто военное», высмеивающий греческого полководца Папуласа, Аверченко исключил (он явно расходился с темой сборника). В-третьих, писатель счел, что этой теме отвечают фельетоны из *Presse du Soir*, изначально не отнесенные к циклу: «Лото-Тамбала», «О гробах, тараканах и пустых внутри бабах», «Еще гроб» и «Русские в Византии». Помимо этого, структура была расширена переработанными фельетонами из севастопольской газеты «Юг России»: «Развороченный муравейник», «Великое переселение народов», «Трагедия русского писателя» и «Язык богов». Количество глав увеличилось с 12 до 19.

3. Появились лирический подзаголовок «О нашей жизни, страданиях, о веселых и грустных случаях, о приключениях, о том, как мы падали, поднимались и снова падали, о нашей жестокой борьбе и о тихих радостях...» и адресат: «Дружески посвящаю Юлии Прокопович (Горской)». Заметим: посвящение обескураживает. Личность женщины нами установлена: это была актриса театра Аверченко «Гнездо перелетных птиц», мимолетное его увлечение, вряд ли заслуживавшее такого увековечения. Ниже мы попытаемся решить и эту проблему.

4. Особенность издания – обилие рекламы (17 объявлений), не всегда связанной с книгоиздательским делом. Предлагались услуги мужского портного (с указанием, что он шьет для «Гнезда перелетных птиц», то есть и для автора), ресторана «Григория Карпыша» (где Аверченко был завсегдатаем), торгового дома Бориса Прегеля (писатель с ним дружил), ювелирной мастерской, банкирского дома, коньячно-водочного завода и так далее. Сегодня эта реклама воспринимается как иллюстрация к «Запискам...»: русские contadorы, банки с пафосными названиями размещались по самым невероятным адресам. Так, издательство «Культура» работало на Пера, 451, при входе в трактир «Медведь». Книга пестрит и скрытой рекламой: в тексте упоминаются ресторан Сарматова, отель «Токатлиан», комиссионный магазин «Окказион» и так далее.

Вероятнее всего, «Записки...» выпускали на паях⁷. На материальную поддержку Врангеля, как это было в Крыму⁸, Аверченко больше не мог рассчитывать. Книга не отвечала задачам белой пропаганды и рисовала отдельных представителей разбитой Русской армии откровенно карикатурно. Что касается *Presse du Soir*, как будто имевшей на «Записки...» некоторые права, то материальные дела газеты именно в это время пошатнулись. Ее владелец тайно получал помощь от кемалистов [14]. Личных средств у Аверченко также не было. В июне 1921 г. он сетовал в письме Ю. И. Чеховичу на то, что его «денежные дела... кособокие – совсем съехали набекрень» [6, л. 1 об.]. И делился: «...тут одни арапы предлагают мне издать книгу фельетонов, но так как это жульнический городишко – этот самый Бизанс, то я побаиваюсь. А вдруг они мошенники?» [там же]. Возможно, речь шла именно о «Записках...», а назвать «арапов» пока затруднительно.

Между тем интересно установить, кто финансировал издание, потому что вышел скандал. «Русский Константинополь» юмора в свой адрес не понял и не оценил. Вскоре после выхода книги Аверченко вызвал на дуэль оскорбленный офицер [15, с. 93]. Писатель рассказывал, что к нему явился подвыпивший «сын Марса» и требовал удовлетворения: автор де обидел в «Записках...» его «друга персонально» и «всю корпорацию русских аристократов» [8, с. 5]. Визитер упрекал писателя в том, что он развернул оружие смеха против «своих». Аверченко же смеялся над ним.

⁷ Следующие два сборника Аверченко «Дети» и «Кипящий котел», оба 1922 г., выпущенные в Константинополе издательством «Культура», не содержат рекламных объявлений.

⁸ При финансовой поддержке врангелевского Правительства Юга России были изданы книги Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» и «Нечистая сила», обе в 1920 г.

Конечно, подобный скандал – тоже реклама. В остальном упреки в адрес автора книги порой справедливы. Одна только новелла «Оккультные тайны Востока», где он сравнил оголившего русского военного, согласившегося от безысходности посетить хироманта, с рабом римского патриция, на котором пробовали качество яда, балансирует на грани анекдота и откровенной бес tactности. Ставяясь понять такую позицию Аверченко, мы нашли единственно возможное объяснение. Он не отделял себя от своих персонажей – недаром и в подзаголовке говорил «о наших невзгодах», и в «Заключении» переходил с «я» на «мы».

Аверченко выживал наравне со всеми. Ему пришлось в своем театре-кабаре конфериовать, плясать, даже петь [22, с. 256–258]. Некоторые коллеги считали подобное занятие порочащим высокое звание писателя. К примеру, автор эссе «Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе» (1923 г.) утверждал, что если бы кто-то из литераторов XIX в., подобно Аверченко, открыл кабак, ему никто не подал бы руки [11, с. 35]. Возможно, такие замечания высказывались и вслух, поэтому «Записками...» Аверченко дал сдачу по принципу «а судьи кто?».

Тем не менее вопросы остаются. Писатель не мог не понимать и должен был думать о том, как его слово отзовется не в Константинополе, а в Москве. А оно отзывалось необыкновенно быстро: 22 ноября 1921 г., буквально через два месяца после выхода «Записок...», «Правда» напечатала фельетон Ленина «Талантливая книжка». Это была рецензия не на «Записки...», а на «Дюжину ножей в спину революции», но время ее появления совпало с константинопольским вызовом Аверченко на дуэль. Определенно зная об инциденте, большевики устроили провокацию: писателя не поняли «свои» – белые, зато хвалят «чужие» – красные. Статью Ленина перепечатали и другие советские издания, в частности, петроградская «Красная газета» [16, с. 2], и европейская пресса, например, чехословацкое коммунистическое *Rudé právo* [23, с. 6]. Автор «Записок...» пережил тогда не лучшие времена и вынужден был защищаться на страницах той же *Presse du Soir* [8, с. 5].

Тем временем ленинская «Талантливая книжка» послужила сигналом: в новой России говорить об Аверченко и печатать его – можно. Уже в феврале 1922 г. «Гудок» поместил саркастическую рецензию на «Записки...», назвав их персонажей «жалкими людьми» и резюмируя: «Талантливо сделанная книжка оставляет жуткое впечатление. Аркадий Аверченко, может быть, помимо своей воли, воздал должное тем, кто ушел из России» (курсив наш – В. М.) [10, с. 2]. Перефраз названия ленинской статьи очевиден, как и провокационная суть выводов рецензента. Еще через месяц, в марте 1922 г., некто М. Ефимович, в котором угадывается Михаил Ефимович Кольцов, в то время сотрудник Наркомата иностранных дел и фельетонист «Правды», в критическом обзоре «Русская книга за границей» похвалил «Записки...» и пришел к такому же умозаключению, что и «Гудок»: «...о жизни самой эмиграции можно получить понятие только от... эмигрантских юмористов. Лишь они взяли на себя задачу выявить всю грусть, скуку и безверие зарубежного бытия» [12, с. 76]. И в качестве иллюстрации привел из «Записок...» фельетон «Русские в Византии» – анекдот о двух аристократах, не сумевших стреляться из-за дорогоизны дуэльных пистолетов.

Эти и другие публикации давали парадоксальную идеологическую оценку книге: Аркадий Аверченко талантливо выполнил задачу сатирического развенчания белой эмиграции. И в конце 1922 г. «Записки...» полностью переиздали в Москве.

Московское издание, в отличие от константинопольского, не редкость. Представлено оно и в нашем личном собрании, поэтому свидетельствуем: книжка недорогая, карманного формата, без иллюстраций, на мягкой обложке помещена анонимная карикатура на Простодушного (Рис. 1).

При исследовании этой книги также возникают проблемы. Прежде всего, не удалось установить личность выпустившего ее Н. С. Шуленина, который, судя по каталогам РГБ и РНБ, не издал больше ничего. Далее расхождения московского переиздания с константинопольским хотя и малочисленны, но концептуальны. Вместо лирического

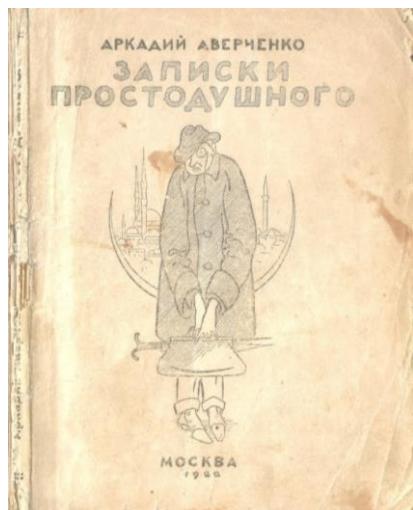

Рис. 1. Обложка «шуленинского» издания.
Из личного собрания автора.

подзаголовка появился новый – «Эмигранты в Константинополе»; посвящение актрисе Горской исчезло.

Важно понять, по чьей воле были внесены эти корректизы. Если Шуленин сэкономил место – это одно, если выполнил пожелания автора – другое. Мы не исключаем того, что книга вышла не «пиратским» образом, а с ведома Аверченко. Во-первых, гражданская война закончилась, а он остро нуждался в средствах. Во-вторых, так он мог подать весточку о себе близким, давно потерявшим его из виду. И они эту книгу не пропустили. 7 ноября 1922 г. по-другу писателя актриса М. С. Марадудина, оставшаяся в России, писала ему: «Недавно в Москве вышла книга твоих рассказов "Записки Простодушного"» [22, с. 388].

Однако в России у писателя остались и более близкие люди: мама, сестры и – об этом стало известно недавно – жена. С 1915 г. Аверченко состоял в невенчанном браке с оперной певицей Е. Ф. Петренко. Весной 1920 г. их отрезало друг от друга фронтом, он ждал ее в Севастополе до последней возможности, уехал один, затем тщетно звал к себе в Константинополь. Возможно, именно обида побудила его посвятить «Записки...» другой женщине, разделившей с ним первые эмигрантские мытарства. А когда речь зашла о переизданиях, тем более в Москве, Горскую потребовалось убрать. Посвящение ей, как и лирический подзаголовок, Аверченко снял и в берлинском переиздании «Записок...», к которому переходим.

Эту третью по счету редакцию цикла автор в октябре 1922 г. продал издательству «Север». Оформление книги перекликалось одновременно и с константинопольским, и с московским. На обложке помещался шарж на Простодушного, сидящего спиной к читателю. А на шмуцтитуле он как бы разворачивался, открывал лицо: там был напечатан портрет автора, да еще и подписанный рукой Аверченко как «Простодушный» (Рис. 2). Мистификация продолжалась. Продолжалась она и в том, что писатель добавил подзаголовок «Я в Европе. Турция – Чехо-Словакия», опять же отождествляя себя с героем и рассказчиком.

Рис. 2. Обложка и портрет-мистификация со шмуцтитула берлинского издания.
Из личного собрания М. Ю. Гоголина.

Одновременно с «Записками...» «Север» выпустил антисоветский сборник Аверченко «Смешное в страшном». Предпосланное ему «Извинение автора», полагаем, можно рассматривать и как превентивное объяснение с теми, кто мог бы не понять «Записки...»:

«Не преступление ли – отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли – весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бия себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать?.. <...>

...смеяться можно.

Больше того, – смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или – весело, рассыпчато рассмеяться» [5, с. 3–4].

Структура цикла вновь изменилась. К воспроизведенному без особых корректировок константинопольскому изданию Аверченко добавил еще три фельетона из *Presse du Soir* и семь фельетонов, написанных уже в Праге под первым впечатлением от города. Итого 29 глав. Эта, самая полная, версия «Записок...» стала канонической в нашей стране.

Таким образом, представляется возможным подвести некоторые **итоги**:

– проблема изучения творческой истории «Записок...» в целом вытекает из труднодоступности и скучности материалов по теме; основные источники сосредоточены в фондах Славянской библиотеки – Национальной библиотеки Праги;

– при жизни автора существовали три редакции цикла: газетная, константинопольская и берлинская;

– первая редакция в составе предисловия и 12 глав увидела свет в константинопольской франко-русской газете *Presse du Soir* 4 декабря 1920 – 3 сентября 1921 г.; она позволяет устраниТЬ разночтения в написании прозвища героя;

– вторая редакция (предисловие и 19 глав) предназначалась для отдельного издания, выпущенного в Константинополе издательством «Новый Сатирикон» в конце сентября 1921 г. и ставшего библиографической редкостью, что затрудняет текстологическую работу; проблемными также видятся интерпретация посвящения сборника, выяснение источников его финансирования и так далее;

– сопоставление первой и второй редакций обнаруживает изменение структуры (появление обрамления, иной последовательности глав, расширение цикла за счет фельетонов из *Presse du Soir* и переработанных фельетонов из севастопольской газеты «Юг России»), добавления подзаголовка, посвящения и так далее;

– третья редакция представлена в сборнике, выпущенном в 1923 г. берлинским русским издательством «Север» и ставшим наиболее объемной версией цикла (предисловие и 29 глав).

Не имея возможности в рамках данной статьи затронуть все проблемы изучения «Записок...», наметим их пунктирно. Полагаем, стоит сосредоточиться на проблеме жанрового своеобразия, диалога автора и рассказчика, художественных функциях и основных приемах комического, типологии образов «бывших» и так далее. Изучение книги Аверченко, отметившей 100-летний юбилей, безусловно, требуется продолжить.

Список литературы

1. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. Константинополь : Новый Сатирикон, 1921. 93 с.
2. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. VII. Аргонавты и золотое руно // *Presse du Soir*. 1921. 19 января.
3. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. I. Предисловие. Первый день в Константинополе // *Presse du Soir*. 1920. 4 декабря.
4. Аверченко А. Т. Записки Простодушного. V. Русское искусство // *Presse du Soir*. 1920. 24 декабря.
5. Аверченко А. Т. Извинение автора // В кн. : Смешное в страшном. Новые рассказы. 1920–1923. Берлин : Книгоиздательство «Север», 1923. С. 3–4.
6. Аверченко А. Т. Письмо Ю. И. Чеховичу // РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–3.
7. Аверченко А. Т. Русские в Византии (Исторический роман Аркадия Аверченко) // *Presse du Soir*. 1921. 9 июля.
8. Аверченко А. Т. Pro domo sua // *Presse du Soir*. 1921. 14 декабря.
9. Агеносов В. В. Аверченко в Константинополе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 1996. № 4. С. 42–54.
10. Белогвардейский зверинец («Гуд.<ок>») // Власть труда. 1922. 14 февраля.
11. Браславский А. Я. Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе (стенографический отчет одного ночных заседания). Константинополь, 1923. 36 с.
12. Ефимович М. Русская книга за границей // Россия. 1922. № 1. С. 76–78.
13. Инаныр Эрмине Стамбульский дискурс в творчестве А. Т. Аверченко в контексте русского мифа в турецкой литературе // Короб культурных кодов : сб. в честь на 65-годишината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Велико Търново, 2016. С. 463–470.
14. Йылмаз Мустафа, Кысаджик Убейдуллах Русская эмигрантская газета в Константинополе *Presse du Soir* и ее владелец Максимов в переписке представителей турецкого правительства // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. научных работ : к 70-летию профессора В. В. Агеносова. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2012. С. 78–83.
15. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 551 с.

16. Ленин Н. Талантливая книжка // Красная газета. 1921. 24 ноября.
17. Непорада Н. П. Тип «маленьского человека» в системе малых повествовательных жанров писателей-сатириконцев : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2015. 186 с.
18. Объявление о выходе новой книги Аркадия Аверченко «Записки Простодушного» // Зарницы. 1921. № 23. С. 21.
19. Романова К. С. Рецепция Константинополя-Стамбула в русской литературе первой трети XX века : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2019. 163 с.
20. Тюркан Олджай Белоэмигрантская литература и периодика в Стамбуле // Интернаука. 2017. № 10-2 (14). С. 50–54.
21. Тюркан Олджай Литературная деятельность белоэмигрантов в Стамбуле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9-1. С. 93–97.
22. Хлебина А. Е., Миленко В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М. : Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. 543 с.
23. Dvanáct ran nožem do zad revoluce // Rudé právo. 1921. 14 декабря.

The problem of studying the creative history of A. T. Averchenko's collection "Notes of the Simple-Minded": to the 100th anniversary of the first edition

V. D. Milenko

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian Language and Russian Literature.
Russia, Sevastopol. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is an attempt to comprehensively recreate the creative history of A. T. Averchenko's collection "Notes of the Simple-Minded" (1921) and solve the main problems of its study. The author formulates the significance of the cycle in the writer's legacy, defines its literary role and emphasizes that it is considered quite rarely, mainly in reviews. This is due to the relevance and scientific novelty of the research topic dedicated to the 100th anniversary of the book.

Based on the materials of the Constantinople Franco-Russian newspaper *Presse du Soir* ("Evening Press") of 1920–1922, the first edition of the cycle is recreated, the artistic functions of the estrangement (dialogue between the author and the narrator) are characterized, discrepancies in the spelling of the hero's nickname are eliminated. The newspaper editorial office and the first separate Constantinople edition, which is a bibliographic rarity, are compared, which complicates textual work. The author of the article not only provides the results of the comparison (the appearance of framing, changing the structure, and so on), but also makes assumptions about the reasons for adjustments, sources of funding for the book, attracting little-known materials from the writer's archive. The reaction of "Russian Constantinople" to the book is characterized.

The newspaper cycle and the Constantinople edition are further compared with the Berlin reprint of the "Notes of the Simple-Minded" in 1923, which became the most voluminous and thoughtful author's version of the cycle. The history of further, posthumous reprints of the book in Russia and in Europe is traced. Special attention is paid to the paradoxical political fate of the "Notes of the Simple-Minded". Coolly received by the Russian abroad, this book served Soviet propaganda after its publication in Moscow in 1922.

The results of the study are applicable both in the work on the study of the legacy of emigration of the first wave in general and Arkady Averchenko in particular, and in the context of the analysis of the Russian laughing literature of the twentieth century.

Keywords: Arkady Averchenko, "Notes of the Simple-Minded", *Presse du Soir*, textual criticism, editorial, cycle, picaresque, narrator's image, narrative mask, author's image, anecdote.

References

1. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo* [Notes of the Simple-minded]. Constantinople. Novy Satiricon (The New Satyricon). 1921. 93 p.
2. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo. VII. Argonavty i zolotoe runo* [Notes of the Simple-minded. VII. Argonauts and the Golden Fleece] // *Presse du Soir*. 1921. January 19.
3. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo. I. Predislovie. Pervyj den' v Konstantinopole* [Notes of the Simple-minded. I. Preface. The first day in Constantinople] // *Presse du Soir*. 1920. December 4.
4. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo. V. Russkoe iskusstvo* [Notes of the Simple-minded. V. Russian art] // *Presse du Soir*. 1920. December 24.
5. Averchenko A. T. *Izvinenie avtora* [The author's apology] // V kn. : *Smeshnoe v strashnom. Novye rasskazy*. 1920–1923 – In the book: Funny in scary. New stories. 1920–1923. Berlin. Publishing house "North". 1923. Pp. 3–4.

6. Averchenko A. T. *Pis'mo Yu. I. Chehovichu* [Letter to Yu. I. Chehovich] // RSALA. F. 32. Inv. 1. File 97. Sh. 1–3.
7. Averchenko A. T. *Russkie v Vizantii (Istoricheskij roman Arkadiya Averchenko)* [Russians in Byzantium (A historical novel by Arkady Averchenko)] // Presse du Soir. 1921. July 9.
8. Averchenko A. T. *Pro domo sua* // Presse du Soir. 1921. December 14.
9. Agenosov V. V. A. Averchenko v Konstantinopole [A. Averchenko in Constantinople] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie – Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary Studies.* 1996. No. 4. Pp. 42–54.
10. *Belogvardejskij zverinec ("Gud.<ok>")* – The White Guard menagerie ("Gud.<ok>") // *Vlast' truda – The power of labor.* 1922. February 14.
11. Braslavsky A. Ya. *Podval literatorov, ili Posmertnye pohozhdeniya russkikh pisatelej v Konstantinopole (stenograficheskij otchet odnogo nochnogo zasedaniya)* [The Basement of Writers, or the Posthumous adventures of Russian writers in Constantinople (verbatim report of one night session)]. Constantinople. 1923. 36 p.
12. Efimovich M. *Russkaya kniga za granicej* [Russian book abroad] // Rossiya – Russia. 1922. No. 1. Pp. 76–78.
13. Inanyr Ermine Stambul'skij diskurs v tvorchestve A. T. Averchenko v kontekste russkogo mifa v tureckoj literature [Istanbul discourse in the works of A. T. Averchenko in the context of the Russian myth in Turkish literature] // *Korob kul'turnyh kodov : sb. v chest na 65-godishnjinata na prof. d.f.n. Dechka Chavdarova – Box of cultural codes : collection in the 65th anniversary of Prof. PhD Dechka Chavdarov.* Veliko Tarnovo, 2016. Pp. 463–470.
14. Jylmaz Mustafa, Kysadzhik Ubejdullah *Russkaya emigrantskaya gazeta v Konstantinopole Presse du Soir i ee vladelec Maksimov v perepiske predstavitelej tureckogo pravitel'stva* [Russian emigrant newspaper in Constantinople Presse du Soir and its owner Maximov in the correspondence of representatives of the Turkish government] // *Russkij Harbin, zapechatlennyj v slove : sb. nauchnyh rabot : k 70-letiyu professora V. V. Agenosova – Russian Harbin, imprinted in the word : collection of scientific papers : to the 70th anniversary of Professor V. V. Agenosov.* Blagoveschensk. Amur State University. 2012. Pp. 78–83.
15. Levickij D. A. *Zhizn' i tvorcheskij put' Arkadiya Averchenko* [The life and creative path of Arkady Averchenko]. M. Russkiy put' (Russian Way). 1999. 551 p.
16. Lenin N. *Talantlivaya knizhka* [Talented book] // *Krasnaya gazeta – The red newspaper.* 1921. November 24.
17. Neoporada N. p. *Tip "malen'kogo cheloveka" v sisteme malyh povestvovatel'nyh zhanrov pisatelej-satirikoncev : dis. ... kand. filol. nauk. 10.01.01* [The type of "little man" in the system of small narrative genres of satiric writers : dis. ... PhD in Philology: 10.01.01]. M. 2015. 186 p.
18. *Ob'yavlenie o vyhode novoj knigi Arkadiya Averchenko "Zapiski Prostodushnogo"* – Announcement of the release of Arkady Averchenko's new book "Notes of the Simple-Minded" // Zarnicy – Zarnitsy. 1921. No. 23. P. 21.
19. Romanova K. S. *Recepciya Konstantinopola-Stambula v russkoj literature pervoj treti XX veka : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Reception of Constantinople-Istanbul in Russian literature of the first third of the XX century : dis. ... PhD in Philology: 10.01.01]. M. 2019. 163 p.
20. Turkan Oljay *Literaturnaya deyatelnost' beloemigrantov v Stambule* [White Emigrant literature and periodicals in Istanbul] // Internauka – Interscience. 2017. No. 10–2 (14). Pp. 50–54.
21. Turkan Oljay *Literaturnaya deyatelnost' beloemigrantov v Stambule* [Literary activity of white emigrants in Istanbul] // *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya – International Journal of Experimental Education.* 2016. No. 9–1. Pp. 93–97.
22. Hlebina A. E., Milenko V. D. *Bezhenskie i emigrantskie gody Arkadiya Averchenko (1918–1925)* [The refugee and emigrant years of Arkady Averchenko (1918–1925)]. M. Dmitry Sechin Publishing House. 2013. 543 p.
23. Dvanáct ran nožem do zad revoluce // Rudé právo. 1921. December 14.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 687.01

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.057

Образ гротескного тела: от первопраздника к альтернативной моде

Л. А. Молчанова

кандидат исторических наук, доцент кафедры компьютерных технологий
и художественного проектирования, Удмуртский государственный университет.
Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0002-8379-3450. E-mail: lusmolchan@mail.ru

Аннотация. Тема альтернативной моды малоизучена, особенно с точки зрения ее социальных корней и психологических истоков. Она приобретает актуальность именно сегодня, в первой четверти XXI в., когда тотальный плюрализм постмодерна набирает силу. В официальной моде отсутствуют какие-либо нормы и правила, она становится «всеядной». Гротескные образы, в прошлом характерные только для альтернативных молодежных субкультур, сегодня буквально «заполонили» подиумы, их популярность все время растет. На наших глазах антимода становится официальной модой. В связи с этим возникает необходимость осмысления столь глобальных перемен в модном процессе.

Целью настоящей статьи является определение истоков и исследование причин возникновения альтернативной моды с ее парадоксальными, гротескными образами. В статье впервые поставлен вопрос о ментальных основах появления образов гротескного тела в молодежной среде. Этими основами являются архетипы, которые, будучи концентрацией доисторического опыта человечества, проявляют себя особенно ярко именно в период становления личности. Творцы антимоды самореализуются в молодежных субкультурах. Они своим асоциальным поведением неосознанно воспроизводят архетипическую ситуацию первопраздника, изначально призванного нарушать запреты, а манипуляциями с собственным телом эти бунтовщики воссоздают архетип возрастных инициаций, мучительные телесные испытания которых сопровождали подростков из поколения в поколение в течение тысячелетий.

В результате исследования удалось понять природу образов гротескного тела не только в современных молодежных культурах, но и в традиционном ряжении, истории моды и современной моде, выявить их глубинную связь с социальными явлениями первобытности.

Теоретическая значимость предлагаемой статьи заключается в том, что ее материалы открывают сравнительно новый и малоизученный аспект исследования моды и могут быть использованы в лекционных курсах и разработке методических пособий в разных областях гуманитарных знаний: культурологии, искусствоведения, философии, социологии, психологии и тому подобное.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов для более углубленного понимания феномена альтернативной моды в процессе подготовки дизайнеров костюма. Материалы статьи помогут и практическим дизайнерам более осмысленно подойти к созданию гротескных образов, которые сегодня весьма актуальны.

Ключевые слова: гротескное тело, инициация, архетип, молодежные субкультуры.

Актуальность данного исследования определяется кардинальной сменой культурной парадигмы в отношении человеческой телесности. В сегодняшнем многомерном и быстроменяющемся мире человек по-новому осознает и проявляет себя. Наступила эпоха общедоступной пластической хирургии в сочетании с постмодернистским мышлением.

Мода постмодерна порождает гротескные образы, которые раньше были характерны только для маргиналов. Альтернативная мода проникает в официальную, и нарушение всех правил приличия становится нормой. И эти перемены требуют осмысления.

Целью настоящей работы является исследование психофизиологических и социально-исторических предпосылок возникновения гротескных образов в альтернативной моде.

В статье использовался историко-генетический метод, который предполагает выявление исторических истоков предмета исследования. Кроме того, в статье используется структурно-семиотический подход, который предполагает поиск в изучаемых явлениях универсальных, инва-

риантных структур и позволяет рассматривать творение модных образов как знаковую деятельность, а костюм, надетый на человека, как систему знаков, как текст, который требует расшифровки. В работе также использованы такие общенаучные методы исследования, как сравнительный анализ, синтез, обобщение собранного теоретического материала.

Проблему телесной семантики и особенности телесных образов в контексте разных культур исследовали авторы: Р. Барт, М. М. Бахтин, И. А. Бескова, И. М. Быховская, Э. Гуссерль, Е. Н. Князева, В. Л. Круткин, М. Мерло-Понти, Л. В. Жаров, М. Мосс, В. А. Подорога, Г. Л. Тульчинский, П. Д. Тищенко и др.

Понятие гротескного тела ввел в гуманитарную науку М. М. Бахтин. Он разграниril об разы культурного тела и тела гротескного и высказал необходимость проследить борьбу этих концепций тела в истории моды [3, с. 417]. На наш взгляд, эта борьба началась с самого зарождения моды как таковой. А до возникновения моды образы гротескного тела господствовали в искусстве и народной культуре повсеместно. Время от времени они напоминают о себе в истории костюма и продолжают существовать в современной моде.

Само слово гротеск означает причудливый, затейливый, необычный. М. М. Бахтин в своем исследовании подчеркивает телесную природу гротеска. Гротеск чрезмерен, избыточен, он всегда нарушает границы дозволенного [3, с. 393].

Впервые человек стал творить свой телесный образ в обрядовой практике первобытности. Изначально в сообществе формирующихся людей царил первозданный хаос. Не было еще никаких норм и правил человеческого общежития. Каннибализм и инцест не считались преступлением [14, с. 210]. Все свершалось самым естественным образом. Но именно хаос в качестве первопотенции считается началом творения [15, с. 581].

Очеловечивание началось с запрета на инцест, об этом писали многие исследователи. Зигмунд Фрейд в своей работе «Тотем и табу» подчеркивал огромное значение половых запретов в первобытном обществе. С введением запретов зародилась совесть, качество, по мнению З. Фрейда, выделившее человека из царства животных. По Фрейду, с введениемексуальных запретов в сообществе пралюдей возникло соперничество детей с отцом (доминантным самцом), и они решили избавиться от него. Убийство отца породило раскаяние. Это раскаяние стало причиной возникновения экзогамии. Так в первобытном стаде возникли человеческие взаимоотношения, это стало началом культурогенеза. Фрейд считал, что ему удалось найти источник социальной организации в акте отцеубийства. Всякая культура, по его мнению, создается принуждением и подавлением животных инстинктов [25].

Французский этнолог, философ и культуролог Клод Леви-Стросс в своих работах исследовал вопрос половых табу в ходе формирования человеческого общества. Этот ученый считается создателем структурной антропологии и теории инцеста.

О табу писал российский философ Ю. М. Бородай. Согласно его теории, именно жесточайшее подавление всех проявлений полового инстинкта стало основой появления первых форм экзогамии [4].

Доктор культурологии, профессор С. Г. Фатыхов, объясняя начало культурогенеза, тоже ставит во главу угла обуздание полового инстинкта. Он является автором новой теории матриархата и в своих исследованиях подчеркивает исключительную роль женщины-матери в становлении человечества. Он считает, что в условиях мобильности мужской части общества именно женщина давала первые уроки нравственности подрастающему поколению. Возникшая после прямохождения суперсексуальность, как источник постоянных конфликтов в стаде пралюдей, была обуздана человеком. Он изобретает табу, систему нравственных ограничений в сообществе, тем самым запускает процесс очеловечивания [23]. Список исследователей табу можно продолжить, но причины возникновения половых запретов в первобытном социуме и появление мучительных испытаний подростков лучше всего объясняет теория профессора Ю. И. Семенова. В своих работах он последовательно, шаг за шагом восстанавливает процесс возникновения человеческого общества из первобытного стада и детально объясняет возникновение обряда инициации, что важно для нашей темы.

Итак, согласно теории Ю. И. Семенова, формирование человеческого общества из первобытного стада началось с возникновения табу – запрета на беспорядочные половы отношения, которые мешали подготовке к охоте [19]. Табу постепенно разделило первобытное сообщество на две дислокально проживающие половины – взрослых мужчин и женщин с детьми. Подростки, проживая бок о бок с матерями и сестрами, часто нарушили табу, коллектив строго карал их за это. Так появилась инициация. Возникшая первоначально как наказа-

ние, она постепенно становится обрядом, содержащим мучительные телесные испытания подростков и означающим переход юноши в стан половозрелых мужчин. Периоды воздержания во время подготовки к охоте чередовались с промискуитетными праздниками после удачного ее завершения.

И этот первобытный первопраздник становится предтечей и ритуальной схемой всех праздников-обрядов в традиционном обществе. Коллектив, уже поделенный запретом на мужскую и женскую половины, периодически воссоединялся и возвращался к началу, в так называемое «время сновидений», когда разум спал и не был озабочен соблюдением каких бы то ни было норм и правил. Все архаические обряды нацелены на периодическое упразднение противоположностей посредством коллективной оргии [27, с. 245].

Наиболее полно смысл народного праздника-обряда раскрывается в главном празднике, сверхпразднике, на переходе от старого к новому году. Мир в начале главного праздника стоит накануне катастрофы. Жизненные силы на исходе. Спасти ситуацию может лишь чудо первотворения. Нужно вернуться в начало. И каждый народный праздник воспроизводит это начало [15, с. 330].

Традиционное обрядовое ряжение ярко демонстрирует образы гротескного тела. Смысл альтернативного поведения в этом обрядовом действе заключался в победе над смертью и силами зла и возрождении к новой жизни. Народные праздники на Руси (масленица, святки, свадьба) обязательно сопровождались ряжением. Самыми архаичными масками ряженых, связанными с древними тотемическими представлениями славян, были зооморфные и орнитоморфные образы. Смешение черт человека и зверя и есть гротеск, его древнейший вид. Участники обряда рядились в старые, рваные одежды, это был как бы ее антипод. В своих плясках ряженые использовали комические движения, нелепые прыжки, угловатые фигуры, кувырки, ужимки, прихрамывания и так далее [11, с. 137]. Это асоциальное, деструктивное поведение разрушало все установленные каноны и правила.

Архетип такого поведения сформировался в эпоху становления ментальности человека, во времена возникновения человеческого общества из первобытного стада. После введения табу регулярно повторяющиеся в течение сотен тысяч лет промискуитетные праздники, временно снимающие все запреты, глубоко «впечатились» в ментальные структуры мозга сапиенса и приобрели архетипичность. Это «антроповедение» с элементами эротизма и вседозволенности – характерная черта традиционных праздников-обрядов у всех народов земли. Этот архетип – отголосок первобытных оргий, во время которых коллектив временно возвращался в животное состояние. Так архаический человек изгонял смехом страх и глумился над явлениями, довлеющими над ним и превозмогающими его по силе.

Таким образом, механизм антроповедения заложен в саму структуру человеческой ментальности в виде архетипа. Деструктивное поведение, характерное для участников ряжения, в современном культурном пространстве выражено понятием альтернативной моды. Гротеские образы антимоды творятся в среде молодежных субкультур. Культурологи выделяют пять основных социально-функциональных субкультур: субкультура сельских производителей; субкультура городских материальных производителей; субкультура производителей интеллектуальной продукции; собственно элитарная культура – это субкультура производителей социального порядка (властные и военные структуры); субкультура нарушителей социального порядка, которую принято называть маргинальной (или криминальной) [12, с. 640–641]. В данной классификации не выделена молодежная субкультура. Но именно молодежь в силу желания самоутвердиться, вступая на жизненное поприще, является возмутителем спокойствия. Этот «вечный» конфликт отцов и детей порождает молодежные маргинальные субкультуры. Субкультура нарушителей социальных норм и порядка существовала всегда, как отмечают культурологи, «в основе ее – протест против абсолютной регламентированности социального бытия, насаждаемого властной элитой» [12, с. 339]. Эти особенности психики и есть архетипы коллективного бессознательного, сформировавшиеся на заре истории. Именно подростки нарушили табу и наказывались в инициации. Это и стало особенностью психики подростка. Этот архетип протестовать, нарушать запреты, глумиться над высшими силами, а затем подвергаться истязаниям можно назвать архетипом возрастных инициаций (или архетипом перехода во взрослое состояние). Именно при помощи насилиственных телесных изменений в обряде инициации ребенок в первобытности приобщался к миру людей. Анализируя обряды перехода, В. Тэрнер выделил три стадии инициации: «отделение от своей, знакомой, освоенной социальной структуры, лиминальное (или пороговое)

состояние и восстановление в социуме» [22, с. 168]. В. Тэрнер писал о важности прохождения этих стадий человеком современного общества, о важности формирования в нем именно человеческих качеств. По его словам, «между людьми существует родовая связь и обусловленное ею чувство принадлежности к человечеству, и это не стадный инстинкт, это представление людей в их целокупности, во всей их полноте. Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре – условия, в которых формируется человек» [22, с. 198].

К. Г. Юнг пишет о переходе ребенка от неосознанного состояния, полной зависимости от родителей к рождению личности. Это происходит в пубертатном возрасте, когда сексуальной революции сопутствует революция духовная. Сильно и стремительно меняется тело подростка и, как следствие телесных изменений, его «эго», его личностное «Я» выпячивается до такой степени, что заставляет окружающих с ним считаться. И этот «переходный возраст» с немецкого языка переводится как «годы дерзости, грубости, невоспитанности» [29, с. 189]. Как утверждает один из ведущих нейробиологов, профессор биологии и нейрологии в Стэнфордском университете Роберт Сапольски, подросток, вступая в пубертатный период, входит в пик возраста насилия. Срабатывает повышенный эмоциональный фон его психики, жажда одобрения среди сверстников, жажда новизны. Лучшим средством от этой беды, как остроумно заявляет автор, является тридцатилетний юбилей [17, с. 156]. По мере взросления подросток преодолевает свою агрессивность, и неуверенность в своих силах, и обманутые ожидания, страх и растерянность перед жизненными трудностями. Все три стадии взросления каждый человек проходит по-разному, но к наступлению зрелости человек так или иначе «встраивается» в жизнь. А личность духовно незрелая как бы застревает в этом возрасте и, не сумев самореализоваться, пополняет ряды криминальных субкультур.

По В. Тэрнеру, существует ряд свойств, характерных для лиминального состояния: «близость к смерти; анонимность, бесполость; приниженнность, отсутствие статуса; нарочитая глупость; связь с мистическими силами, сакральность; экзистенциальные качества, уникальность существования; аффективность переживания» [22, с. 173–198].

Все молодежные субкультуры в истории и современной моде так или иначе воспроизводят архетип инициации и своим поведением ярко проявляют перечисленные особенности ее лиминальной стадии. Они осуществляют манипуляции с собственным телом, «работают» с внешним обликом, демонстрируя деструктивное поведение как непреодолимое стремление нарушать устоявшиеся каноны. Альтернативная мода, идущая параллельно с официальной, тоже имеет свою историю, которая отражает борьбу классической, общепринятой и гротескной концепций тела.

Яркий пример психологии протеста и демонстрации гротескного тела в истории моды – костюм немецких наемников XVI века – ландскнехтов. Основным источником их обогащения были трофеи, среди которых было немало дорогих тканей. Занимаясь починкой своей поврежденной в бою одежды, они использовали трофейные ткани в качестве заплат. Яркие и причудливые сочетания различных по цвету и фактуре тканей, покрывавших всю поверхность одежды, доводили костюм до кричащей нелепости. Ландскнехты изобрели необытной ширины штаны, которые назывались «штаны-лохмотья», так как состояли из разрезанных полос. Костюм ландскнехтов производил такое сильное впечатление на окружающих, что стал предметом для подражания, разрезы на одежде распространились по всей Европе в качестве официальной моды. Гротескные образы ландскнехтов, возможно, были одним из первых проявлений альтернативной моды в истории одежды. Их возникновение можно рассматривать как протест против модного в то время чопорного и сковывающего тело испанского костюма. «Рассеченная» мода множеством разрезов как бы освобождала тело.

Другим ярким примером деструктивных, протестных тенденций в истории моды могут служить костюмы «золотой молодежи» времен французской революции. Это были дети казненных аристократов, которым в период Директории вернули наследство. Юные богатые бездельники именовались «инкруаябли» (невероятные), а их подружки «марвейез» (причудницы). Это была настоящая молодежная субкультура, которая имела свой жаргон, эпатирующее поведение и экстравагантную манеру одеваться. Они организовали свой клуб, в который допускались только те, у кого родственники были казнены. На вечеринках, приглашая даму на танец, они дергали головой, изображая конвульсии казненных [10, с. 145]. В этом клубе создавались весьма эксцентричные моды. Юноши сбивали часть волос на затылке, имитируя стрижку осужденных на казнь. Они одевались в намеренно плохо сшитые фраки с несоразмерно огромными лацканами, которые небрежно застегивали через пуговицы, и эти пуговицы

зачастую были расписаны неприличными миниатюрами. Галстук они представляли в карикатурном виде: это был огромный кусок материи, просто обернутый вокруг шеи [13, с. 230]. На груди красовался лорнет со стеклами величиной с блюдце. В руках инкруябля держали суковатую дубинку, заменявшую трость. Костюм дополняла огромная шляпа [20, с. 184].

Таким образом, эти гротескные персонажи в истории моды предвосхитили появление молодежных субкультур XX в., которые начали появляться еще в конце 40-х гг. В середине прошлого столетия в культуре возникло и укрепилось новое явление – молодежная мода. В 50-х гг. подростки в Англии получили право свободно распоряжаться своим заработком и превратились в мощную силу на рынке потребления. Самоутверждаясь, тинэйджеры, прежде всего, боролись за право одеваться по собственному вкусу. И как пишет Э. Я. Баталов в «Философии бунта», «теперь каждое поколение имеет свой собственный вещный мир, подчас очень непохожий на тот, в котором жили родители. Результатом этого оказывается попытка молодежи утвердить свою собственную субкультуру, попытка, не лишенная трагизма» [2, с. 5–8]. В 50-х, 60-х гг. появились такие молодежные движения, как: зут, битники, хипстеры, Тедди-бойз, рокабилли, стиляги в СССР, байкеры, рокеры, моды, скингеды. После «сердитых молодых людей», образы которых были навеяны популярностью киногероев Марлена Брандо и Дж. Дина, возникает новый феномен – хиппи. Приверженцы этой субкультуры демонстрировали уход от реальной жизни, отказ от благ цивилизации. Всеобщая любовь и гармония с природой – вот их постулаты. Самостоятельно сшитая одежда и тряпье с блошиного рынка, в которых кустарные техники прошлого сочетаются с этническими влияниями, пользовались в этой среде большой популярностью. Молодые пары делились друг с другом всем, в том числе и одеждой. Бесполость, по их мнению, символизировала равноправие. Именно в среде хиппи зародились этнический стиль и стиль унисекс, которые впоследствии вошли в официальную моду. Антимода хиппи стала настоящей культурной революцией. Изменился сам характер моды, впервые в ней перестал существовать модный эталон. Именно 70-е гг. ХХ в. считаются началом эпохи постмодерна с его тотальным плюрализмом.

Наряду с хиппи наиболее сильное влияние на официальную моду оказала субкультура панков, которая имела гораздо более агрессивный характер. Слово «панк» означает испорченный, никчемный, помойка, подонок. Именно эти термины как нельзя лучше характеризуют идеологию этого молодежного течения. Создавая свои гротескные образы, панки смешивали различные стили одежды. Они использовали фрагменты военной формы и одежду рок-музыкантов, тряпье из магазинов second hand и тому подобное. В качестве аксессуаров они носили цепочки от унитазов, рыболовные крючки, гильзы от патронов, бритвенные лезвия и английские булавки. Для них был характерен яркий грим, пирсинг и татуировки. Белый грим на лице, черный цвет теней и помады для губ, черные ногти, проколотые в нескольких местах уши, нос, губы, щеки, прически необычной формы и ярких цветов, черная кожаная одежда с металлическими заклепками – все это и создавало гротескный образ, вызывающий шок у окружающих. Вслед за хиппи панки создали еще один революционный прорыв. И, как это уже было в истории моды, их творческий потенциал послужил стимулом к развитию новых форм одежды [9, с. 175]. В 80-е, 90-е гг. и по сей день вновь и вновь возникали и возникают протестные молодежные движения антимоды, такие как глэм, растафара, готы, гранж, неопанки, эмо. И этот процесс нельзя остановить, так как он архетипичен, был «встроен» в саму структуру человеческой психики, когда мозг сапиенса еще только формировался. Говоря о субкультурах молодежи, описывая их костюм и особенности поведения, важно подчеркнуть, что именно в этой среде ярко проявляют себя черты лиминальной стадии первобытных инициаций, что именно в период взросления «срабатывает» архетип.

Мы живем в эпоху постмодерна. В модном образе современника появились новые черты. Сегодня это не просто сезонные новшества в костюме, а кардинальная смена телесной пластики, в связи с этим – способа и манеры одеваться, украшать себя и представлять себя обществу, то есть творить свой телесный образ. На наших глазах кардинально меняется взгляд на многие явления жизни. Например, на гендерные различия как в высокой моде, так и в повседневности. Изменилось отношение людей к собственному телу. Теперь это не стабильная и неизбежная данность, а сырой «материал» для экспериментов [16, с. 170]. Постмодерн радикально пересматривает понятие телесности в плане его предельной семиотизации. Тело в постмодернизме рассматривается как знаковая система, как текст, который требует прочтения. В наше время происходит смена парадигм с вербальной на визуальную, наблюдается антропологический поворот (возросший интерес к человеку и непосредственно к чело-

веческому телу – телоцентризм). И как пишет Тульчинский, все решается с телом и на уровне тела. Телесность – теперь форма индивидуальности [21, с. 297]. О так называемом телесном повороте в теории моды пишет в своей книге «Модное тело. Мода, костюм и социальная теория» и Джоан Энтуисл [8].

Полистилизм современной моды отменяет идеал. Это началось еще в 70-е гг. прошлого века. Сегодня эта тенденция только набирает силу. В ситуации постмодерна нет модных стандартов. Современная культура трактуется как гипертекст, а одежда воспринимается через призму набора знаков, когда костюмные тексты комбинируются, цитируются, деконструируются.

О семиотическом статусе моды и одежды писал еще Ролан Барт в своей работе «Система моды». Его структурно-семиотический подход лег в основу постмодернистской концепции моды. Барт рассматривал моду как лингвистическую систему. В его понимании мода – это текст, а костюм – вестиментарный код, который требует расшифровки [1]. Постмодернистская мода изменчива, разнородна, глобальна, она отказывается от социальной иерархии, любого диктата и стилистической традиции. Речь идет о создании другой особой нормы. Эклектика, парадокс, игра, гротеск – вот основные проектные методы постмодернизма. Всеохватный плюрализм во всех областях жизни – специфика нашего времени. Власть модельеров больше не абсолютна. Каждый сам себе стилист и модель в одном лице. Мода становится всеядной, нормы хорошего вкуса отсутствуют [16, с. 172]. И как пишет Франческа Гранта, современная мода не подчиняется нормативным представлениям о гендере и теле и демонстрирует пренебрежение правилам приличий и эталонам красоты [24].

В первой четверти XXI в. действительно меняется представление о гендерных различиях. Гораздо более многообразной становится мужская мода. Мужской костюм может быть покрыт узорами, как женское платье, он обтягивает фигуру, делая ее более женственной. Яркие акценты, цветные шарфы, вместо строгих рубашек – блузы с воланами. Ювелирные украшения, прически, макияж усиливают эффект женственности. Появились мужские коллекции, где модели одеты в откровенно женские наряды, они в юбках и платьях (Александер Паоло). И таких коллекций немало, что продемонстрировал фестиваль мужской моды в Лондоне весной 2018 г. Наблюдается тенденция к слиянию полов. Женская фигура приобретает андрогинность: крепкие плечи, небольшая грудь, неярко выраженная талия. Походка и поза по меркам ХХ в. совсем не женственны. Если в 50-е гг. прошлого века женщина стояла, аккуратно развернув носки изящной обуви, то сегодня девушка ставит ноги носками внутрь в обуви типа военных ботинок на «тракторной» подошве [16, с. 172]. Об этом пишет и Сьюзан Винсент, историк и профессор Йоркского университета. Сегодня мода, находясь в самом авангарде социальных изменений, экспериментирует и переопределяет гендерные границы. Изменяется само понятие мужественности [5].

Сущность является во внешнем. Меняется ментальность, психика, склад ума людей, жесты, позы, манера двигаться – вся телесная пластика становится другой. Модельеры обязаны почувствовать эти перемены и предложить потребителю актуальные образы в духе времени. И если раньше гротеск демонстрировали представители молодежных субкультур, нарушая границы дозволенного, то сегодня альтернативная мода вышла на подиумы, модные дизайнеры, предлагая совершенно немыслимые, шокирующие образы, действуют вполне в духе времени. Буквально на наших глазах альтернативная мода становится модой официальной.

Гротеск чрезмерен, избыточен, торжество гиперреальности – примета нашего времени. Мы живем в мире гротескных образов, представляющих более реальными, чем окружающая нас естественная жизнь. Как будто в образ добавлен усиливатель вкуса. Как пишет Кевин Харт, исследователь постмодерна, для постмодернистской жизни характерно состояние постоянной сверхстимулированности [26, с. 94]. Костюм, сшитый по всем правилам, сегодня не актуален, нужна неправильность, игра, гротеск и парадокс.

Рассмотрим, как авангардные дизайнеры, представители высокой моды создают и демонстрируют образы гротескного тела. Коснемся творчества только некоторых из них, хотя тенденция нарушать нормы приличия сейчас господствует на модных шоу. Эту тенденцию в высокой моде реализуют такие представители авангарда, как Джон Гальяно, Вивьен Вествуд, Жан Поль Готье. Женские модные образы 90-х Джона Гальяно как будто вопиют нам с подиума, что понятие красоты сместилось и рафинированные красотки – это слишком банально для сегодняшнего дня. А бродяги, бомжи, уроды в мужских коллекциях будто только что с помойки, но они и в самом деле отражают реальность, только добавлен усиливатель вкуса, и

этот усилитель производит потрясающий эффект. Как говорит Л. Свендсен в своей «Философии моды», мерзость улиц перестает быть таковой, претерпевая трансформацию под воздействием дизайнерской алхимии [18, с. 155].

Эстетика постмодерна, низвергая авторитеты, над всем глумится, все смешивает, беззастенчиво заимствует и цитирует, преподнося все в гипертрофированных, гротескных формах. Жан Поль Готье еще в 1990 г. корсеты и пояса для чулок трансформировал в сценический костюм Мадонны. И до сих пор, цитируя сам себя, он воспроизводит гротескные образы. В частности, в своем «Фэшн Фрик Шоу» в Москве в феврале 2020 г. Сегодня на мировых подиумах существует целое направление – мода для фриков. Модели этого направления наглядно демонстрируют образы гротескного тела.

А «королева панка» Вивьен Вествуд, считающаяся основательницей этого молодежного течения, и сегодня демонстрирует приверженность моде парадокса. В ее моделях невероятным образом сочетаются реплики исторического костюма с эклектичными и агрессивными аксессуарами молодежных субкультур.

Спонтанная уличная мода часто вдохновляет дизайнеров. Мери Куант и Ив Сен Лоран «подсмотрели» свои новшества на улице, в молодежной среде. «Нам необходимы импульсы и энергия улиц, – говорит Кристиан Лакруа и добавляет, – страшно в этом признаться, но часто привлекательнее всего одеваются самые бедные люди» [18, с. 154]. В костюмную моду вошел непрофессионализм. Как будто неумелая швея сочетает случайные куски материи, фактуры и цвета. Но это «самодеятельное творчество» и нравится дизайнерам. В своих коллекциях они утилизируют увиденное на улице и представляют на подиуме. Эта нарочитая имитация непрофессионализма (плохая посадка на фигуре, спущенные петли, прорези, дыры, неровные края) оформилась в стиль деконструктивизм. Приверженцами этого метода творчества стали японские дизайнеры. Умение японцев сочетать свою этническую традицию с новейшими достижениями науки уникально. Пристальное внимание к материалу – характерная черта японского традиционализма. Глубокое проникновение в характер материала, понимание его природных возможностей, знание технологии – необходимые условия японского дизайна. В этом ключе работает Рей Кавакубо. Демонстрируя на подиуме рваные края, дыры и лохмотья, она вкладывает в свои модели глубокий философский подтекст, отражая японскую концепцию красоты «ваби-саби» – любование несовершенством. Дизайнер как бы проникает вглубь материи, пристально рассматривая размытые случайные подтеки и пятна, полуистлевшую ткань, спущенные петли. Когда такая мода появилась на подиумах в конце прошлого века, мы не могли представить, что дырки и прорези будут носить все. Но это случилось. Японцы, наряду с бельгийскими дизайнерами, во многом способствовали изменению критерии красоты в костюмной моде [16, с. 173].

Бельгийцы стали популярны в середине 90-х. Они поддержали деконструктивистскую тенденцию японских модельеров. В мире моды их называют «антверпенской шестеркой». Это Мартин Маржьела, Анн Демельмайстер, Дрис ван Нотен, Дирк Биккембергс, Вальтер ван Бейрендонк, Дирк ван Саен. Своим творчеством они воспроизводят образы гротескного тела, ломая стереотипы и демонстрируя всеядность сегодняшней моды. Эксперименты Мартина Маржьела часто вызывают шок. У его моделей могут быть оторваны рукава или пришиты к слишком узкой пройме, могут быть нарушены пропорции, костюм может не соответствовать параметрам фигуры, поверх обуви надеваются носки. Маржьела дает жизнь старым вещам, перешивая модели из своих коллекций прошлых сезонов. Он может сделать коллекцию из старых живописных холстов, сняв их с подрамника. Яркие, гротескные образы Вальтера ван Бейрендонка навеяны персонажами комиксов и компьютерных игр. Его модели напоминают ростовые куклы. Он использует фантастические маски, накладки, шланги, жгуты и прочие неносильные материалы.

Похожие парадоксальные образы мы можем видеть сегодня не только в коллекциях бельгийцев. В модных показах 2019–20 гг. наблюдается тенденция использовать необычные для одежды материалы. Например, парашютную ткань или тонкий полипропилен, напоминающий kleenку, или поверхность туристических ковриков. Из этих материалов создаются невероятных объемов рукава, штанины, воротники, головные уборы, и таким образом создаются гипертрофированные, гротескные образы. Так проявляет себя постмодерн в современном пространстве моды, где есть место всему и всем, но все преувеличено, все «гипер» и «супер».

Подводя итог, следует сказать, что в ходе исследования удалось выявить причины и исторические корни возникновения гротескных образов, которые проявляют себя в традици-

онном ряжении, молодежных субкультурах, в истории моды и в альтернативной моде сегодняшнего дня. В статье впервые обозначена связь древних возрастных инициаций с деструктивным поведением подростков, являющихся творцами альтернативной моды. Таким образом определены причины возникновения протестных движений именно в молодежной среде.

В статье также обозначены глобальные перемены в современном обществе, связанные с новым восприятием человеческой телесности. Кроме того, удалось проследить, как некоторые характерные черты постмодерна проявляются в творчестве модных дизайнеров. Таким образом, в результате исследования удалось понять и осмыслить природу гротескных образов альтернативной моды. В заключении хочется еще раз отметить, что сущность является во внешнем, как человек эпохи постмодерна проявляет себя, конструируя свой внешний облик, как меняется его телесная пластика, эта тема чрезвычайно интересна для будущего исследования.

Список литературы

1. Барт Ролан Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Академический проект, 2018. 430 с.
2. Баталов Э. Я. Философия бунта. М. : Политиздат, 1973. 222 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
4. Бородай Ю. М. Эротика, смерть, табу: трагедия человеческого сознания. М. : Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
5. Винсент Сьюзан Дж. Волосы. Иллюстрированная история. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 430 с.
6. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек : энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2000. 520 с.
7. Гуревич П. С. Эстетика : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2016. 454 с.
8. Джоан Энтуисл Модное тело. Мода, костюм и современная социальная теория. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 610 с.
9. Ермилова Д. Ю. История домов моды : учеб. пособие для высш. учебн. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.
10. Захаржевская Р. В. История костюма: от античности до современности. М. : РИПОЛ классик, 2004. 288 с.
11. Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб. : Наука, 1994. 235 с.
12. Историческая культурология / Новый институт культурологии; отв. ред. Э. А. Шулепова. М. : Академический проект Альма Матер, 2015. 795 с.
13. Кibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага : Артия, 1986. 608 с.
14. Марков А. Эволюция человека : в 2-х кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М. : АСТ Corpus, 2014. 464 с.
15. Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Росэнциклопедия, 1994. Т. 2. 719 с.
16. Молчанова Л. А. Телесный образ в моде постмодерна // Манускрипт. Тамбов : Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 170–175.
17. Сапольски Р. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 776 с.
18. Свенсен Л. Философия моды. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 256 с.
19. Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М. : Наука, 1966. 568 с.
20. Современная энциклопедия. Мода и стиль / гл. ред. В. Володин. М. : АВАНТА, 2002. 480 с.
21. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / ред. Г. Л. Тульчинский, М. С. Уварова. СПб. : Алтей, 2000. 415 с.
22. Тэрнер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.
23. Фатыхов С. Г. Новая археология матриархата. Социокультурный анализ реликтов. Екатеринбург : ЧГКИ, 2009. 252 с.
24. Франческа Граната Экспериментальная мода. Искусство перформанса, карнавал и гротескное тело. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 240 с.
25. Фрейд З. Тотем и табу. М. : Алтей, 1977. 222 с.
26. Харт К. Постмодернизм. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 262 с.
27. Элиаде М. Космос и история. М. : Прогресс, 1987. 312 с.
28. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.
29. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс, 1996. 336 с.

The image of a grotesque body: from the first holiday to alternative fashion

L. A. Molchanova

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Computer Technology and Art Design,
Udmurt State University. Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0002-8379-3450. E-mail: lusmolchan@mail.ru

Abstract. The topic of alternative fashion is little studied, especially in terms of its social roots and psychological origins. It becomes relevant today, in the first quarter of the XXI century, when the total pluralism of postmodernism is gaining strength. There are no rules and regulations in the official fashion, it becomes "omnivorous". Grotesque images, in the past characteristic only of alternative youth subcultures, today literally "flooded" the catwalks, their popularity is growing all the time. Before our eyes, antimode is becoming the official fashion. In this regard, there is a need to comprehend such global changes in the fashion process.

The purpose of this article is to determine the origins and study the causes of the emergence of alternative fashion with its paradoxical, grotesque images. The article for the first time raises the question of the mental foundations of the appearance of grotesque body images in the youth environment. These foundations are archetypes, which, being a concentration of the prehistoric experience of mankind, manifest themselves especially vividly during the period of personality formation. The creators of anti-fashion self-actualize in youth subcultures. With their antisocial behavior, they unconsciously reproduce the archetypal situation of the first holiday, originally designed to violate prohibitions, and by manipulating their own bodies, these rebels recreate the archetype of age-related initiations, the painful bodily trials of which have accompanied teenagers from generation to generation for millennia.

As a result of the research, it was possible to understand the nature of grotesque body images not only in modern youth cultures, but also in traditional mummery, fashion history and modern fashion, to reveal their deep connection with the social phenomena of primitiveness.

The theoretical significance of the proposed article lies in the fact that its materials reveal a relatively new and little-studied aspect of fashion research and can be used in lecture courses and the development of methodological manuals in various fields of humanities: cultural studies, art history, philosophy, sociology, psychology, and the like.

The practical significance of the work lies in the possibility of using its materials for a more in-depth understanding of the phenomenon of alternative fashion in the process of preparing costume designers. The materials of the article will also help practical designers to approach the creation of grotesque images more meaningfully, which are very relevant today.

Keywords: grotesque body, initiation, archetype, youth subcultures.

References

1. Bart Roland. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. M. Akademicheskij proekt (Academic Project). 2018. 430 p.
2. Batalov E. Ya. *Filosofiya bunta* [Philosophy of rebellion]. M. Politizdat. 1973. 222 p.
3. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo. 1986. 445 p.
4. Borodai Yu. M. *Erotika, smert', tabu: tragediya chelovecheskogo soznaniya* [Eroticism, death, taboo: the tragedy of human consciousness]. M. Gnosis, Russian Phenomenological Society. 1996. 416 p.
5. Vincent Susan J. *Volosy. Illyustrirovannaya istoriya* [Hair. Illustrated History]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2020. 430 p.
6. Volkov Yu. G., Polikarpov V. S. *Chelovek : enciklopedicheskij slovar'* [Man : an encyclopedic dictionary]. M. Gardariki. 2000. 520 p.
7. Gurevich P. S. *Estetika : ucheb. posobie* [Aesthetics : tutorial]. M. KNORUS. 2016. 454 p.
8. Joan Entwhistle Modnoe telo. *Moda, kostyum i sovremennaya social'naya teoriya* [Fashionable body. Fashion, costume and modern social theory]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2019. 610 p.
9. Ermilova D. Y. *Istoriya domov mody : ucheb. posobie dlya vyssh. uchebn. zavedenij* [History of fashion houses : tutorial for higher educational establishments]. M. Publishing Center "Academy". 2003. 288 p.
10. Zaharzhevskaya R. V. *Istoriya kostyuma: ot antichnosti do sovremenosti* [The history of costume: from antiquity to modernity]. M. RIPOL classic. 2004. 288 p.
11. Ivleva L. M. *Ryazhen'e v russkoj tradicionnoj kul'ture* [Mummery in Russian traditional culture]. SPb. Nauka (Scince). 1994. 235 p.
12. *Istoricheskaya kul'turologiya* – Historical cultural studies / New Institute of Cultural Studies; ed. by E. A. Shulepova. M. Academic project Alma Mater. 2015. 795 p.
13. Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. *Illyustrirovannaya enciklopediya mody* [Illustrated encyclopedia of fashion]. Prague. Artia. 1986. 608 p.

14. Markov A. *Evolyuciya cheloveka : v 2-h kn. Kn. 1. Obez'yany, kosti i geny* [Human evolution : in 2 books. Book 1. Monkeys, bones and genes]. M. AST Corpus. 2014. 464 p.
15. *Mify narodov mira : enciklopediya – Myths of the peoples of the world : encyclopedia*. M. Rosencyclopedia. 1994. Vol. 2. 719 p.
16. Molchanova L. A. *Telesnyj obraz v mode postmoderna* [Bodily image in postmodern fashion] // *Manuskript – Manuscript*. Tambov. Gramota. 2020. Vol. 13. Is. 7. Pp. 170–175.
17. Sapol'ski R. *Biologiya dobra i zla: kak nauka ob'yasnyaet nashi postupki* [Biology of good and evil: how science explains our actions] / transl. from English. M. Alpina non-fiction. 2021. 776 p.
18. Svendsen L. *Filosofiya mody* [Philosophy of fashion]. M. Progress-Tradiciya. 2007. 256 p.
19. Semenov Yu. I. *Kak vozniklo chelovechestvo* [How mankind arose]. M. Nauka (Science). 1966. 568 p.
20. Sovremennaya enciklopediya. *Moda i stil'* – Modern encyclopedia. Fashion and style / chief ed. V. Volodin. M. AVANTA. 2002. 480 p.
21. Tul'chinskij G. L. *Slovo i telo postmodernizma: ot fenomenologii nevmenyaemosti k metafizike svobody* [The word and the body of postmodernism: from the phenomenology of insanity to the metaphysics of freedom] // *Perspektivy metafiziki: klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov – Perspectives of metaphysics: classical and non-classical metaphysics at the turn of the century* / ed. G. L. Tulchinsky, M. S. Uvarova. SPb. Alteia. 2000. 415 p.
22. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. M. Nauka (Sceince). 1983. 277 p.
23. Fatykhov S. G. *Novaya arheologiya matriarhata. Sociokul'turnyj analiz reliktor* [The new archeology of matriarchy. Sociocultural analysis of relics]. Yekaterinburg. ChSKI. 2009. 252 p.
24. Francesca Granata *Eksperimental'naya moda. Iskusstvo performansa, karnaval i grotesknoe telo* [Experimental fashion. Performance art, carnival and the grotesque body]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2021. 240 p.
25. Freud Z. *Totem i tabu* [Totem and taboo]. M. Alteia. 1977. 222 p.
26. Hart K. *Postmodernizm* [Postmodernism]. M. FAIR PRESS. 2006. 262 p.
27. Eliade M. *Kosmos i istoriya* [Cosmos and history]. M. Progress. 1987. 312 p.
28. Jung K. G. *Arhetip i simvol* [Archetype and symbol]. M. Renaissance. 1991. 304 p.
29. Jung K. G. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time]. M. Progress. 1996. 336 p.

Архетип Анимы в неоромантической прозе Александра Грина (на материале романа «Бегущая по волнам»)

А. В. Киричек

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

Аннотация. На материале романа Александра Грина «Бегущая по волнам» раскрывается своеобразие воплощения автором архетипа Анимы – одного из центральных в аналитической психологии. В мифopoетической традиции Анима – это не просто роковая женщина, наделенная даром привлекать мужчин, но существо надчеловеческого, божественного порядка. На основе анализа работ К. Г. Юнга и его последовательницы Марии Луизы фон Франц эксплицируются как атрибутивные, так и акцидентальные черты Анимы. К первым относятся нуминозность, магнетизм, профетизм, сочетание молодости и красоты, редкость появления в жизни протагониста. Ко вторым – бессмертие, вневременность, способность менять облик, специфический, легко узнаваемый голос. Показывается, что в образе Фрези Грант – главной героини романа – нашли почти полное отражение как первые, так и вторые особенности архетипа. Выполняя традиционные для Анимы функции-роли спасительницы, путеводительницы, судьи, вестницы Самости главного героя, Фрези также осуществляет задачу по гармонизации мира, восстанавливая справедливость, превращая Хаос в Космос. У героини Грина можно обнаружить как позитивную, так и негативную сторону архетипа, однако первая направлена на главного героя романа – Томаса Гарвея, тогда как вторая «адресована» его антагонисту Гезу. В конечном счете, Фрези оказывается теневым режиссером, организующим весь ход событий романа так, чтобы добро победило зло: главные герои, Гарвей и Дэзи, находят в любви друг к другу подлинное счастье, тогда как Гез гибнет от руки своего помощника Бутлера. В целом, Фрези Грант почти идеально вписывается в юнгианский архетип Анимы, поскольку обладает основными атрибутами последней, реализует широкий спектр функций, ей присущих.

Ключевые слова: архетип, Анима, неоромантизм, нуминозность, профетизм.

Популярность литературного произведения детерминируется многими факторами, среди которых не последняя роль принадлежит умению автора по-новому, нестереотипно обыграть известные архетипические образы и сюжеты, обладающие способностью посредством как сознания, так и подсознательных сил, воздействовать на самые потаенные и заветные струны человеческой души. Не является в этом отношении исключением и романтическая поэтика Александра Грина, которому нередко удавалось найти новую оболочку для уже известных архетипов, произвести их плодотворный синтез на новом материале, не впадая при этом в банализацию и упрощение.

Например, в феерии «Алые паруса» в образе Ассоль можно без особого труда разглядеть и всеми презираемого Гадкого утенка, и несчастную сироту Золушку. Однако эти сказочные роли не просто трактуются по-новому (Ассоль-Золушка хотя и оказывается наполовину сиротой, будучи лишенной матери, но растет в ореоле отцовской любви, без третирований со стороны мачехи и ее дочерей, деструктивная функция которых здесь выполняется соседями – жителями Каперны), но и налагаются на более глубокую Евангельскую символику и сюжеты, вплоть до скрытых цитат из Библии [3].

Разумеется, архетипична у Грина не только Ассоль, но и другие женские образы. В частности, в Моргиане («Джесси и Моргиана») без труда угадывается архетип Ужасной Матери, в рассказе «Племя Сиург» в образе Мун-Мунки воплощен архетип Дикарки [10], ослепительная Стелла с «оленевыми глазами» из «Пролива бурь» является классической Музой-вдохновительницей и в то же время Прекрасной Дамой.

Прежде чем рассмотреть, каким образом раскрывается в творчестве Грина архетип Анимы, определимся с основными понятиями.

Что такое архетип? Как справедливо отмечает Е. М. Мелетинский, в произведениях К. Г. Юнга трактовка термина «архетип» сильно колеблется, тем не менее под ним обычно понимаются некие «структурные схемы, структурные предпосылки образов, существующих в

сфере коллективно-бессознательного» [13, с. 160]. Иначе говоря, сам архетип скорее абстрактен, чем конкретен, тогда как порождаемые им в сознании человека образы и сюжеты приобретают наглядность, словно оживают, наполняются плотью и кровью, богатым содержанием, в котором причудливо переплетаются коллективно-типическое и индивидуально-личностное, свойственное только данному субъекту.

Архетип Анимы относится к ключевым в аналитической психологии и обозначает женскую сторону в психике мужчины. Однако написано о нем как самим Юнгом, так его учениками и последователями настолько много, что его содержание (точнее, содержание порожденных им образов) оказывается весьма широким и разнообразным, порой настолько, что под него при желании можно подвести едва ли не любой литературный персонаж женского пола, едва ли не каждый женский образ в сновидении мужчины.

Дабы избежать расширительного толкования Анимы, в качестве основы понимания этого архетипа возьмем статью «Процесс индивидуации» ученицы Юнга Марии фон Франц, опубликованную в сборнике «Человек и его символы» [12]. По мнению автора, «Анима – это олицетворение всех проявлений женственного в психике мужчины: таких как смутные чувства и настроения, пророческие озарения, восприимчивость к иррациональному, способность любить, тяга к природе и – последнее по порядку, но не по значению – способность контакта с подсознанием» [12, с. 183]. Далее выделяются две стороны Анимы – негативная и позитивная. В первом смысле Анима выступает в роли соблазнительной губительницы мужчины (например, таковы в мифопоэтической сказочной традиции греческие сирены, немецкие лорелей, славянские русалки), во втором – исполняет, прежде всего, роль советчицы-путеводительницы, представая в облике доброй феи, царевны и тому подобное.

На наш взгляд, целесообразно выделить главные признаки и основные функции Анимы.

К важнейшим атрибутам Анимы можно отнести следующие:

- нуминозность, проявляющуюся в волшебных сверхспособностях, в чувствах таинственного и возвышенного, вызываемых у героев книги или сновидца;
- молодость, сочетающаяся с красотой, которая порой доходит до ослепительности, подлинной божественности;
- магнетизм в духе античного хариса делает Аниму сверхпритягательной для мужчин;
- профетизм как способность предвидеть будущее (пророчества входят в речевое поведение Анимы), а может и в некоторой степени влиять на него;
- редкость появления – Анима вторгается в судьбу героя только в ключевые моменты, как правило, в точках бифуркации, когда надлежит совершить экзистенциальный выбор.

К важным, но не обязательным (акцидентальным) признакам Анимы можно также отнести: бессмертие, вневременность, способность менять облик (вплоть до превращения в животных), специфический, легко узнаваемый голос.

Набор функций, выполняемых Анимой по отношению к мужчине, довольно широк. Будучи, прежде всего, вестницей Самости (подсознания) по отношению к Эго (сознанию) мужчины, она выступает в роли советчицы и путеводительницы: о чем-то предупреждает, указывает верный путь, предписывает или, напротив, запрещает те или иные действия, раскрывает смысл тех или иных событий и поступков и тому подобное.

Также Анима может выступать в роли психотерапевта (отгонять страхи, развеивать одиночество и отчаяние, возвращать мужество), защитницы от опасностей, судьи (восстанавливает справедливость), палача (осуществляет возмездие, наказание), соблазнительницы-искусительницы (первый уровень Анимы в культуре представлен поэту Евой [12, с. 191]).

Если вести речь только о негативном аспекте Анимы, то она не только способна соблазнять, губить, наказывать, но также и нагонять страхи, болезни, доводить до сумасшествия и тому подобное.

Наконец, нельзя пройти мимо такой черты Анимы, как власть, то есть умение подчинять себе окружающих, в особенности мужчин. Эту способность Юнг обозначает словосочетанием из лексикона писателя Райдера Хаггарда «She-who-must-be-obeyed» (Она-которой-следует-быть-послушным, англ.) [20, с. 255].

Таким образом, как в литературных произведениях, так и в мифопоэтической традиции Анима – это не просто роковая женщина, отличающаяся молодостью и красотой, наделенная даром привлекать мужчин (тем, что принято именовать «харакизмой»), но существо надчеловеческого, божественного порядка, обладающее нуминозностью, профетическими и иными мистическими способностями. Но если с этим согласиться, то найти достаточно полное выраже-

ние архетипа Анимы можно исключительно в произведениях романтического искусства, поскольку именно последнее (правда, понимаемое предельно широко) признает реальность мистического как такового.

В истории отечественной романтической литературы героини, конгруэнтные архетипу Анимы, встречаются не слишком часто. Здесь можно вспомнить и гоголевских ведьмочек (например, панночку из «Вия»), и лермонтовскую Тамару («Демон»), и Красавицу из «Отравленного сада» Ф. Сологуба, и булгаковскую Маргариту. В отечественной натурфилософской прозе второй половины XX века к архетипу Анимы близок образ «нереально-реальной» женщины, который можно найти, в частности, в произведениях Ч. Айтматова («Плаха»), В. П. Астафьева («Царь-рыба») и других [4]. Современные отечественные исследователи находят воплощение образа Анимы также в реалистической прозе (такова, например, Настасья Филипповна в «Идиоте» Достоевского) [15], в классической опере («Русалка» А. С. Даргомыжского) [14], в автобиографическом романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» [8].

Однако наиболее полно, глубоко и многогранно, по нашему убеждению, в отечественной культуре этот архетип раскрыт в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам» [7, с. 3–188], который создавался в 1925–26 годах, а впервые был издан в 1928 году.

Но прежде чем приложить выявленные особенности архетипа Анимы к Фрези Грант – главной героине романа, следует вкратце отметить наиболее интересные культурологические интерпретации этого персонажа в отечественном гриноведении.

По мнению Л. У. Звонаревой, в облике Фрези писатель закодировал Богородицу (Деву Марию), в подтверждение этого тезиса приводятся, в частности, такие особенности первой, как наличие светящегося ореола (нимба) вокруг головы, глубокая печаль в голосе, благословляющий жест, которым она прощается с Гарвеем [9, с. 13].

В интерпретации Л. Белогорской, Фрези Грант воплощает центральный для эстетики символизма образ Вечной Женственности, который «является как «душой» внешнего мира, так и отображением внутреннего мира главного героя» [1].

Г. И. Шевцова отмечает, что хотя «генетически Бегущая по волнам восходит к многочисленным образам мифических водных божеств женского пола», тем не менее она существенно отличается от них: первые относятся к людям, как правило, враждебно, тогда как Фрези, наоборот, выступает в роли спасительницы моряков, терпящих бедствие среди океанских пучин [19].

Таким образом, в отечественном гриноведении в образе Бегущей по волнам акцентируются, прежде всего, ее божественные черты, она выступает зрымым воплощением Чуда, вторгающегося в наш мир, и в то же время рассматривается как недостижимый символ-идеал, репрезентирующий и Прекрасную Даму, и Вечную Женственность, и Несбывшееся главного героя романа. Однако в целом образу Фрези в отечественной гуманитарной науке уделяется недостаточно внимания (даже в обстоятельной монографии А. Варламова ей, «призрачной, как «летучий голландец», и в то же время реально-осозаемой сумасбродной девице» [5, с. 326], уделено менее одной страницы, половина из которой составляет цитата из романа), а ведь именно она, а не Биче Сениэль или Дэзи, и является центральным персонажем повествования Грина, о чем еще будет сказано ниже.

Солидаризируясь с вышеупомянутыми авторами, признавая сущностную близость Фрези Грант и к Богородице, и к Вечной Женственности, и к морской деве (русалке), тем не менее, опираясь на методологический принцип дополнительности, предполагающий, что истина рождается в полилоге различных интерпретаций, осмелимся обогатить отечественную науку еще одним толкованием гриновской героини, рассмотрев ее сквозь призму юнгианской Анимы.

Действительно, в образе Фрези Грант мы обнаруживаем все главные черты, присущие эксплицированному выше архетипу Анимы.

Во-первых, нуминозность Фрези проявляется в том, что она, с одной стороны, обладает сверхспособностью ходить по воде, которая не присуща ни одному человеку, и сближает Фрези с богочеловеком Христом, и, с другой стороны, вызывает у тех, кто вступил с ней в общение, чувство возвышенного, смесь восхищения и страха. Вспоминая свои чувства, возникшие при взгляде на Фрези, Томас Гарвей отмечает, что «их острота превозмогала всякую мысль» [7, с. 67], после чего его внезапно охватил страх, который «рванул и исчез» [7, с. 68]. Во время беседы с нею он с трудом поднимает на нее взгляд, видимо, потому, что ее красота ослепляет.

Во-вторых, Фрези не просто молода и красива, более того, в ее облике явственно проступают божественные черты: ее гибкие плечи и круглое лицо безупречно белы (как тут не

вспомнить, что Елену Троянскую, дочь Зевса, часто именовали «лилейнораменной», а в «Илиаде» этот эпитет применяется к богине Гере [18, с. 57]), платье цвета слоновой кости, а туфелька золотая, что соответствует и «одеянию» статуй античных божеств, выполненных в хрисоэлефантийской технике, и облику Белой Богини Аэши из романа Р. Хаггарда «Она»¹.

В-третьих, профетизм Фрези не сводится к пророчествам о ближайшем будущем (в частности, она предрекает Гезу смерть от пули в лоб, а Гарвею сообщает, что того ждет на рассвете встреча со спасительным судном), она также активно влияет на события, происходящие в романе, хотя об этом не говорится прямо: буквально водит рукой Бутлера, по сути заставляя того убить Геза, побуждает неизвестную (возможно, этой неизвестной является сама Фрези) заказать два одинаковых платья, чтобы те в результате достались Биче Сениэль и Дэзи – героям, между которыми буквально мечется сердце Гарвея.

В-четвертых, Фрези появляется действительно лишь в случае крайней необходимости, а именно в ключевые моменты жизни героя, помогая ему совершить судьбоносный выбор: сначала Гарвей слышит в душе ее голос, побудивший фразой «Бегущая по волнам» отправиться его в путешествие на одноименном корабле, в следующий раз садится с ним в лодку, чтобы указать, как добраться до спасительного судна, наконец, спасает Гарвея от верной смерти, останавливая удар двадцатitonной штамбы.

Также, без сомнения, Фрези, подобно античным богиням, не стареет, существуя вне времени, ибо как она была юной девушкой 150 лет назад, таковой и осталась, а ее голос Гарвей не спутает ни с одним другим – настолько он своеобразен.

Теперь обратимся к функциям Анимы-Фрези, к тем ролям и задачам, которые она исполняет и решает в романе Грина.

В позитивном аспекте Фрези Грант оказывается и путеводительницей («как станет светать, держите на юг и гребите так скоро, как хватит сил» [7, с. 68]), и спасительницей (она спасает Гарвея по меньшей мере дважды – сначала уводит от него акулообразных животных с черными плавниками, а затем защищает от чугунной штамбы во время карнавала в Гель-Гью), и советчицей, хотя ее рекомендации больше похожи на приказы и запреты, чем на советы: «никто не должен знать, что я была с вами», «помните, что ей нельзя сказать обо мне» [7, с. 68], и даже психотерапевтом («я была с вами потому, чтобы вам не было жутко и одиночко» [7, с. 68]).

Отчетливо в романе проявляется и власть Анимы-Фрези, ее абсолютная автономия, даже свободолюбие: «Никто никогда не мог удержать меня насилием, где бы то ни было» [7, с. 66]. Даже капитан Гез и его команда оказываются не в состоянии воспротивиться требованиям Фрези и безропотно позволяют ей сойти по трапу «Бегущей по волнам» и погрузиться в шлюпку к Гарвею.

Кстати, именно в отношении Геза, антагониста Гарвея, Фрези проявляет свои негативные аспекты: сначала фактически проклинает его («он получит пулю в лоб»), затем нагоняет на Геза и его подчиненных чувство страха, в тенетах которого тот продолжает пребывать оставшиеся дни пути до Гель-Гью («На другой день не было более жалкого труса под мачтами сего света, чем Гез» [7, с. 127]), наконец, прямо губит аморального капитана, направляя на него руку Бутлера, вооруженную пистолетом.

Разумеется, Фрези реализует и важнейшую задачу Анимы – быть проводником между бессознательной Самостью героя и его Я. Действительно, если Самость, будучи ядром всего нашего существа, лучше нас самих знает, кто мы и для чего пришли в этот мир, если она, подобно демону Сократа, никогда не ошибается, то именно такой, всеведущей и всезнающей, выступает Фрези как ее вестница. Она не только мягко намекает Гарвею, что его надежды обрести в лице Биче искомое Несбывшееся тщетны, но и организует ход событий таким образом, чтобы помочь герою встретиться с собственной Судьбой: нетрудно увидеть дирижерскую руку Фрези и в наделении Дэзи тем же карнавальным платьем, что и Биче, и в обеспечении везения Тоббогана, жениха Дэзи, в игре в рулетку (в сущности, из-за этого везения Дэзи

¹ Именно этот роман, наряду с романом «Атлантида» Пьера Бенуа [2], К. Г. Юнг отмечает среди тех произведений, в которых воплощен архетип Анимы [20, с. 255]. В отличие от Фрези, Белая Богиня Хаггарда носила не золотые туфельки, а сандалии с золотыми пряжками [16, с. 239]. При этом можно предположить, что Грин был знаком с романом Хаггарда, ибо его произведения были в России довольно популярны в начале XX в. и издавались в переводах на русский язык, тогда как Грин очень много читал переводную литературу [6, с. 164, 401].

осталась в тот вечер одна, без своего жениха, а незадачливый жених променял свое эфемерное везение в азартной игре на настоящее, которым мог бы стать для него брак с Дэзи).

Наконец, Фрези выполняет задачу по гармонизации мира, то есть вносит свой вклад в превращение Хаоса в Космос, что достигается через восстановление справедливости (функция, являющаяся важнейшей для античных богов): наказание преступников и поощрение праведников.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что Фрези Грант почти идеально вписывается в тот архетип, который К. Г. Юнг обозначил термином «Анима», поскольку обладает основными атрибутами последней, реализует широкий спектр функций, ей присущих.

Нельзя не отметить, что рецепция образа Фрези в отечественном кинематографе – как в фильме 1967, так и в киноленте 2007 г. (оба фильма называются «Бегущая по волнам») – оказалась довольно односторонней: из реальной, но богоподобной девушки, сидевшей в лодке рядом с Гарвеем, она превратилась в профанную галлюцинацию, лишенную божественных черт, а ее многообразные функции редуцировались в сущности до одной – указания правильного пути.

С другой стороны, у гривовской Фрези были предшественницы в творчестве самого писателя – героини, воплощавшие отдельные аспекты и функции архетипа Анимы. Будучи лишенными нуминозности, они выступают или в роли Спасительницы – таковы Изотта («Синий каскад Теллури») и Гелли («Сто верст по реке»), или в качестве Вдохновительницы (Стелла из «Пролива Бурь»), или в роли роковой женщины-губительницы, мстящей за свою поруганную любовь (Рене из одноименного рассказа).

В завершении статьи хочется сказать также и о том, что вестница Самости как в сновидениях, так и в мифах и сказках, в произведениях литературы может быть персонифицирована не только в облике богоподобной женщины, но и в образе обычной девушки, а возможно, и в нечеловеческом существе, прежде всего, в животном (например, чаще всего из числа животных Аниму представляют кошки [17]). Та же Мария Луиза фон Франц рассказывает о сновидении мужчины, в котором Анима предстала в облике обычной монашки [12, с. 188–190]. Можно предположить, что в сновидениях каждого конкретного мужчины Анима, будучи единством коллективного и индивидуального, приобретает собственное неповторимое лицо, причем необязательно нуминозное. О том, что ему явилась именно Анима, сновидец может догадаться по характерному маркеру (или маркерам), присущим только ей. Например, в моем романе «Водоем» его главный герой Сергей Костров распознает Аниму не по божественным атрибутам, которые у нее в явном виде не видны, а по «отсутствию у нее лица», то есть герой никогда не видит в сновидениях ее лица, поскольку Анима находится либо всегда сбоку от него, либо обращена к нему спиной [11].

В связи с вышеизложенным возникает ряд резонных вопросов: почему архетип Анимы находит выражение в таком широком и разношерстном спектре образов? Как в каждом конкретном случае сновидцу понять, что перед ним именно воплощение Анимы, а не иного женского архетипа, например, Ужасной матери или Тени, а может, и не архетип перед ним, а просто случайный, ничего не значащий персонаж? Возможно ли произвести типологизацию если не самого архетипа, то хотя бы порождаемых им образов, иначе говоря, едина ли Анима или же правомерно выделять внутри архетипа не только позитивные и негативные аспекты, но и отдельные виды, например, отличать божественную Аниму от профанной, человекоподобную от зооморфной и тому подобное?

Как у самого Юнга, так и у его последователей, присутствует тенденция трактовать Аниму, появляющуюся в сновидениях пациентов, весьма широко, относя к ней не только девушек, отличающихся нуминозностью, но и роковых женщин, монахинь, зооморфных существ и прочих. Однако, когда речь идет о мифopoэтической традиции и литературных текстах, то образ Анимы обычно сужается и характеризуется теми признаками, что были выделены выше. Такое расхождение между сновидениями и литературными текстами сродни различию между профанным и сакральным мирами, на которые, как правило, раскалывается бытие в романтическом искусстве. По-видимому, писатель, даже если его личная Анима (то есть Анима из его сновидений) и не обладает божественными атрибутами, в своем творчестве трансформирует ее в волшебное существо для усиления эстетической выразительности образа, произведения в целом. Правда, такая трансформация может затруднять для читателя опознание своей собственной личной Анимы: вместо ожидаемой богини в своих снах он может столкнуться с обычной девушкой, а потому не распознать сразу в ней Аниму (хотя если Анима

будет являться и далее, выполняя свои функции путеводительницы, советчицы, вестницы велений Самости, то ее узnavание, скорее всего, не составит большого труда).

Роман Александра Грина «Бегущая по волнам» относится, без сомнения, к числу самых глубоких произведений писателя, читательский интерес к нему с годами скорее растет, чем убывает, что подтверждается как обилием статей, посвященных этому произведению, так и непрекращающимися его переизданиями. Пожалуй, по популярности рядом с ним можно поставить лишь феерию «Алые паруса». Можно предположить, что секрет славы этих двух творений зиждется не столько на том, что они заканчиваются хэппи-эндом (чего не скажешь о романах «Блистающий мир», «Золотая цепь» и «Дорога никуда»), сколько проистекает из того обстоятельства, что Грину удалось создать таких героев и героинь, внутренний мир и судьбы которых затронули самые сокровенные душевые струны читателей.

Без сомнения, такова и Фрези Грант, которую можно без особой натяжки считать наиболее полным и адекватным воплощением в отечественной литературе архетипа Анимы (действительно, кого можно поставить с ней рядом, если даже булгаковская Маргарита ей не чета, ибо недостаточно нуминозна и автономна – зависима от желаний Воланда и его свиты?). Несмотря на то, что описанию внешности и характера Фрези посвящено всего несколько абзацев, а диалоги с ее участием занимают едва ли более пяти страниц, тем не менее, именно она (а не Дэзи или Биче) является главной героиней повествования (что подтверждается и самим названием романа). С нее роман начинается (имеется в виду эпиграф про прекрасный остров, символизирующий мир Фрези), ее словами («Не скучно ли на темной дороге? Я тороплюсь, я бегу...») он и заканчивается. Но главное, что именно Фрези выступает тем теневым режиссером, который организует весь ход событий так, чтобы Гарвей и Дэзи смогли обрести друг друга, дабы вместе дальше продолжать бесконечную охоту за «вечным оленем» Несбывшегося.

Список литературы

1. Белогорская Л. Модель мира в романе А. Грина «Бегущая по волнам» // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2016/04/08/182> (дата обращения: 02.10.2021).
2. Бенуа П. Атлантида; Жаффар П. Адская война. Казань : Татарское книжное издательство, 1993. 445 с.
3. Бондаренко Г. Феерия навсегда! К 120-летию со дня рождения Александра Грина. URL: <http://www.newfoundglory.ru/publikacii/feeriya-navsegda.html> (дата обращения: 02.10.2021).
4. Бондаренко Е. Н. Культ бытия всего существующего в образе «нереально-реальной» женщины (на примере натурфилософской прозы второй половины XX века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15207798> (дата обращения: 02.10.2021).
5. Варламов А. Н. Александр Грин. Изд. 2-е, испр. М. : Молодая гвардия, 2008. 452 с.
6. Воспоминания об Александре Грине. Л. : Лениздат, 1972. 608 с.
7. Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. М. : Правда, 1980. 496 с.
8. Денисова О. Н. Трансформация архетипа Анимы в произведении М. М. Пришвина «Кашеева цепь». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28803558> (дата обращения: 02.10.2021).
9. Звонарева Л. У. Дева Мария, бегущая по волнам: символика прозы Александра Грина // Кросскультурное пространство литературной и массовой коммуникации-4 : мат-лы 4-й Международной научной конференции, Майкоп, 26–27 ноября 2015 г. Майкоп, 2015. С. 12–15.
10. Киричек А. В. Архетипы неоромантизма: Дикарка и Фродо // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 260–264. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2015_3/46.pdf (дата обращения: 02.10.2021).
11. Киричек А. В. Водоем. Роман // Журнал «Самиздат». URL: http://samlib.ru/k/kirichek_a_w/vodoem.shtml (дата обращения: 02.10.2021).
12. Мария Луиза фон Франц Процесс индивидуации // В кн. : Карл Густав Юнг [и др.] Человек и его символы. М. : Медков С. Б., Серебряные нити, 2006. С. 162–237.
13. Мелетинский Е. М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // В кн. : Бессознательное. Многообразие видения : сб. статей. Новочеркасск : Агентство «Сагуна», 1994. С. 159–167.
14. Перич О. В. Воплощение архетипа Анимы в опере А. С. Даргомыжского «Русалка» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4. С. 140–144. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34994327> (дата обращения: 02.10.2021).
15. Постникова Е. Г. «Мужской» и «женский» мифы в произведениях русской классики и архетипы Анимы/Анимуса как инструменты гендерного аспекта литературоведческого анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6. Ч. 1. С. 37–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35042967> (дата обращения: 02.10.2021).

16. Хаггард Г. Р. Ледяные боги; Она; Аэша; Романы. М. : Мол. гвардия, 1991. 420 с.
17. Ханна Барбара Символизм животных. Введение I. Введение. Лекция первая: 26 апреля 1954 года // Архетипы и символы. URL: <https://castalia.ru/translations/barbara-hannah-simvolizm-zhivotnyih-vvedenie-i-vvedenie-lektsiya-pervaya-26-aprelya-1954-goda> (дата обращения: 02.10.2021).
18. Хьюз Б. Елена Троянская. М. : Эксмо, 2006. 608 с.
19. Шевцова Г. И. Мотив Бегущей по волнам в творчестве А. С. Грина // Информационные материалы для студентов. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4432 (дата обращения: 02.10.2021).
20. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М. : Канон, 1994. 320 с.

The Archetype of Anima in the neo-romantic prose of Alexander Green (based on the novel "Running on the Waves")

A. V. Kirichek

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy,
Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow.
ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

Abstract. Based on the material of Alexander Green's novel "Running on the Waves", the author reveals the peculiarity of the embodiment of the Anima archetype – one of the central ones in analytical psychology. In the mythopoetic tradition, the Anima is not just a femme fatale endowed with the gift of attracting men, but a being of a superhuman, divine order. Based on the analysis of the works of C. G. Jung and his follower Maria Louise von Franz, both attributive and accidental features of the Anima are explicated. The first include numinosity, magnetism, prophetism, a combination of youth and beauty, and the rarity of the protagonist's appearance in life. To the second – immortality, timelessness, the ability to change appearance, a specific, easily recognizable voice. It is shown that both the first and second features of the archetype are almost completely reflected in the image of Frezi Grant, the main heroine of the novel. Performing the traditional functions for the Anima—the roles of savior, guide, judge, messenger of the main character's Self, Frezi also performs the task of harmonizing the world, restoring justice, turning Chaos into Space. Both the positive and negative sides of the archetype can be found in the heroine of Green, but the first is directed at the main character of the novel – Thomas Harvey, while the second is "addressed" to his antagonist Gez. Ultimately, Frezi turns out to be a shadow director who organizes the entire course of events of the novel so that good wins over evil: the main characters, Harvey and Daisy, find true happiness in love with each other, while Gez dies at the hands of his assistant Butler. In general, Frezi Grant fits almost perfectly into the Jungian archetype of the Anima, since it has the main attributes of the latter, implements a wide range of functions inherent in it.

Keywords: archetype, Anima, neo-Romanticism, numinosity, prophetism.

References

1. Belogorskaya L. Model' mira v romane A. Grina "Begushchaya po volnam" [The model of the world in A. Green's novel "Running on the waves"] // Proza.ru – Prose.ru. Available at: <https://proza.ru/2016/04/08/182> (date accessed: 02.10.2021).
2. Benoit P. Atlantida [Atlantis]; Jaffar P. Adskaya vojna [Infernal War]. Kazan. Tatar Book Publishing House. 1993. 445 p.
3. Bondarenko G. Feeriya navsegda! K 120-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Grina [Extravaganza forever! To the 120th anniversary of the birth of Alexander Green]. Available at: <http://www.newfoundglory.ru/publikacii/feeriya-navsegda.html> (date accessed: 02.10.2021).
4. Bondarenko E. N. Kul't bytiya vsegoto sushchestvuyushchego v obraze "nereal'no-real'noj" zhenshchiny (na primere naturfilosofskoj prozy vtoroj poloviny XX veka) [The cult of being of everything existing in the image of an "unreal-real" woman (on the example of natural philosophical prose of the second half of the XX century)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice. 2009. No. 2 (4). Pp. 65–69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15207798> (date accessed: 02.10.2021).
5. Varlamov A. N. Aleksandr Grin. 2-e izd., ispr. [Alexander Green. 2nd ed., corr.] M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2008. 452 p.
6. Vospominaniya ob Aleksandre Grine – Memories of Alexander Green. L. Lenizdat. 1972. 608 p.
7. Green A. S. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 5 [Collected works : in 6 vols. Vol. 5]. M. Pravda (Truth). 1980. 496 p.
8. Denisova O. N. Transformaciya arhetipa Animi v proizvedenii M. M. Prishvin "Kashcheeva cep'" [Transformation of the Anima archetype in the work of M. M. Prishvin "Kashcheev chain"]. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28803558> (date accessed: 02.10.2021).
9. Zvonareva L. U. Deva Mariya, begushchaya po volnam: simvolika prozy Aleksandra Grina [Virgin Mary, running on waves: symbolism prose of Alexander Green] // Kross-kul'turnoe prostranstvo literaturnoj i massovoj

kommunikacii-4 : mat-ly 4-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Majkop, 26–27 noyabrya 2015 g. – Cross-cultural space of the literary and mass communication-4 : Materials of the 4-th International scientific conference, Maykop, 26–27 November 2015. Maykop. 2015. Pp. 12–15.

10. Kirichek A. V. *Arhetypy neoromantizma: Dikarka i Frodo* [Archetypes of neo-Romanticism: Savage and Frodo] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical herald. 2015. No. 3. Pp. 260–264. Available at: http://vestnik.yspu.org/releases/2015_3/46.pdf (date accessed: 02.10.2021).

11. Kirichek A. V. *Vodoem. Roman* [Pond. Roman] // *Zhurnal "Samizdat"* – Samizdat magazine. Available at: http://samlib.ru/k/kirichek_a_w/vodoem.shtml (date accessed: 02.10.2021).

12. Mariya Luiza fon Franc *Process individuacii* – Maria Luisa von Franz The process of individuation // V kn. : Karl Gustav Yung – In the book : Carl Gustav Jung [et al.] *Chelovek i ego simvoli* [Man and his symbols]. M. Medkov S. B., Silver threads. 2006. Pp. 162–237.

13. Meletinskij E. M. *Analiticheskaya psihologiya i problema proishozhdeniya arhetipicheskikh syuzhetov* [Analytical psychology and the problem of the origin of archetypal plots] // V kn. : *Bessoznatel'noe. Mnogoobrazie videniya : sb. statej* – In the book : The unconscious. Diversity of vision : collection of articles. Novocherkassk. Saguna Agency. 1994. Pp. 159–167.

14. Perich O. V. *Voploschenie arhetipa Animy v opere A. S. Dargomyzhskogo "Rusalka"* [The embodiment of the Anima archetype in A. S. Dargomyzhsky's opera "Rusalka"] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice. 2018. No. 4. Pp. 140–144. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34994327> (date accessed: 02.10.2021).

15. Postnikova E. G. *"Muzhskoj" i "zhenskij" mify v proizvedeniyah russkoj klassiki i arhetypy Animi/Animusa kak instrumenty genderного aspekta literaturovedcheskogo analiza* ["Male" and "female" myths in the works of Russian classics and the archetypes of Anima/Animus as tools of the gender aspect of literary analysis] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2018. No. 6. Part 1. Pp. 37–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35042967> (date accessed: 02.10.2021).

16. Haggard G. R. *Ledyanye bogi; Ona; Aesha; Romany* [Ice gods; Ona; Aesha; Novels]. M. Mol. Guardia (Young guard). 1991. 420 p.

17. Hanna Barbara *Simvolizm zhivotnyh. Vvedenie I. Vvedenie. Lekciya pervaya: 26 aprelya 1954 goda* – Hannah Barbara [Animal symbolism. Introduction I. Introduction. Lecture one: April 26, 1954] // *Arhetypy i simvoli* – Archetypes and symbols. Available at: <https://castalia.ru/translations/barbara-hannah-simvolizm-zhivotnyih-vvedenie-i-vvedenie-lektsiya-pervaya-26-aprelya-1954-goda> (date accessed: 02.10.2021).

18. Hughes B. Elena *Troyanskaya* [Helen of Troya]. M. Eksmo. 2006. 608 p.

19. Shevcova G. I. *Motiv Begushchej po volnam v tvorchestve A. S. Grina* [Motif of the wave Runner in the work of A. S. Green] // *Informacionnye materialy dlya studentov* – Informational materials for students. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4432 (date accessed: 02.10.2021).

20. Jung K. G. *Sobranie sochinenij. Psihologiya bessoznatel'nogo* [Collected works. Psychology of the unconscious]. M. Canon. 1994. 320 p.

«Август – это цифра, похожая на бесконечность»: магические практики в современной городской свадьбе

К. А. Ярушина

преподаватель кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-0545-7248. E-mail: zl_ks@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению магии как элемента современной городской культуры. Источниковой базой работы являются материалы полевого исследования брачных практик молодых семей г. Перми в 2018–2020 гг. Исследование проводилось методом интервьюирования: было опрошено 26 респондентов (13 молодых семей). В процессе обработки полученных данных выяснилось, что на подготовку свадебной церемонии оказывают влияние определенные магические представления, воплощенные в практиках горожан. Представления, обнаруженные в комментариях информантов, были распределены на несколько групп в зависимости от их лингвистического построения и содержательного наполнения. Так было получено две группы – «Символические высказывания» и «Приметы». В группу «Символические высказывания» вошли высказывания информантов по темам: «Знаки судьбы», «Магия чисел» и «Гости». К «Приметам» были отнесены комментарии по темам «Атрибуты невесты» и «Дождь». Далее автор, опираясь на современную теорию культуры, интерпретирует выявленные представления, а также определяет возможные информационные каналы появления соответствующих знаний. По мнению автора, следование магическим практикам отражает стремление современного человека повлиять на динамично меняющийся мир и найти в нем что-то стабильное, например, семью. Использование магии «красивых» чисел или знаков судьбы обусловлено потребностью договориться с высшими силами, с помощью которых возможно создать нерушимый брачный союз. Подобные практики погружают городского жителя в мифологическое пространство, где господствует культурный стереотип о браке «один раз и на всю жизнь».

Ключевые слова: молодая семья, городская культура, свадебные приметы, мифология, магия.

Еще несколько столетий назад магия и магические практики рассматривались антропологами, историками и философами религии в качестве обязательного элемента картины мира представителей архаичной или традиционной культуры [18; 26; 27; 32]. Однако современные антропологи и исследователи фольклора также обнаруживают у городских жителей склонность к использованию магического знания в повседневных практиках [20; 31]. Таким образом, магия является не только пережитком прошлого, но и феноменом современной культуры [4, с. 19]. Обратимся к подробному исследованию данного феномена в границах свадебной церемонии, реализованной в городском пространстве.

Городская свадьба является предметом изучения современного гуманитарного знания. М. Г. Матлин, используя материалы интервью студентов Ульяновска и городов областного подчинения (Дмитровграда, Инзы и Барыша), а также видеозаписи и фотоматериалы свадеб, описывает некоторые обряды современной городской свадьбы: «девичник», выкуп невесты, посещение местных достопримечательностей и другое [19]. Анализу новой свадебной традиции – крепления замков на мосту – посвящена работа отечественных этнографов и фольклористов, где определяется символическое значение этого действия – демонстрация «крепости отношений и напоминания о романтических чувствах, которыми были охвачены молодые люди» [1, с. 302]. Магическому мировосприятию мест городского ландшафта посвящена работа Д. В. Громова, где особое внимание уделяется посещению молодоженами «свадебных достопримечательностей» – объектов, связанных с символикой любви, здоровья, плодородия, – с целью программирования будущей семейной жизни [6, с. 11–13].

Основываясь на суждении о «программировании» семейных отношений посредством посещения определенных объектов городского пространства, сформулируем гипотезу данной работы. Мы предполагаем, что современные пары программируют свою будущую счастливую супружескую жизнь, в том числе посредством магических практик, используемых в процессе организации свадебной церемонии. Переходя в новый социальный статус, инди-

вид одновременно выходит за пределы привычных и понятных социальных границ и входит в интервал социального бывшеменя – пограничную, «священную» и табуированную зону [17, с. 44–47]. В пограничной зоне не работают правила и законы привычного мира, поэтому индивиды обращаются к более древним и «универсальным» законам – законам магии – и используют соответствующие им практики. Под магическими практиками понимаются действия, основанные на магических установках – использовании в повседневности гомеопатической и контагиозной магии, а также наделении предметов особым символическим значением [27]. Напомним, что гомеопатическая магия основывается на представлении о переносе свойств подобных предметов друг на друга, а контагиозная магия утверждает возможность передачи свойств предметов благодаря их соприкосновению. По мнению Д. В. Громова, при анализе современного материала, касающегося магических практик, нужно учитывать их игровой характер, не связанный с глубокой верой в мистическое; однако высокий уровень суеверности в обществе позволяет утверждать, что мы имеем дело именно с магическими практиками, а не с шуточными действиями, призванными их имитировать [6, с. 10].

В данной работе в терминах антропологии и культурологии будут интерпретированы магические практики, выявленные в процессе интервьюирования современных горожан. В качестве методологической основы статьи был выбран тезис О. Б. Христофоровой о необходимости концентрировать внимание на функционировании культуры – изучать правила, способы и цели использования культурных символов в определенных ситуациях из жизни [28, с. 3]. Целью работы является определение закономерностей использования магических представлений в ситуации свадебного торжества.

Источниковой базой статьи являются материалы полевого исследования брачных практик молодых семей г. Перми в 2018–2020 гг. Под молодой семьей понимается семья в первые три года после заключения брака. Дополнительными критериями выборки являются возраст супругов (до 30 лет), место постоянного проживания (г. Пермь) и наличие свадебного торжества. В качестве исследовательского метода было выбрано интервьюирование. Целью этого исследовательского приема является описание жизненного мира интервьюируемого, что подразумевает интерпретацию смысла описываемых феноменов [14, с. 15]. При этом информант представляется в качестве эксперта определенной области, что мотивирует его на подробное изложение реализованных практик, а также их культурных оснований. Гайд интервью строится на обсуждении свадебного торжества, поскольку рефлексия на тему этого публичного события позволяет настроиться на обсуждение более сложных смысловых блоков: организацию свадебного торжества и осмысление брачного выбора. В процессе исследования было опрошено 13 молодых семей, взято 26 интервью. Объем выборки обусловлен следованием экспертному мнению социологов: оптимальным количеством материалов для качественных исследований является 15–50 интервью [30, с. 47]. В нашем случае основным критерием прекращения исследования являлось повторение ответов респондентов. Уточним, что отказ от широты охвата компенсировался «глубиной» исследования, то есть детальным изучением социального явления в его целостности [3, с. 9]. Результатом работы стало получение подробной информации о трех типах брачных стратегий: патриархальной (доминирование мужского гендера), перверсивной (доминирование женского гендера) и «переходной» (смещение ведущих позиций в отношениях) [33, с. 127–128].

Примечательно, что в процессе обработки материалов интервью удалось обнаружить дополнительные сюжеты, косвенно связанные с брачными стратегиями, однако наглядно демонстрирующие сложный и противоречивый мир современных горожан. При первичном анализе выявленные сюжеты, демонстрирующие магические представления горожан о различных элементах свадебного торжества, были разделены на несколько групп в зависимости от их содержательного наполнения: «Магия чисел», «Дождь», «Атрибуты невесты», «Гости на свадьбе» и «Знаки судьбы». Критерием вторичного анализа материала являлась форма, то есть лингвистическое построение высказывания. В частности, были сформированы две группы: приметы и символические высказывания. Определим приметы как взаимосвязь между различными явлениями, которой приписывается магическое знание, по своему происхождению тяготеющее к архаичной культуре, но применяемое к современным практикам. Символические высказывания представляют собой утверждения, где явлениям или предметам приписывается магический смысл. Итоги работы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Символические высказывания	Приметы
«Знаки судьбы»	«Атрибуты невесты»
«Магия цифр»	«Дождь»
«Гости»	

Далее рассмотрим каждую смысловую группу, а также определим возможные предпосылки возникновения данных представлений. Отметим также, что за рамками исследования остаются биографические данные респондентов: место рождения, образование и гендерная идентификация. Мы не ставим цель выявить взаимосвязь между образом жизни информантов и их культурными представлениями, а также утвердить наличие данных представлений у всех семейных пар. Статья фокусируется лишь на анализе магических практик и соответствующих им представлений, которые были выявлены у респондентов.

Символические высказывания

Группа представляет собой сообщения информантов, в которых магическим значением наделяются числа, предметы или явления. Описание группы начнем с тематического блока «Знаки судьбы», в котором собраны высказывания респондентов о благоприятных знаках, повлиявших на их брачный выбор.

«В этом году мы были на свадьбе, я поймал подвязку, возможно, для меня это был знак...»

«...я в букет верю. Я ни разу его не ловила, но я как-то девочке свадьбу организовывала. У нее все девочки были замужем, я одна не была замужем, и она мне дала букет. Это был мой единственный букет невесты, и он у меня сработал»

В комментариях информанты наделяют магическими смыслами подвязку и букет невесты. В современной культуре существует представление: данные артефакты способствуют «передаче» брачного статуса и означают собственную предстоящую свадебную церемонию. Для неженатого мужчины символом будущей свадьбы будет являться пойманная бутоньерка жениха или подвязка невесты, для незамужней женщины подобную функцию исполняет букет невесты. Отметим, что в высказываниях отсутствует прямое указание на будущую свадебную церемонию, однако информанты расценивают получение данных предметов в качестве знамения.

Следующая реплика информанта касается ритуала предложения «руки и сердца»: «У меня было пять шариков гелиевых, я их привязал к кольцу, опасно было, да... там ветер был сильный... у меня был план: если улетит, значит, не надо...». Уточним, что ритуал был осуществлен в экстремальных условиях: на открытом пространстве в ветреную погоду кольцо, привязанное лентой к гелиевым шарам, было отпущен в направлении женщины. В этом ключе уточнение «если улетит, значит, не надо» интерпретируется в качестве проверки внешними обстоятельствами (то есть судьбой или высшими силами) намерений мужчины.

Заключительное высказывание этой группы связано с описанием повторяющегося в повседневности информанта действия – пролитого спиртного напитка на женщину: «У нас на столе стояло розовое вино, и я разлил его... я один бокал вот так случайно столкнул на нее... у нас просто издавна с нашего знакомства заведено, что я чем-то должен ее облизть. Мы как-то сидели, знакомились с ее друзьями и так же мы что-то выпивали, я на нее бокал чего-то пролил, и вот с этого все и началось. И я ей говорю: это знак, это знак».

Впервые данная практика была осуществлена на этапе знакомства респондентов, что стало своеобразным «предвестником» отношений. Поэтому повторение аналогичной практики во время свадебной церемонии воспринимается мужчиной в качестве символа удачного союза. Вместе с тем, пролитый напиток сложно идентифицировать в качестве универсально-положительного знака, ведь он воплотился в опыте лишь конкретного информанта. Однако пойманные на свадебной церемонии букет или подвязка невесты могут восприниматься их обладателями как призыв к действию.

Следующий тематический блок – «Магия цифр» – включает в себя высказывания информантов о выборе «красивой» даты для свадебной церемонии. «Красивой», как правило, считается дата, обладающая повторяющимися цифрами. Например, по данным ИТАР-ТАСС более одной тысячи заявлений на регистрацию брака поступило от жителей Москвы на дату 21 января 2021 г. – 21.01.21 [10]. Аналогичная культурная установка – зарегистрировать отношения в «красивую» дату обнаруживается в комментариях:

«Свадьба была 19 июля 2019 года, *Д¹*. хотел красивую дату...»

«Я предложила сделать дату 20 сентября 2019 года. Тут красивые цифры: 9, 0, 20. В принципе, красивое число»

Таким образом, свадьбы состоялись 19.07.2019 г. и 20.09.2020 г. Также выяснилось, что дата свадебного торжества может определяться личными предпочтениями:

«А нам цифра 4 нравится. В жизни постоянно где-то цифра 4. Я сделал предложение 14 февраля. У меня на первой машине был номер 948, сейчас на второй машине номер 384. Везде цифра 4 присутствует, поэтому было решено, что цифра 4 – наша цифра»

«У меня по жизни есть счастливые числа – 21 и 7... 21 июля была пятница, мы запланировали ее»

Как видим, в культуре современных горожан обнаруживаются представления о взаимосвязи чисел и окружающего мира. При этом числами, обладающими благоприятными значениями, являются символы, повторяющиеся в личном пространстве: в номере квартиры, дома или машины. Помимо веры в счастливое значение «персональных» цифр, существует практика обращения к более универсальному знанию – нумерологии.

«Август – это цифра, похожая на бесконечность... ну и Н.² там смотрела что-то по нумерологии, но я не знаю, что это вообще значит. 25 августа – это нормально, это хорошо»

Нумерология является учением, согласно которому каждая цифра несет определенное символическое значение, а судьба человека определяется датой его рождения. В современной культуре практика обращения к нумерологии осуществляется посредством использования соответствующих электронных ресурсов, где по дате рождения возможно рассчитать число судьбы (смысл жизни), график жизни и судьбы (наиболее благоприятные периоды), дату и число замужества и другое [21]. В этом ключе распространение получил квадрат Пифагора – особый расчет в нумерологии, где путем математических операций с цифрами из даты рождения составляется квадрат из девяти ячеек [13]. Каждая ячейка означает потенциальные черты личности: характер, здоровье, интеллект, логика, энергетика и так далее.

Обращение пар к нумерологии объясняется наличием культурных представлений о символическом значении чисел, которое позволяет определить благоприятную дату для проведения свадебной церемонии. Так, выбор августа в качестве месяца бракосочетания объясняется информантам подобием его графического символа «8» математическому знаку бесконечности «∞». Это может означать стремление «запрограммировать» брак на долгосрочную перспективу.

Заключительная тематическая группа, рассмотренная в этом ряду, – «Гости на свадьбе». Она состоит из нескольких высказываний, адресованных к теще и свидетелям. Для начала обратимся к высказыванию о теще: «Тещу я на тачке возил. На строительной тачке. Это примета, что зять должен провезти на тачке тещу». Несмотря на то, что в комментарии присутствует слово примета, мы причисляем его к высказываниям символического характера. Уточним, что примета представляет собой однофразовый текст, состоящий из двух частей: описание реальной ситуации и раскрытие смысла этой ситуации [28, с. 59]. В данном случае респондент указывает лишь на ситуацию – «тещу я на тачке возил», не объясняя мотивацию своих действий. Мы предполагаем, что это высказывание иллюстрирует обряд, характерный для традиционной народной культуры и широко распространенный в сельской местности. А. В. Гура, рассматривая традиционную славянскую свадебную обрядность, отмечает катания молодой семьи или их родителей: в северном Прикамье катали в корыте молодоженов, а также сваху невесты, которую после катания валяли в снегу; в Гомельской области везли родителей невесты на бороне или в корыте к дочери в дом молодого; в Сумской области родителей и крестных в венках из крапивы или сорняков возили, погоняя крапивой по кочкам на телеге [7, с. 540–542]. По мнению автора, подобное катание является заключительной частью свадебного обряда и иллюстрирует шутовскую, пародийную свадьбу – выход из промежуточного обрядового «перехода» [7, с. 542–544].

В настоящее время информацию об этой традиции можно получить как минимум двумя информационными каналами: через обращение к культурной традиции референтной группы респондента или обращение к массовой культуре. Так, на просторах интернета традиция катания тещи на тачке объясняется стремлением зятя извиниться за будущие неудобства, ко-

¹ Имя супруга – примечание автора.

² Имя супруги – примечание автора.

торые он ей причинит [23], или, наоборот, чтобы теща не каталась у зятя на шее, зять должен ее «выкатать» заранее [5].

Следующее высказывание также адресовано теще, однако посвящено регламентации ее внешнего вида: «*Моя мать не должнашибко веселиться и должна обязательно быть в юбке, не брюках*». Отметим, что в народной традиции отсутствуют подобные запреты на предметы гардероба тещи, поскольку брюки символизировали мужское начало и не могли быть элементом женского костюма. Поэтому мы считаем, что данная практика является производной современной культуры. Для подтверждения тезиса обратимся к интернет-ресурсам, где можно встретить разнообразные, порой противоречащие друг другу регламентации внешнего образа матери невесты. В статье «Дамского» журнала о женской одежде читаем: мамы в день свадьбы своего сына или дочери должны быть одеты именно в платья, а не в костюмы, чтобы дети потом не развелись [29]. Однако в публикации журнала SUNMAG о предпочтительной одежде для снохи и тещи представлена более нейтральная информация: брючный костюм выглядит элегантно и неординарно, при этом скрывает проблему варикозного расширения вен [22].

Рассмотрим далее высказывание о свидетелях: «*Все, что я слышал про свадьбу: что свидетель и свидетельница должны***³, чтобы все было хорошо*». Цитата демонстрирует представление о существующей взаимосвязи между интимными отношениями свидетелей и будущей супружеской жизнью. При этом словосочетание «*все было хорошо*» можно трактовать двояко: и как успех в сексуальном плане, и как успех в семейной жизни в целом. Наличие фигур свидетеля и свидетельницы в современном свадебном обряде можно понимать в качестве «пережитков культуры». Напомним читателю, что первые упоминания о необходимости присутствия этих персон на церемонии бракосочетания относятся к середине 1920-х гг. Так, в статье 114 кодекса законов о браке, семье и опеке, принятом ВЦИК 19 ноября 1926 г., читаем следующее: каждая запись, вносимая в соответствующую книгу записей, должна быть прочитана заявителям, подписана ими, если они грамотны, а при их неграмотности – двумя грамотными свидетелями, и в обоих случаях – должностным лицом, совершающим акт [15]. Сегодня нет необходимости присутствия свидетелей на церемонии бракосочетания, однако некоторые молодые пары отдают дань традиции и просят своих близких друзей исполнить данные роли. Отметим и то, что функционал современных свидетелей сменился. Теперь они выступают в роли помощников или координаторов свадебного торжества.

Заключительное высказывание данной группы касается обязательных «гостей», которым необходимо присутствовать в день бракосочетания: «*я слышала о том, что на свадьбе должны быть дождь, беременная и дети*». Примечательно, что все озвученные «посетители» символизируют плодородие, значит, их наличие на свадебной церемонии способствует будущему рождению детей в паре. Дождь как погодное явление, благоприятное для свадебной церемонии, будет более подробно рассматриваться в группе «Приметы».

Приметы

Группа представляет собой высказывания информантов, форма которых соответствует приметам как фольклорному жанру. Примечательно то, что выявленные приметы являются приметами-толкованиями – в их левой части описывается ситуация, а в правой части используется настоящее или прошедшее время [28, с. 59]. Начнем рассмотрение группы с примет, посвященных «Атрибутам невесты». В этот тематический блок вошли высказывания информантов, регламентирующие обувь невесты. Нам удалось обнаружить комментарий, являющийся приметой-толкованием («*Носок должен быть закрыт, чтобы счастье через носок не выскользнуло*»), и комментарий, представляющий собой символическое высказывание («*У невесты должны быть закрытые туфли*»). На наш взгляд, символическое высказывание является своеобразным правилом, образованным от приметы, однако упрощенным по форме и содержанию.

Примета-толкование показывает взаимосвязь между обувью невесты и счастьем в брачной жизни. При этом наблюдается реификация счастья – об этом абстрактном понятии говорится как о вещественном объекте. Счастье становится осязаемым, поэтому появляется возможность с помощью правильной обуви схватить его в день свадебной церемонии и сохранить для будущей брачной жизни. Символическое высказывание, в свою очередь, не объясняет конкретную причину важности закрытой обуви. Поэтому мы предполагаем, что обувь обеспечивает

³ Совершить сексуальный акт – примечание автора.

ет сохранение семейного счастья. Обратившись к современным информационным ресурсам, посвященным свадебным приметам, можно найти подтверждение нашему мнению: босоножки нельзя надевать – иначе жизнь будет босая [24]; если туфли невесты декорированы небольшими дырочками, их не следует покупать, потому что счастье может утечь сквозь них [12].

Следующая примета демонстрирует взаимосвязь между обувью невесты и рождением ребенка: «*На щиколотке не должно быть этой застежки, чтобы легкое рождение ребенка было*». Представление об этой взаимосвязи достаточно старинное. Дж. Фрэзер, описывая обряды народов, связанные с деторождением, отмечает: «Когда приходит пора рожать женщине с острова Сахалин, ее муж развязывает все, что только можно: распускает свои косички, развязывает шнурки на ботинках, вытаскивает из полена топор, отвязывает от дерева причаленную лодку, вынимает патроны из ружья и стрелы из самострела» [27, с. 324]. Вместе с тем, наличие подобного рода знания у современного горожанина не означает следование соответствующей культурной традиции. Однако информацию о данной практике можно получить путем обращения к сайтам, посвященным свадебным приметам. Так, на страницах женского журнала WomanEM читаем: на обуви невесты должны отсутствовать шнуровки и застежки – это означает легкое течение будущих родов [24]. Сайт о свадьбе Marryguru предлагает отказаться невесте от крючков и застежек на обуви в пользу закрытых классических туфель, поскольку такая обувь способствует легкому деторождению и сохранению чувств в семье на долгие годы [11].

Завершающий тематический блок данной группы посвящен такому погодному явлению, как **«Дождь»**. Здесь также представлена примета-толкование (*«У меня такое поверье, что все, что начинается в дождь, обречено на успех. У нас утром, когда мы шли в ЗАГС, был дождь»*) и несколько комментариев – упрощенных вариаций данной приметы:

«*А дождь, извини меня, это тебе не хухры-мухры, да, дождь-то нужен обязательно*»

«*Начался дождь – примета хорошая*»

Ранее в тексте мы уже характеризовали дождь в качестве символа плодородия. Дополнительно опишем его магическое значение, имеющее историческую перспективу. Б. Малиновский при изучении племен Северо-Западной Меланезии отмечал, что «такие дела, как война и любовь, и такие проявления роковых природных сил, как болезни, ветер, солнце, дождь, по туземным представлениям почти полностью подчинены магии» [18, с. 138]. В традиционной культуре также обнаруживаются практики, восходящие корнями к архаичным представлениям, но имеющие религиозную форму. К примеру, А. Гуревич, характеризуя сельскохозяйственные практики раннего средневековья, писал следующее: «Священники нередко принимали участие в процессиях вокруг полей, с Евангелием и крестом в руках, дабы вызвать дождь и обеспечить урожай» [8, с. 384]. Постепенно данные практики перестали воспроизводиться, однако представление о значимости дождя нашло свое отражение в фольклорных традициях. Этнографам удалось обнаружить колядки, повествующие о представителях мира природы (солнце, месяце и дожде), которые вступают в спор для выявления собственной значимости. Такой спор разрешается в пользу дождя, самого желанного гостя для земледельца [25, с. 406].

Сегодня жизнь горожанина в меньшей степени связана с сельскохозяйственной деятельностью и, следовательно, не подчинена магическим практикам, продуцирующим благоприятные погодные явления. Вместе с тем, представления об особом значении дождя обнаруживаются в массовом сознании: дождь в день торжества считается хорошим знаком [24]. Однако данное погодное явление имеет различные интерпретации: дождь может означать удачную семейную жизнь, скорое многочисленное прибавление семейства, согласие в браке, конец трудностей в отношениях и начало по-настоящему семейного взаимоуважения [9]. Примечательно, что в сети интернет также можно узнать толкования видов дождей в день бракосочетания: дождь с грозой символизирует ссоры между новобрачными или, наоборот, испытания, которые укрепляют семейный союз; дождь с радугой – предзнаменование богатства; проливной дождь является знаком очищения, начала новой жизни; дождь со снегом предвещает переезд [2].

Современная городская культура характеризуется динамизмом: она наполнена сменяемыми процессами, которые сложно контролировать и прогнозировать. Поэтому находясь в постоянном движении, человек тяготеет к чему-то стабильному. Такая потребность удовлетворяется через обращение к практикам мифологизации – создании образа устойчивого семейного счастья. Миф позволяет человеку растолковать непонятное, преобразовать в красочную застывшую картинку сложную, противоречивую и динамическую реальность, свести

возникающие проблемы к простой объяснительной схеме [16, с. 21]. Современный человек хочет верить в правильность выбора спутника жизни, в нерушимый семейный союз. Через магические практики происходит заключение договора с миром, высшими силами или судьбой (в действительности же договор заключается с самим собой) о долговременном и счастливом будущем молодой семьи.

На наш взгляд, существует два информационных канала, обеспечивающих молодые пары соответствующими данными: массовая культура, представленная всевозможными интернет-источниками о свадебных приметах, и культурная традиция референтной группы. В частности, приметы ориентированы не только на регулирование поведения человека в условиях риска или неопределенности, но и на трансляцию значимых норм и символов, а также на коммуникацию внутри сообщества [20, с. 109].

Обращение к высказываниям символического характера или приметам означает проектирование соответствующих верований на уровень повседневности: актуализацию мифологических представлений в конкретных жизненных ситуациях [28, с. 9]. В этом ключе свадьба является не только обрядом перехода во «взрослую и самостоятельную» жизнь, но и институтом, окруженным культурными стереотипами: «свадьба бывает раз в жизни»; «должно быть так – один раз и на всю жизнь», «сейчас как бы нельзя терять человека в законном браке... это ведь не игрушка, что взять и разойтись». Подобные высказывания подчеркивают «хрупкость» семейной жизни, поэтому, прибегая к магическим практикам, информанты «программируют» семейный союз на счастливое будущее.

Список литературы

1. «Зайчик + Зайка = любовь»: замки на мосту как новая свадебная традиция / В. В. Виноградов, Д. В. Громов, В. А. Коршунков, М. Г. Матлин // Прошлое в настоящем: записки этнографа / ред.-сост. Е. В. Хаздан; науч. ред. А. Ф. Некрылова. Санкт-Петербург : Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2020. С. 289–303.
2. Афонина Д. Дождь на свадьбу – хорошая или плохая примета? // Тайны.нет. Адекватно о непознанном. URL: <https://tainy.net/62211-dozhd-na-svadbu-xoroshaya-ili-plokhaya-primeta.html> (дата обращения: 10.08.2021).
3. Белановский С. А. Глубокое интервью и фокус группы. М. : Ridero, 2019. 372 с.
4. Белоусова Е. В. Старая и новая магия // Вестник ЧелГУ. 2009. № 42 (180). С. 19–25.
5. Второй день свадьбы по-деревенски // Сценарiev. Нет. URL: <http://scenariiev.net/index.php?newsid=294> (дата обращения: 12.08.21).
6. Громов Д. Б. Символика мест исполнения желаний и магическое мировосприятие // Вопросы культурологии. 2018. № 5. С. 9–17.
7. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М. : Индрик, 2012. 936 с.
8. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. : Искусство, 1990. 401 с.
9. Дождь в день свадьбы – хорошая примета! // Тайный мир. Неизведанный мир магии и эзотерики. URL: <https://tayniymir.com/primety-i-sueveriya/dozhd-na-svadbu.html> (дата обращения: 12.08.2021).
10. Жители Москвы подали более 1 тыс. заявлений на регистрацию брака в красивые даты 2021 года // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/moskva/ 9957297> (дата обращения: 03.05.2021).
11. Какая обувь должна быть у невесты на церемонии бракосочетания? // Marryguru. Сайт о свадьбе от экспертов. URL: <https://marry.guru/primety/tufl-nevesty> (дата обращения: 10.08.2021).
12. Какие туфли выбрать невесте? // Годовщина свадьбы. Семейный портал. URL: <https://god-svadbi.ru/svadbi/primety-tufl.htm> (дата обращения: 10.08.21).
13. Квадрат Пифагора. Психоматрица // In-country. Анализ совместимости отношений по гороскопу, биоритмам (чакрам) и Пифагору. URL: <http://in-contri.ru/kvadrat-pifagora/> (дата обращения: 06.08.21).
14. Кваде С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003. 301 с.
15. Кодекс законов о браке, семье и опеке. 19.11.1926 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13940> (дата обращения: 07.08.21).
16. Лейбович О. Л. «Серые бесы все еще притворяются живыми людьми...»: оборотни в современной городской культуре // Вопросы культурологии. 2018. № 5. С. 18–22.
17. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи смыслов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с.
18. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М. : Академический проект, 2015. 298 с.
19. Матлин М. Г. Свадебный обряд // Современный городской фольклор. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 370–391.

20. Назарова И. Ю. Почему мы (не) верим в приметы? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 107–116. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_nazarova.pdf (дата обращения: 12.08.2021).
21. Нумерология онлайн // Тайный мир. Неизведанный мир магии и эзотерики. URL: <https://tayniyimir.com/numerologiya> (дата обращения: 10.08.21).
22. Платье на свадьбу для мамы жениха или невесты // SUNMAG. URL: https://sunmag.me/odezhd-na-svadbu/plate-na-svadbu-dlya-mamy-zheniha-ili-nevesty.html#h2251_4 (дата обращения: 09.08.21).
23. Свадебная традиция – зять катает тещу // Калач-на-Дону свадебный. URL: https://calatchnandonu.ucoz.ru/load/vtoroj_den_svadby/vtoroj_den_svadby/svadebnaja_tradicija_zjat_kataet_teshhu/39-1-0-239 (дата обращения: 12.08.21).
24. Свадебные приметы: чего точно нельзя делать на свадьбе // Женский журнал WomanEM. URL: <https://womanem.com/svadebnye-primety-chego-tochno-nelzja-delat-na-svadbe> (дата обращения: 09.08.21).
25. Соколов Ю. М. Колядки : литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 5. М. : Ком. Акад., 1931. С. 402–406.
26. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
27. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии : в 2 т. Т. 1. Гл. I–XXXIX. М. : ТЕПРА – книжный клуб, 2001. 528 с.
28. Христофорова О. Б. Логика толкований: фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 80 с.
29. Что надеть на свадьбу маме: суеверия и приметы // Дамский журнал. URL: http://damskij.ru/vechernie_platya/chto_odet_na_svadbu_mame.html (дата обращения: 09.08.21).
30. Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «Восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71.
31. Щепанская Т. Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докладов. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. Т. 2. С. 405–427.
32. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М. : Ладомир, 1999. 488 с.
33. Ярушина К. А. «Я красивый, хозяйственный, заботливый, люблю ее, что еще надо?»: антропологическое описание брачной стратегии // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 2. С. 126–132. DOI: 10.17805/zpu.2021.2.9.

"August is a figure that looks like infinity": magical practices in a modern urban wedding

K. A. Yarushina

lecturer of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-0545-7248. E-mail: zl_ks@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of magic as an element of modern urban culture. The source base of the work is the materials of a field study of marriage practices of young families in Perm in 2018–2020. The study was conducted by interviewing: 26 respondents (13 young families) were interviewed. In the process of processing the data obtained, it turned out that the preparation of the wedding ceremony is influenced by certain magical ideas embodied in the practices of the townspeople. The ideas found in the informants' comments were divided into several groups depending on their linguistic structure and content. So two groups were obtained – "Symbolic statements" and "Omens". The group "Symbolic statements" includes statements by informants on the topics: "Signs of fate", "Magic of numbers" and "Guests". Comments on the topics "Attributes of the bride" and "Rain" were attributed to the "Signs". Further, the author, relying on the modern theory of culture, interprets the identified ideas, and also determines possible information channels for the emergence of relevant knowledge. According to the author, following magical practices reflects the desire of a modern person to influence a dynamically changing world and find something stable in it, for example, a family. The use of magic of "beautiful" numbers or signs of fate is due to the need to negotiate with higher powers, with the help of which it is possible to create an unbreakable marriage union. Such practices immerse a city dweller in a mythological space where the cultural stereotype of marriage "once and for life" prevails.

Keywords: young family, urban culture, wedding signs, mythology, magic.

References

1. "Zajchik + Zajka = lyubov": zamki na mostu kak novaya svadebnaya tradiciya "Bunny + Bunny = love": padlocks on the bridge as a new wedding tradition / V. V. Vinogradov, D. V. Gromov, V. A. Korshunkov, M. G. Matlin // Proshloe v nastoyashchem: zapiski etnografa – Past in the present: notes of an ethnographer

/ ed.-comp. E. V. Hazdan; scient. ed. A. F. Nekrylova. SPb. Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. 2020. Pp. 289–303.

2. Afonina D. *Dozhd' na svad'bu – horoshaya ili plohaya primeta?* [Is rain for a wedding a good or bad omen?] // *Tajny.net. Adekvatno o nepoznannom* – Tainy.net. Adequately about the unknown. Available at: <https://tainy.net/62211-dozhd-na-svadbu-xoroshaya-ili-plokhaya-primeta.html> (date accessed: 10.08.2021).

3. Belanovskij S. A. *Glubokoe interv'yu i fokus gruppy* [In-depth interview and focus groups]. M. Ridero. 2019. 372 p.

4. Belousova E. V. *Staraya i novaya magiya* [Old and new magic] // *Vestnik ChelGU – Herald of ChelSU*. 2009. No. 42 (180). Pp. 19–25.

5. *Vtoroj den' svad'by po-derevenski* – The second day of the wedding in a rustic way // Scenariev.net. Available at: <http://scenariev.net/index.php?newsid=294> (date accessed: 12.08.21).

6. Gromov D. B. *Simvolika mest ispolneniya zhelanij i magicheskoe mirovospriyatiye* [Symbolism of places of fulfillment of desires and magical perception of the world] // *Voprosy kul'turologii* – Questions of cultural studies. 2018. No. 5. Pp. 9–17.

7. Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism]. M. Indrik. 2012. 936 p.

8. Gurevich A. Ya. *Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [Medieval world: culture of the silent majority]. M. Iskusstvo (Art). 1990. 401 p.

9. *Dozhd' v den' svad'by – horoshaya primeta!* – Rain on the wedding day is a good omen! // *Tajnyj mir. Neizvedannyj mir magii i ezoteriki* – The secret world. The unknown world of magic and esotericism. Available at: <https://tayniymir.com/primety-i-sueveriya/dozhd-na-svadbu.html> (date accessed: 12.08.2021).

10. Zhiteli Moskvy podali bolee 1 tys. zayavlenij na registraciyu braka v krasivye daty 2021 goda – Residents of Moscow have submitted more than 1 thousand applications for marriage registration on the beautiful dates of 2021 // *Informacionnoe telegrafnoe agentstvo Rossii (ITAR-TASS)* – News Telegraph Agency of Russia (ITAR-TASS). Available at: <https://tass.ru/moskva/9957297> (date accessed: 03.05.2021).

11. *Kakaya obuv' dolzhna byt' u nevesty na ceremonii brakosochetaniya?* – What shoes should the bride have at the wedding ceremony? // *Marryguru. Sajt o svad'be ot ekspertov* – Marryguru. Website about the wedding from experts. Available at: <https://marry.guru/primety/tuflji-nevesty> (date accessed: 10.08.2021).

12. *Kakie tuflji vybrat' neveste?* – Which shoes should the bride choose? // *Godovshchina svad'by. Semejnyj portal* – Wedding anniversary. Family portal. Available at: <https://god-svadbi.ru/svadbi/primety-tuflji.htm> (date accessed: 10.08.21).

13. *Kvadrat Pifagora. Psihomatrica* – The Pythagorean square. Psychomatrix // *In-contri. Analiz sovmestnosti otnoshenij po goroskopu, bioritmam (chakram) i Pifagoru* – In-contri. Analysis of the compatibility of relationships according to horoscope, biorhythms (chakras) and Pythagoras. Available at: <http://in-contri.ru/kvadrat-pifagora/> (date accessed: 06.08.21).

14. Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yu* [Research interview]. M. Smysl (Sence). 2003. 301 p.

15. *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke. 19.11.1926 g.* – The Code of laws on marriage, family and guardianship. 19.11.1926 // *Muzej istorii rossijskikh reform imeni P. A. Stolypina* – Museum of the History of Russian Reforms n. a. P. A. Stolypin. Available at: <http://музейреформ.рф/node/13940> (date accessed: 07.08.21).

16. Lejbovich O. L. "Serye besy vse eshche pritvoryayutsya zhivymi lyud'mi..." : oborotni v sovremennoj gorodskoj kul'ture ["Gray demons still pretend to be living people ...": werewolves in modern urban culture] // *Voprosy kul'turologii* – Questions of cultural studies. 2018. No. 5. Pp. 18–22.

17. Lich E. *Kul'tura i kommunikaciya: logika vzaimosvyazi smyslov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v social'noj antropologii* [Culture and communication: the logic of the interrelation of meanings. On the use of structural analysis in social anthropology] / transl. from English. M. Publishing company "Oriental Literature" of RAS. 2001. 142 p.

18. Malinovskij B. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, science and religion]. M. Academiccheskiy proekt (Academic project). 2015. 298 p.

19. Matlin M. G. *Svadebnyj obryad* [Wedding ceremony] // *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* – Modern urban folklore. M. Russian State Humanitarian Institute. 2003. Pp. 370–391.

20. Nazarova I. Yu. *Pochemu my (ne) verim v primety?* [Why do we (not) believe in omens?] // *Antropologicheskij forum* – Anthropological Forum. 2010. No. 13. Pp. 107–116. Available at: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_nazarova.pdf (date accessed: 12.08.2021).

21. *Numerologiya onlajn* – Numerology online // *Tajnyj mir. Neizvedannyj mir magii i ezoteriki* – Secret World. The unknown world of magic and esotericism. Available at: <https://tayniymir.com/numerologiya> (date accessed: 10.08.21).

22. *Plat' na svad'bu dlya mamy zheniha ili nevesty* – Wedding dress for the groom's or bride's mother // SUNMAG. Available at: https://sunmag.me/odezhda-na-svadbu/plate-na-svadbu-dlya-mamy-zheniha-ili-nevesty.html#h2251_4 (date accessed: 09.08.21).

23. *Svadebnaya tradiciya – zyat' kataet teshchu* – Wedding tradition – son-in-law rides mother-in-law // *Kalach-na-Donu svadebnyj* – Wedding Kalach-on-Don. Available at: https://calatchnadonu.ucoz.ru/load/vtoroj_den_svadby/vtoroj_den_svadby/svadebnaja_tradicija_zyat_kataet_teshhu/39-1-0-239 (date accessed: 12.08.21).

24. *Svadebnye primety: chego tochno nel'zya delat' na svad'be* – Wedding signs: what exactly can not be done at a wedding // *Zhenskij zhurnal WomanEM* – Women's magazine WomanEM. Available at: <https://womanem.com/svadebnye-primety-chego-tochno-nelzja-delat-na-svadbe> (date accessed: 09.08.21).
25. *Sokolov Yu. M. Kolyadki : literaturnaya enciklopediya : v 11 t. T. 5* [Carols : literary encyclopedia : in 11 vol. Vol. 5]. M. Com. Akad., 1931. Pp. 402–406.
26. *Tylor E. B. Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. M. Politizdat. 1989. 573 p.
27. *Fraser D. D. Zolotaya vetr': issledovanie magii i religii : v 2 t. T. 1. Gl. I-XXXIX* [The Golden Branch: the study of magic and religion : in 2 vols. Vol. 1. Chap. I-XXXIX]. M. TERRA – book club. 2001. 528 p.
28. *Hristoforova O. B. Logika tolkovaniy: fol'klor i modelirovanie povedeniya v arhaicheskikh kul'turah* [Logic of interpretations: folklore and modeling of behavior in archaic cultures]. M. Russian State Humanitarian Unst-inute. 1998. 80 p.
29. *Chto nadet' na svad'bu mame: sueveriya i primety* – What to wear to mom's wedding: superstitions and omens // *Damskij zhurnal* – Ladies' magazine. Available at: http://damskij.ru/vechernie_platya/chto_odet_na_svadbu_mame.html (date accessed: 09.08.21).
30. *Steinberg I. E. Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennyh interv'yu: "Vos'miokon-naya" model'* [Logical schemes of sample justification for qualitative interviews: "Eight-window" model] // *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* – Sociology: methodology, methods, mathematical modeling. 2014. No. 38. Pp. 38–71.
31. *Shchepanskaya T. B. Fol'klor professional'nyh soobshchestv: primety* [Folklore of professional communities: signs] // *Pervyj Vserossijskij kongress fol'kloristov : sb. dokladov* – The first All-Russian Congress of Folklorists : collection of reports. M. State Republican Center of Russian Folklore. 2006. Vol. 2. Pp. 405–427.
32. *Eliade M. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays of comparative religious studies]. M. Ladamir. 1999. 488 p.
33. *Yarushina K. A. "Ya krasivyj, hozyajstvennyj, zabolitiviy, lyublyu ee, chto eshche nado?": antropolog-icheskoe opisanie brachnoj strategii* ["I am beautiful, economic, caring, I love her, what else is needed?": anthropological description of the marriage strategy] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Ability. 2021. No. 2. Pp. 126–132. DOI: 10.17805/zpu.2021.2.9.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.060

Обращаясь к прошлому, мы находим себя в настоящем

Н. М. Ефимова

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4341-4476. E-mail: nm-efimova@rambler.ru

Аннотация. Рецензируется вышедшая в 2020 г. монография «Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от Античности до наших дней», авторов доктора исторических наук, профессора, академика Российской академии образования, члена Союза писателей России А. Ф. Киселева и ректора МПГУ, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии образования А. В. Лубкова.

Авторы в своем изложении, следуя основным вехам европейской истории мысли – Античность и Рим, Средневековье, Возрождение, Новое время и Просвещение, немецкая философия (от Канта до Ницше), психологические учения конца XIX – середины XX веков (Фрейд, Маслоу, Адлер, Юнг, Шубарт), современность (Камю, Шпенглер, Шелер, Хайдеггер, Ортега-и-Гассет, идеи постмодернизма и трансгуманизма), в качестве сквозных для всей европейской культуры рассматривают идеи Античности о роли и месте человека в мире.

Основной лейтмотив книги – это соотношение уроков предшествующих обществ и культур с положением дел в современном обществе. Особое внимание в работе уделено идеям Мишеля де Монтеня, Блеза Паскаля, Яна Амоса Коменского, Ницше, Вальтера Шубарта, Освальда Шпенгlera, Макса Шелера и других.

В последней главе, названной «Человек в современном мире: в поисках ответа на глобальный вызов», современная эпоха характеризуется как цивилизация, в которой производство научных знаний определяет все остальные отношения: социальные, культурные, межличностные. Однако знания и наука не только освобождают человека, но и закаблюют его, так как сегодня на первом месте «полезные» знания, обслуживающие прагматические задачи, которые ставит экономика. Авторы выдвигают идею антропологического перехода, где основной инструмент – образование, основное направление – развитие человека, и предлагаются меры к такому переходу. Книга адресована всем интересующимся историей и философией.

Ключевые слова: роль, значение и место человека в мире, европейская история мысли, современное общество, антропологический переход, образование.

В исследованиях последнего времени открывается значимая роль в исторических процессах психологической составляющей и что именно от эволюции мировоззрений, ценностей и смыслов решающим образом зависит жизнеспособность и будущее цивилизаций и культур [см. 2; 3].

Эта зависимость будущего состояния человеческих дел от происходящего в человеческих головах сейчас парадоксальным образом делает актуальным исследование того, как в прошлом, в общественных системах различного типа, вырабатывались взгляды на роль, значение и место человека в мире, мотивы и смыслы его жизни. С этой точки зрения представляет немалый интерес монография Александра Киселева и Алексея Лубкова «Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от Античности до наших дней».

Авторы следуют основным вехам европейской истории мысли – Античность и Рим, Средневековье, Возрождение, Новое время и Просвещение, немецкая философия (от Канта до Ницше), психологические учения конца XIX – середины XX веков (Фрейд, Маслоу, Адлер, Юнг, Шубарт), современность (Камю, Шпенглер, Шелер, Хайдеггер, Ортега-и-Гассет, идеи постмодернизма и трансгуманизма).

Важной особенностью подхода, осуществляемого в книге, является рассмотрение в качестве сквозных для всей европейской культуры идей Античности о роли и места человека в

мире: «...в этой бесконечной эволюции подходов есть некий стержень, вокруг которого и строилась наука о человеке, весомый вклад в которую внесли античные мыслители» [1, с. 5]. Этим стержнем явилось открытие триады тело – душа – дух, гармония между которыми была определена как главная задача совершенствования личности.

Античность открыла духовную жизнь как особую реальность, которая «присутствует в нас самих, действует внутри нас, и отношения с людьми являются ее внешним выражением» [1, с. 28]. И тогда в личности пропастиает идеальная сила *должного*. Подчиненность человеческой волициальному лежит в основе нравственности. А вот для римлян главным было право, понимаемое в качестве принуждения к дисциплине и нормам поведения.

Деградация общества сопровождается духовным спадом и кризисом духа. На смену идее служения обществу и государству приходят идеи индивидуальной замкнутости, противопоставления собственного внутреннего мира реальному миру, убеждения в бессмыслиности общественной и личной жизни.

Авторы пишут о неисчерпаемости идей Античности по поводу человека, о том, что эта эпоха парадоксальным образом ушла вперед по отношению к современной цивилизации, так как дошла до естественных пределов роста присущего ей типа общества. А также о том, что осмысление уроков и предупреждений, которые посыпают нам Древняя Греция и Рим, является условием преодоления современным обществом собственных исторических границ и дальнейшего развития. Так, авторы подчеркивают, что главной причиной гибели Римской империи явилось крушение нравственных устоев. И «следует помнить об этом и, заботясь о новых технологиях, не забывать о нравственном здоровье общества, в особенности политических и экономических элит» [1, с. 45].

Вообще тема соотношения уроков предшествующих обществ и культур и современного положения дел звучит лейтмотивом, проходящим через всю книгу, это говорит о том, что предметом главной озабоченности авторов книги является положение дел в современном обществе.

Средневековье дало различные идеалы личности: христианского мыслителя, монах-аскета, воина монашеского ордена, храброго, благородного, верного слову рыцаря, человека знания – представителя университетской корпорации. Колossalное значение сыграла проповедь божественного происхождения человека, преодоления животного начала, любви и добра, милосердия и сострадания. Именно схоласти подготовили европейскую систему образования, которая обеспечила взлет науки, искусства, литературы в последующую эпоху Возрождения.

Эпоха Возрождения характеризуется авторами как потрясающий взрыв созидания, появления уникальных достижений во всех сферах деятельности человека. Она сформировала «новый идеал личности – волевой, целеустремленный, с неутомимой жаждой реализации своего творческого потенциала» [1, с. 94]. К вершине общественно-политической мысли Возрождения авторы относят творчество Мишеля де Монтеня, который предлагает индивиду отказать от претензий на уникальность и оригинальность, наслаждаться тем, кто он есть на самом деле. Счастье быть просто хорошим и добрым человеком без устремленности к общему вниманию и лестным оценкам. Мудрость состоит в том, чтобы принять несовершенство человека и на этом успокоиться и радоваться жизни. Авторы называют этот взгляд реалистичным, помогающим глубже постичь суть человека, и сообразно с ней строить отношения в обществе, государстве и между людьми.

Авторы особо выделяют то, как Монтень ставит проблему образования и воспитания подрастающих поколений, и его призыв «не превращать учебу в каторжный труд учащихся, но раскрыть перед ними радость познания и научить их находить удовольствие в учебе» [1, с. 113]. И здесь же авторы обращаются к практике современной образовательной системы, реформирование которой идет по линии пресловутой «оптимизации», которая на деле приводит лишь к созданию новых структур, а «главному – содержанию образования – уделяется гораздо меньше внимания» [1, с. 114].

В то же время оказывается то, что можно назвать оборотной стороной Возрождения. Великие географические открытия стали катализатором научных поисков, они же привели к жуткой трагедии коренных народов открытых земель и континентов. Благородный рыцарь выродился в алчного, озвевшего от жажды золота конкистадора. Поэтому крайне сложно определить единый европейский идеал личности: «слишком разнолика европейская жизнь и герои, творившие ее историю, а также глубока пропасть, разделяющая идеалы с их воплощением в жизни» [1, с. 121].

Отметим внимание, которое уделено Блезу Паскалю. Согласно Паскалю, человек является загадкой даже для самого себя, ибо не способен представить себе, что такое тело, и еще меньше – что такое дух, и менее всего – как тело может соединяться с духом. Человек велик и ничтожен; разум требует величия, а ничтожность перед бесконечным и неизведанным – веры, спасения и сострадания. Важно, что Паскаль связывает величие человека не с разумом, а с милосердием, ибо только человеку присуще сострадание.

У Яна Амоса Коменского авторы выделяют положения о противоестественности революций в образовании и воспитании. Система воспитания консервативна по своей сути, потому что речь идет о передаче накопленного знания подрастающим поколениям. Авторы пишут о том, что игнорирование этой стороны дела при реформировании современной российской школы приводит к падению уровня образованности ее выпускников.

В эпоху Просвещения были выдвинуты различные идеалы личности: человек-творец с высокими помыслами, знаниями, культурой, смыслами и идеалами; предприниматель-прагматик, неутомимый труженик по приумножению собственного достатка, но не чуждый общественным и государственным интересам; и наконец – революционный бунтарь. Авторы пишут: «Революционные идеи выдвигают гении, но в борьбе за них гибнут миллионы простых людей». И восклицают: «Не слишком ли дорогая цена подобных прозрений?» [1, с. 185].

Пропаганда свободомыслия в качестве альтернативы христианской добродетели привела к разрушению традиционного мировоззрения; оказалось, деятельность мыслителей Просвещения – отнюдь не безобидное философствование, а «пробуждение мощных разрушительных сил, до основания потрясших Европу» [1, с. 184]. Европейцы приобрели свободу предпринимательства, преобразили общество на началах промышленной революции, совершали замечательные научные открытия и достижения в культуре. «Но вместе с тем утрачивали то, что принято называть человечностью. Духовная составляющая Европы оскудевала» [1, с. 185]. Делается вывод о том, что прогресс в области материального производства и достатка странным образом сопровождается регрессом в духовном восприятии мира.

Интересен вывод авторов о неслучайности Ницше в европейской философии и о том, что его идеал сверхчеловека, который воплотился в «белокурой бестии» фашизма, отражает существенные стороны европейского сознания. Вместе с тем для Ницше человеческая личность – мера всех вещей, но такая личность, которая выработала в себе цельную и подлинную индивидуальность, осознавшую свою уникальность и действующую в соответствии с запросами осознанной сути собственного «я». Это гимн индивидуализму, который к концу XIX восторжествовал в Западной Европе. «Это констатация реальной эволюции европейцев в сторону эгоцентризма как характерного качества их ментальности» [1, с. 221]. С другой стороны, Ницше уже видел надвигающуюся опасность формирования «человека толпы» – силы, губящей подлинно ценное, творческое и низводящее все до собственного низменного уровня.

В XX веке лидером науки о человеке выступила психология, особенность ее состояла в отказе от идущих из Античности традиций познания сути человека как духовного существа. Имеется в виду психоанализ и его различные версии, которые начали рассматривать человека как существо, живущее по законам физиологии, в зависимости от организации нервной системы, особенностей структуры мозга и тому подобное. И вот здесь интересным и уместным представляется сравнительно объемный очерк философских взглядов Вальтера Шубарта, ученого с трагической судьбой, который баготворил Россию, но погиб в самом начале войны в советском лагере для военнопленных. Отметим, что авторы на первый план выделяют в идеях Шубарта мысль, что в основе межгосударственных и межнациональных конфликтов лежат главным образом не материальные, а духовные противоположности и противоречия, и отмечают, что этот подход сближает Шубарта с современным пониманием, что войны XX века и войны в прошлом невозможно объяснить чисто социально-экономическими причинами.

Среди мыслителей XX века авторы выделяют Освальда Шпенглера с его идеей множественности равноценных по уровню достигнутой зрелости культур. А это значит, что мировая история – это не одномерный эволюционный процесс, а цикличное развитие цивилизаций, каждая из которых самоцenna и уникальна, занимает свое место в ряду равноценных и равнозначных цивилизаций, имеющих собственные ценности и смыслы. Упадок цивилизаций происходит, когда элиты вырождаются, истощается дух созидания и воли к жизни.

В работах Макса Шелера авторы выделяют круг идей, посвященных вопросам образования и воспитания, и подчеркивают, что, согласно Шелеру, без духовно-нравственных ценностей невозможно превращение индивида в личность и что образование призвано делать познание плодотворным для духовного роста и формирования человека.

В последней главе, названной «Человек в современном мире: в поисках ответа на глобальный вызов», современная эпоха характеризуется как цивилизация, в которой производство научных знаний определяет все остальные отношения: социальные, культурные, межличностные. Но выясняется, что знания и наука есть не только движущая сила, освобождающая человека, но одновременно также и закабаляющая его. Это общество, в котором культивируются прежде всего «полезные» знания, имеющие технологический выход и обслуживающие прагматические задачи, которые ставит экономика. В этом обществе появляется концепция, рассматривающая образование как сферу услуг. И открывается перспектива, что человек в том виде, в каком он существует, должен быть заменен новым, техногенным человеком, или постчеловеком.

Появляется возможность «редактирования» генных карт человека и влияния на становление и развитие индивида в сугубо заданном направлении. Возникает риск превращения его в запрограммированное существо для выполнения определенных функций. «Все явственное открывается перспектива, что человек в том виде, в котором он существует, – архаизм. На смену ему должен прийти новый техногенный человек» [1, с. 276].

Авторы в критическом плане рассматривают концепцию трансгуманизма, которая выдвигает идею технологического улучшения человека и достижения бессмертия за счет переноса жизни человека на цифровые носители. «Однако будет ли нужен оцифрованный человек миру и самому себе? Далее, будет ли у широкого круга людей возможность пользоваться подобными технологиями или они станут драгоценной привилегией избранного круга различного рода элит? Не выроют ли эти технологии глубокую пропасть между «толпой» и избранным, теперь бессмертным меньшинством? Не приведет ли это к вопиющей несправедливости. Приведет...» [1, с. 277]. В связи с этим авторы пишут о том, что теперь как никогда становятся актуальными предостережения Олдоса Хаксли, высказанные в его книге «О дивный новый мир». И что концепция трансгуманизма органично вписывается в западную модель глобализации с вестернизацией во главе угла, в этой модели предполагается не только глобальные экономика, финансы, политика, социальные отношения, но и унифицированный человек глобального мира, под которым понимается «перенос центра тяжести в социально-экономической и культурной жизни стран, народов и всего человеческого сообщества в целом с производства и потребления вещей на разностороннее развитие людей, на культивирование их созидательных способностей и качеств» [1, с. 297]. Основным инструментом антропологического перехода должно стать *образование*, которое является сферой духовного производства, обеспечивающей воспроизведение человека как социального существа, как *Homo sapiens* и *Homo faber*.

Приведем перечень основных мер в области образования, осуществление которых предлагают авторы для обеспечения требуемого антропологического перехода:

- образование должно опираться на мораль и науку, и только на этой основе служить обществу, личности, государству и экономике, в том числе и личной карьере;
- образование должно стать естественной частью жизни каждого человека и общества в целом. С раннего детства каждого человека должна окружать педагогически насыщенная среда, для этого необходимо встроить образование во все социальные институты и процессы, превратив их в составную часть и цель всей общественной жизни;
- цели и ценности развития человека надо вывести на первый план политики и международных отношений [1, с. 299].

Авторы признают, что последний пункт в плане осуществления явится самым трудным, даже почти невозможным. В то же время они подчеркивают, что предлагаемый антропологический переход не предполагает переделку человека и нацелен исключительно на его развитие. И вот тогда начнут решаться глобальные проблемы, а перед человечеством откроются новые исторические горизонты.

Мы представили основные идеи книги А. Киселева и А. Лубкова «Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от Античности до наших дней». Сделаем ряд замечаний общего и критического плана.

Перед нами обстоятельный, интересный текст, в котором научность и содержательная аргументированность сочетается с пафосом гуманизма и человечности. Авторы обращаются к идеям по поводу личности различных эпох не с целью обнаружения их ограниченности, но как к способам понимания и критики положения дел в современном образовании и в обществе в целом. Это позволяет избежать накатанности и стереотипов даже при изложении при-

вычных для историко-философской литературы фигур. Вводятся в научный оборот мыслители, которые до сих пор не были достаточно освещены в литературе, такие как Вальтер Шубарт, Майкл Сэндел. Книга снабжена обширной и разносторонней библиографией, включающей 166 источников.

В то же время в книге присутствуют не совсем удачные или, скажем так, не совсем продуманные сравнения и пассажи. Например, иллюстрируется мысль Гегеля, что появление империй прошлого связано с духовным потенциалом народов, эти империи образующие и создавшие тем самым «великую культуру и соответствующие ей государства». Приводится пример маленькой Македонии, сокрушившей своих более сильных экономически и цивилизационно продвинутых соседей. А далее странным образом ставятся в один ряд «полудикие орды Чингисхана», покорившие многочисленные народы высокой культуры Средней Азии и Китая, СССР, победившего в Великой Отечественной войне, несмотря на то, что против него воевала практически вся «цивилизованная» Европа с ее развитой промышленностью [1, с. 201].

Представляется не совсем продуманной характеристика Декарта как мыслителя, который был «уверен, что человек обречен на одиночество, ибо мир и окружающие люди существуют только в сознании индивида, его субъективного восприятия» [1, с. 130–131]. Очевидно, что Декарт отнюдь не был субъективным идеалистом, признававшим, что мир существует только в его представлении. Сюда же можно отнести пассаж, в котором сравнивается Семен Франк и Макс Шелер: «Подобные выводы характерны и для выдающегося русского философа С. Л. Франка, современника Шелера, написавшего блестящую по глубине работу «Русское мировоззрение» [1, с. 266]. Грамматически фраза может быть понята так, что автором работы «Русское мировоззрение» является Шелер. Правда, положение спасает ссылка внизу страницы, указывающая на авторство данной работы именно С. Л. Франка. Необходимо, однако, признать, что эпизодов такого рода очень немного и их несложно исправить при переиздании книги.

Сделаем теперь замечание, которое нам представляется существенным. Во вступлении, а затем в начале первой главы «Высокая Античность» авторы выдвигают тезис о России и российской культуре как *самобытной части европейской культуры* [1, с. 3, 5]. И представляется естественным развитие этого тезиса в дальнейшем или, по крайней мере, присутствие особой главы, касающейся темы идеала личности в российском обществе на разных исторических этапах его развития. Однако все дальнейшее содержание книги посвящено исключительно положению дел в западноевропейских обществах, начиная с Античности и заканчивая современностью. Думается также, что и тот перечень мер в области образования, которые предлагают авторы для осуществления антропологического перехода, оказался бы в результате более содержательным и конкретным.

Список литературы

1. Киселев А. Ф., Лубков А. В. Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от Античности до наших дней. М.: Вече, 2020. 320 с.
2. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2015.
3. Назаретян А. П. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7.

Turning to the past, we find ourselves in the present

N. M. Efimova

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0003-4341-4476. E-mail: nm-efimova@rambler.ru

Abstract. The monograph "Man in the Mirror of Centuries" published in 2020 is reviewed. The search for the ideals of personality from Antiquity to the present day, by the authors of Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, member of the Union of Writers of Russia A. F. Kiselev and Rector of the Moscow State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education A. V. Lubkov.

The authors in their presentation, following the main milestones of the European history of thought – Antiquity and Rome, the Middle Ages, Renaissance, Modern Times and Enlightenment, German philosophy

(from Kant to Nietzsche), psychological teachings of the late XIX – mid XX centuries (Freud, Maslow, Adler, Jung, Schubart), modernity (Camus, Spengler, Scheler, Heidegger, Ortega y Gasset, ideas of postmodernism and trans-humanism), as cross-cutting for the entire European culture consider the ideas Antiquity about the role and place of man in the world.

The main leitmotif of the book is the correlation of the lessons of previous societies and cultures with the state of affairs in modern society. Special attention is paid to the ideas of Michel de Montaigne, Blaise Pascal, Jan Amos Komensky, Nietzsche, Walter Schubart, Oswald Spengler, Max Scheler and others.

In the last chapter, entitled "Man in the Modern World: in search of an answer to a Global Challenge," the modern era is characterized as a civilization in which the production of scientific knowledge determines all other relationships: social, cultural, interpersonal. However, knowledge and science not only liberate a person, but also enslave him, since today "useful" knowledge serving pragmatic tasks set by the economy is in the first place. The authors put forward the idea of an anthropological transition, where the main tool is education, the main direction is human development, and measures for such a transition are proposed. The book is addressed to everyone interested in history and philosophy.

Keywords: the role, meaning and place of man in the world, European history of thought, modern society, anthropological transition, education.

References

1. Kiselev A. F., Lubkov A. V. *Chelovek v zerkale stoletij. Poiski idealov lichnosti ot Antichnosti do nashih dnej* [A man in the mirror of centuries. The search for the ideals of personality from Antiquity to the present day]. M. Veche. 2020. 320 p.
2. Nazaretyan A. P. *Nelinejnoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psichologiya v global'nom prognozirovaniu* [Nonlinear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. M. Argamak-Media. 2015.
3. Nazaretyan A. P. *Psichologiya v social'nom prognozirovaniu: eshche raz o prichinnyh zavisimostyah* [Psychology in social forecasting: once again about causal dependencies] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2016. No. 7.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (24) (2021)

16+

Редактор *A. B. Mariева*
Технический редактор *L. A. Kislytsyna*
Дизайн обложки *A. K. Dolgova*
Редактор выпускающий *A. Yu. Egorov*
Ответственный за выпуск *I. V. Smolnyak*

Подписано в печать 28.12.2021 г.
Дата выхода в свет 10.03.2022 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,17. Тираж 100 экз. Заказ № 29.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в объединенном каталоге «Пресса России» – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36